

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент научно-технологической политики и образования
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы IV национальной научной
конференции, посвященной памяти доктора исторических наук,
профессора, заслуженного работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева*

*11-12 ноября 2021 года
г. Красноярск*

Красноярск 2022

ББК 4 г
Г 85

Редакционная коллегия:
Р.В. Павлюкевич, С.Т. Гайдин

Г 85 Гришаевские чтения: мат-лы IV национ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 11–12 ноября 2021 г.) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2022. – 203 с.

ISBN 978-5-94617-507-4

Представлены материалы научных докладов участников IV национальной научной конференции «Гришаевские чтения», которая состоялась в г. Красноярске 11–12 ноября 2021 г. по направлениям: «Фронтир в методологии, историографии и источниковедении»; «Фронтир как пограничная зона»; «Жители фронтирных территорий»; «Особенности экономического развития фронтирных территорий».

Предназначено для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

ББК 4 г

ISBN 978-5-94617-507-4

© Коллектив авторов, 2022
© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», 2022

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уникальность современной российской истории – это возможность применения в исследованиях, дискуссиях и идеях различных методов, концепций исторического знания, в том числе и зарубежных.

В последнее время для изучения проблем истории Сибири используют идею фронта, предложенную более 100 лет назад американским историком Ф. Дж. Тернером, который определил фронт как место встречи дикости и цивилизации в странах, имеющих опыт колонизаций. К такому опыту современные российские ученые отнесли мультидисциплинарное изучение Сибири от первых русских поселенцев до настоящего времени.

В наше время хорошо известны сибирские школы фронта: Томская, Иркутская, Алтайская, Дальневосточная, Амурская. В научных центрах и университетах Сибири проводят конференции, диспуты по вопросам изучения Сибирского фронта.

В рамках фронта историки этих научных центров рассматривают обширные территории России от Волги до побережья Тихого океана. Местоположение Сибири на северо-востоке азиатского континента, природные факторы и ресурсы, культурно-исторические традиции коренного населения края и сопредельных территорий не могли не повлиять на специфику русского заселения региона. Становление человека с определенными духовно-нравственными ценностями, социально-психологической ментальностью и характером происходило на перекрестке великих цивилизаций Запада и Востока. Сибирь для современных ученых является уникальной территорией для изучения многочисленных, коренных народов, сохранивших древнюю самобытную культуру, дошедшую до наших дней, и влияние многонациональной культуры на ее трансформацию.

Уникальной особенностью Сибирского фронта является изучение старожильского населения. Жизнь без помещичьего землевладения с огромными пространствами лесов, гор, степей, полноводных рек и свободой духа и сохранением русской культуры во всех ее проявлениях.

Несметные природные богатства Сибири еще с Петровских времен дали развитие горному и промышленному производству, которые сейчас определяют могущество России.

Статьи сборника отражают новые тенденции Сибирского фронта с начала освоения Сибири до настоящего времени.

На конференции были выявлены дискуссионные проблемы концепции фронта применительно к комплексному изучению Сибири, где можно иначе рассмотреть процессы изучения истории Сибири.

Участники конференции благодарят руководство Красноярского государственного аграрного университета за прекрасную организацию и проведение научного мероприятия.

Председатель Программного комитета IV Национальной научной конференции «Гришаевские чтения» – доктор исторических наук, профессор, директор Сибирского института Международного инновационного университета Николай Иванович Дроздов

СЕКЦИЯ 1. ФРОНТИР В МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

УДК 325.111(571.12)(091)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 1960–1980-Х ГГ. В РАКУРСЕ КОНЦЕПЦИИ ФРОНТИРА

***Славина Людмила Николаевна
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
vgkorosteleva@mail.ru***

В статье показан процесс демографической модернизации Восточной Сибири. Выявлены глобальные тренды, региональные и внутрирегиональные особенности. На эмпирическом материале доказывается, что концепцию фронтальной демографической модернизации можно использовать для трактовки демографической истории Восточной Сибири в позднесоветский период.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, население, миграция, естественный прирост, концепция фронтальной демографической модернизации.

SOCIO-DEMOGRAPHIC HISTORY OF EASTERN SIBERIA 1960–1980s FRONT'S CONCEPT

***Slavina Lyudmila Nikolaevna
Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P.Astafyev Krasnoyarsk, Russia
vgkorosteleva@mail.ru***

The article presents the process of demographic modernization of Eastern Siberia. Identified global trends, regional and intraregional features. Based on empirical material, it is proved that the concept of frontier demographic modernization can be used to interpret the demographic history of Eastern Siberia in the late Soviet period.

Key words: Eastern Siberia, population, migration, natural growth, the concept of frontier demographic modernization.

Цель работы – рассмотреть характер развития населения Восточной Сибири в 1960–1980-х гг. с позиций концепции фронтальной модернизации [1; 2; 3] и оценить правомочность использования ее для интерпретации социально-демографических аспектов истории этого региона в позднесоветский период. Опыт расширения рамок применения концепции фронтальной модернизации и выбор ее в качестве методологической основы изучения индустриального освоения Сибири в позднесоветский период уже имеется [4; 5]. Поскольку он положительно оценен историками, важно выяснить, можно ли использовать эту

концепцию при анализе социальных процессов, в нашем случае – социально-демографических.

Определение Восточной Сибири 1960–1980-х гг. как фронтальной территории обусловлено следующими соображениями. Тогда она включала в себя Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области с их автономиями, Бурятскую и Тувинскую АССР и была крайне неравномерно, особенно в начале рассматриваемого периода, освоена. Ее малая заселенность до предела сокращалась по мере движения на север и восток. Социальная и транспортная инфраструктуры были слабо развиты, а экономика имела в значительной степени милитарную направленность, т. е. территория сохраняла главные признаки фронтальности. Более того, в регионе имелись территории первичного освоения, которые по стратегическим соображениям находились под опекой власти и где в целях форсированного промышленного развития строились новые производственные объекты и поселения, притягивавшие мигрантов со всей страны. Кроме того, в Восточную Сибирь с 1944 г. входила Тувинская АССР, которую по всем признакам можно рассматривать как фронтальную территорию в чистом виде. Большинство жителей СССР, в основном сосредоточенных в ее европейской части, вообще слабо представляли, что такое Восточная Сибирь.

Признание Восточной Сибири в позднесоветский период территорией фронта, пусть весьма специфического, рождает вопрос: все ли протекавшие в ней процессы имели «отпечаток» фронта? В данной работе делается попытка ответить на этот вопрос на примере базовой – демографической – сферы. Исследуются динамика численности населения и источники его формирования – миграция и естественный прирост (демографическое воспроизводство) вместе с определявшими их факторами. Объектом изучения выступают в основном сельские жители региона. В постоянном сравнении их со всем сельским населением РСФСР выявляется общее и особенное в их демографическом развитии.

При изучении населения на фронтальных территориях неизбежен выход на проблему встречи культур. Восточная Сибирь в позднесоветский период уже не была местом встречи разных культур в широком смысле. Она являлась многонациональной территорией. Но абсолютное большинство населения (более 90 %) повсеместно составляли русские и русскоязычные народы. Своим численным превосходством они не только определяли все среднерегionalные показатели. Важнее то, что они ассимилировали другие этносы, в том числе коренные, – подавали им пример поведения, начиная с демографического, диктовали новые нормы культуры и ценности, которые те охотно перенимали.

Исключение составляла Тувинская АССР, являвшаяся по отношению к центру страны зоной первичного освоения. Большинство ее населения (от 70,8 % в 1959 г. до 53,4 % в 1989 г.) составляли сельские жители, а среди них большинством (около 75 % в 1959 г. и свыше 70 % в 1989 г.) являлись тувинцы [6, с. 60, 64; 7, с. 515]. Тува, включенная в экономический механизм СССР, стала его неотъемлемой частью, но продолжала оставаться окраинным регионом. Это было заметно по многим показателям, начиная с социокультурных. Тувинцы редко мигрировали за пределы своей республики в рассматриваемый пери-

од. Компактность проживания в своей среде, преимущественно в деревнях, слабость русского присутствия в них во многом консервировали ментальность тувинцев, ценности и нормы поведения. В плане демографических стандартов жители Тувы тоже еще во многом находились во власти традиций.

Фронтирную модернизацию в Восточной Сибири характеризовали подобно другим территориям освоения разновекторная диффузия процессов традиционного и «модерного» типов, крупные миграционные волны, межэтнические контакты, трансфер модернизационных технологий, социальных институтов и социокультурных ценностей. Модернизируясь, административные единицы региона и в рассматриваемые десятилетия еще сохраняли в разной степени освоенческий синдром, в том числе в демографической сфере.

Позднесоветский период был наиболее динамичным в экономическом и социальном развитии Восточной Сибири за всю историю. С 1959 по 1989 гг. общее число ее жителей выросло на 40,0 % против 25 % в РСФСР – с 6 541,3 тыс. до 9152,5 тыс. чел. – и достигло исторического максимума. Численность городского населения тоже росла быстрее и увеличилась за тридцатилетие на 92,9 % против 75,4 % в республике [8, с. 22, 23].

По удельному весу горожан Восточная Сибирь в целом к концу 1950-х гг. поднялась, как и РСФСР, до высокого уровня урбанизации (свыше 50 %), а к 1989 г. – очень высокого (более 66 %). Административно-территориальные образования региона находились в разных фазах урбанизационного процесса. К концу 1950-х гг. высокого уровня урбанизированности достигли Иркутская и Читинская области, подошел к нему Красноярский край. Бурятия достигла этого рубежа в середине 1970-х гг., а Тува так и осталась «сельской» до конца советского периода (табл. 1) [8, с. 22, 23; 9, с. 28, 30, 96, 97, 100–107].

Таблица 1

Удельный вес городского населения в Восточной Сибири и в РСФСР
в 1959–1992 гг., на 1 января, %

Территория	1959	1989	1992	
			удельный вес	УУР
Восточная Сибирь	52,7	71,9	72	40
Красноярский край*	49,6	72,8	73	44
Хакасия	...	...	73	25
Иркутская обл.	62,1	80,5	81	48
Читинская обл.	54,4	65,2	66	30
Бурятская АССР	41,1	61,5	60	32
Тувинская АССР	29,2	47,1	48	12
РСФСР	52,4	73,6	74	46

По формальному признаку Восточная Сибирь превратилась в «городской» регион. Но более точный показатель – *уровень урбанизационного развития территории (УУР)*, учитывающий несколько параметров, – свидетельству-

ет, что она до начала 1990-х гг. имела больше черт не высоко-, слабоурбанизированной территории. Сохранялись очаговое заселение, малая плотность населения, низкие темпы концентрации людей в городах, неразвитость там всех элементов «городской» инфраструктуры. К началу 1992 г. в городах людностью 100 тыс. и выше проживали лишь 54,4 % городского населения региона, 11,4 % жили в средних городах (50–100 тыс. чел.), а 34,2 % – в мелких и поселках городского типа [9, с. 100–104]. Восточная Сибирь становилась индустриальной при отставании темпов трансформации других сфер общества, в том числе демографической. Эта сфера тоже модернизировалась, но со спецификой, ярче выраженной в сельской местности.

Региональная специфика модернизации проявлялась количественно и качественно во всех без исключения народонаселенческих процессах, начиная с динамики численности населения. С 1960 по 1991 гг. количество сельских жителей в РСФСР сократилось на 29,1 %, а в Восточной Сибири – на 14,7 %. Внутри региона результаты различались принципиально. В Иркутской обл. число сельчан уменьшилось на 26,6 %, в Красноярском крае – на 23,0 %, в Читинской обл. и Бурятии выросло на 1,0–1,5 %, а в Туве увеличилось на 30,8 %. Динамику численности населения повсюду определяли, как обычно, два источника: миграции и естественный прирост [8, с. 22, 23; 9, с. 100–107].

Миграция в 1960–1980-х гг. продолжала играть, как и прежде, огромную роль в формировании населения Восточной Сибири. Подобно другим фронтирным территориям, регион отличался интенсивными, но неравномерными перемещениями людей, в зависимости от времени и места. Пик активности миграций пришелся на период с середины 1960-х до середины 1970-х гг. Так, лишь за 1968–1969 гг. переехали (многие – не раз) и осели на новом месте жительства в Восточной Сибири 793,9 тыс. чел. – 10,6% ее населения, в том числе 526,4 тыс. чел. – в городских поселениях, 267,5 тыс. – в сельских. Почти половину (48 %) переселенцев составляли сельчане [10, с. 18].

Ареал миграций был предельно широким. Не только в города, но и в деревни прибывали люди со всего СССР. Но среди них преобладали внутрирегиональные мигранты. По данным переписи 1970 г., 69,6 % новоселов в сельской местности составляли выходцы из других мест Восточной Сибири, 5,9 % – из Западной. Остальные 25,1 % приехали из большинства районов РСФСР и из других союзных республик, больше всего из Украины и Казахстана. Примерно в тех же направлениях уезжали люди из региона, только пропорции в структуре их потока чуть отличались [11, с. 9–156]. Его составляли как не прижившиеся в Сибири возвращенцы, так и местные жители.

Большинство переселений (70–75 %) происходило в Красноярском крае и Иркутской области. Точные объемы этих миграций в сельской местности неизвестны, поскольку они плохо учитывались. Переписи фиксировали только их конечные результаты, выявляя среди населения «неместных уроженцев» – лиц, рожденных в других местах. По переписи 1979 г., они составляли в сельской местности РСФСР 41,9 %, а Восточной Сибири – 51,7 %, в том числе 58,9 % – в селах Красноярского края, 55,8 % – Иркутской области, 48,4% – Читинской,

40,2 % – в деревнях Бурятии и 30,1 % – Тувы [12, с. 100–101, 150–159]. Ускоренное, но неравномерное освоение территории в 1960–1980-х гг. вызывало резкие внутрирегиональные различия в интенсивности миграционного движения населения и, соответственно, создавало перекосы в его демографических структурах. Этим Восточная Сибирь позднесоветского периода напоминала окраинные регионы дореволюционной России, находившиеся в процессе освоения.

Миграционный оборот в регионе (сумма приезжавших и уезжавших) был высоким, но результат – механический прирост населения – в целом небольшим. Точнее, вклад миграции в формирование населения городов и деревень различался принципиально. Города прирастали ею (за исключением начала 1990-х гг.), а в сельской местности сальдо миграции было всегда отрицательным: деревни непрерывно лишались лучшей части своего репродуктивного (и трудового) ресурса. Часть его перемещалась в города региона, другая, и не малая, – за его пределы. Встречный поток переселенцев в деревню лишь частично покрывал ее людские потери (табл. 2) [13, с. 235–236].

Таблица 2

Миграционный прирост (потери) населения Восточной Сибири
в 1961–1991 гг., тыс. чел.

Территория	1961– 1965	1966– 1970	1971– 1975	1976– 1980	1979– 1988	1989	1990	1991
Весь регион	18,7	-166,3	-42,0	25,2	42	-25,0	-24,5	-28,6
Город	126,0	171,5	269,7	231,9	282	5,2	-9,6	-20,2
Деревня	-107,3	-337,8	-311,7	-206,7	-240	-30,2	-14,9	-8,4

Миграция не только сокращала численность сельского населения, вымывая из деревень в первую очередь молодежь (больше – девушек), но и негативно влияла на детородное поведение остававшихся (до поры) на месте сельчан, снижала их репродуктивные планы: потенциальные мигранты не спешили с рождением детей. Миграция также способствовала деформации демографических структур населения. Уже перепись 1959 г. отметила в деревне нехватку невест: в наилучших репродуктивных возрастах (15–29 лет) на 1000 женщин приходилось по 1025–1085 мужчин [14, с. 66, 537]. В 1970 и 1979 гг. мужской перевес был отмечен во всех когортах до 40 лет, в 1989 г. – до 45-ти [15, с. 304–343]. Преобладание мужчин в самых активных возрастах – типичный признак территорий нового освоения – быстро восстановился после Великой Отечественной войны.

Повышенная миграционная активность ускорила процесс старения населения, характерный для всех народов в XX в. Доля лиц в возрасте 60 лет и старше выросла в деревнях региона с 7,6 % в 1959 г. до 11,8 % в 1989 г. Это, естественно, способствовало росту там уровня смертности: больше стариков – больше смертей. Но при всем этом сибиряки были «моложе» среднестатистиче-

ских сельских жителей РСФСР и в процессе «старения отставали от них на целое поколение (25–30 лет). Доля лиц старше 60 лет в сельском населении РСФСР поднялась с 1959 по 1989 гг. с 10,6 до 18,4 % [14, с. 66, 537; 15, с. 304–334].

Статистика показала, что в последнем советском 30-летию миграция оставалась крупным, но не главным, как прежде, источником роста населения сибирских городов, а к 1990-м гг. вообще стала источником его сокращения. В сельской же местности ее воздействие на демографическую сферу было изначально отрицательным: она уменьшала его численность и ухудшала демографические качества. Главным источником формирования сельского населения все годы оставался естественный прирост.

Суть происходившего в сфере естественного прироста (воспроизводства) населения исчерпывающе объясняет *теория демографической модернизации* (перехода). С конца 1980-х гг. она является в отечественной науке общепризнанной теоретической основой изучения населения России и ее регионов, доказав безусловную эффективность при исследовании как досоветского, так советского и постсоветского периодов.

Теория демографической модернизации в течение многих лет используется нами при исследовании процессов развития населения Восточной Сибири 1950–2000-х гг. Проведенный анализ огромного комплекса источников, прежде всего, демографической статистики, показал, что воспроизводство населения в восточносибирском регионе осуществлялось в рамках общих трендов с Россией в целом, а России – с развитыми странами Запада. Везде шел (точнее, завершался) демографический переход от высокой рождаемости и смертности к низким уровням того и другого, снижался естественный прирост населения до границы простого замещения поколений и, как оказалось в 1990-х гг., ниже ее.

Повсюду в РСФСР 1960-е гг. были демографическим «провалом», 1970-е – демографическим «застоем», 1980-е – десятилетием пертурбаций. И результат был общим – депопуляция с начала 1990-х гг. Что же тогда отличало административно-территориальные единицы Восточной Сибири друг от друга, а ее – от России в целом? Во-первых, сроки и темпы демографического перехода, место территорий на этом пути. Восточная Сибирь отставала от европейской части республики и, соответственно, от РСФСР в целом, одни административные образования региона – от других. Статистика зафиксировала огромное разнообразие показателей по территориям. Тува, например, шла с отставанием от Восточной Сибири в целом примерно на 25 лет – на длину поколения. Во-вторых, различались параметры всех процессов.

Естественный прирост в Восточной Сибири в изучаемом 30-летию был повсюду положительным, значительно превышал среднероссийский уровень и при этом качественно варьировался по территории. В 1960 г. он составлял в сельской местности РСФСР 18,3 ‰, а в деревнях Восточной Сибири – 31,6 ‰, от 20,8 ‰ в Красноярском крае до 27,9 ‰ в Бурятии. В Туве же вообще наблюдался демографический взрыв – 34,9 ‰ (табл. 3) [15, с. 66, 67; 9, с. 125, 6130, 131]. Это явление типично для фронтальных территорий. Приход туда более

развитой цивилизации и, соответственно, передовой медицины резко сокращал смертность. В частности, в Туву в 1950-х гг. «пришли» обязательная вакцинация и антибиотики, которые резко снизили смертность от инфекций, являвшихся в те годы главной причиной смерти в любом возрасте. Но свое репродуктивное поведение местное население меняло медленно, сохраняло высокую рождаемость. И в результате естественный прирост стал огромным.

Таблица 3

Общие коэффициенты естественного движения сельского населения
Восточной Сибири и РСФСР в 1960 и 1991 гг., ‰

Год	Чел. на 1000 жителей					
	Родилось		Умерло		Естественный прирост	
	Восточная Сибирь	РСФСР	Восточная Сибирь	РСФСР	Восточная Сибирь	РСФСР
1960	31,6	26,5	7,2	8,2	31,6	18,3
1991	17,8	14,5	10,7	13,4	7,1	1,1

За последующие 30 лет естественный прирост снизился у всех жителей РСФСР. В 1991 г. он составлял в сельской местности лишь 1,1 ‰, но Восточной Сибири – 7,1 ‰, от 3,2 ‰ в красноярских деревнях до 10,0 ‰ в читинских. В Туве его уровень сократился до 16,8 ‰ и был таким, как в РСФСР в начале 1960-х гг. (табл. 3). Причиной столь радикальных изменений и «пестроты» параметров этого базового демографического показателя выступала неравномерность модернизации процессов воспроизводства населения, напрямую зависящих от уровня общей модернизации территорий. Столь же «пестрыми» были показатели рождаемости и смертности, составлявшие естественный прирост.

В течение всего рассматриваемого периода в восточносибирских деревнях рождаемость была выше по сравнению с сельской Россией в целом: в 1960 г. родилось соответственно по 31,6 детей против 26,5 чел. на 1000 жителей [16, с. 55, 66]. В последующем рождаемость снижалась повсюду, но сибиряки сохранили более высокий уровень ее: в 1991 г. у них рождалось по 17,8 детей, у среднестатистических сельских жителей РСФСР – по 14,5 чел. [9, с. 130]. Такой результат достигался тем, что в селах региона было, во-первых, больше молодых женщин, и, во-вторых, уровень рождаемости, обозначаемый *суммарным коэффициентом* (СКР), у них везде был значительно выше. В 1959 г. в сельской местности РСФСР женщины рожали в среднем по 3,379 ребенка, а в Восточной Сибири – по 3,956, от 3,615 чел. в красноярских деревнях до 4,495 в Бурятии и 5,595 в Туве [17]. Через 30 лет СКР в селах региона сократился – до 3,147 в 1991 г. (от 2,838 в красноярских деревнях до 3,812 в Туве). Но и в момент распада СССР он еще «с запасом» обеспечивал расширенное воспроизводство населения деревни и был существенно выше среднего по селам России – 2,587 [18, с. 66, 128–130].

Восточная Сибирь традиционно славилась высокой внебрачной рождаемостью. В деревне она была выше, чем в городах, и росла быстрее. За 1960–1991 гг. доля внебрачных рождений в селах региона поднялась с 20,3 до 26,9 %, в деревнях РСФСР – с 14,6 до 17,3 % [19; 9, с. 209, 214]. После 1991 г., в условиях необузданной свободы во всем, доля внебрачных детей везде начала стремительно расти, и поднялась к 2007 гг. до 31,3 % по российской деревне в целом. В Восточной Сибири ее уровень был, по обыкновению, намного выше – от 44,5 % красноярских деревнях до 64,0 % в селах Тувы [20, с. 174, 179].

Еще более яркие признаки фронтирности несла на себе смертность, особенно в деревнях, хотя, как и рождаемость, она развивалась в рамках общероссийских трендов. До середины 1960-х гг. она снижалась, затем, с остановками, стала расти, как и по всей стране, за счет подъема смертности трудоспособных мужчин – биологически самой крепкой части населения. Этот тренд не прерывался до конца советского периода.

Все параметры смертности у сибиряков тоже значительно отличались от среднероссийских. Ее общий уровень был ниже, чем у среднестатистических сельских жителей России (табл. 3). В 1960 г. в селах РСФСР умирали по 8,2 чел. на тысячу населения, Восточной Сибири же – по 7,2 чел., от 6,6 чел. в деревнях Читинской обл. до 8,1 чел. – Бурятии. И лишь в тувинской деревне ее уровень составлял 9,5 ‰ [16, с. 66, 67]. За 30 лет смертность выросла повсюду, но в селах региона ее общий показатель по-прежнему оставался более низким – 10,7 ‰ против 13,4 ‰ в селах РСФСР в 1991 г. [9, с. 125, 130, 131]. Однако это был лишь статистический эффект – следствие того, что сибиряки были значительно моложе среднестатистических россиян. Реальный же уровень смертности во всех возрастах, начиная с младенцев, у них был выше.

Младенческая смертность, быстро сокращавшаяся до конца 1950-х гг., в последующие десятилетия превратилась в крупную проблему всей страны. Но в восточносибирских деревнях она стояла особенно остро. Процесс ее снижения, скорость которого прежде впечатляла, в 1960-х гг. резко затормозился. Например, в красноярских деревнях она снизилась с 102,4 ‰ в 1950 г. до 31,6 ‰ в 1960 г., т.е. в 3,2 раза, но за 1960-е гг. – лишь на 10,4 % (до 28,3 ‰ в 1970 г.), за 1970-е – на 7,4 % (до 26,2 ‰ в 1980 г.), за 1980-е гг. – на 2,6 % (до 25,5 ‰ в 1990 г.) [21, с. 5, 7]. В целом за 30-летие смертность младенцев в деревнях России снизилась вдвое (с 38,1 ‰ до 19,1 ‰), региона – на треть (с 33,6 ‰ до 22,5 ‰) [16, с. 90, 91, 102, 103; 9, с. 353, 357, 359].

Сибиряки трудоспособных возрастов (16 – 55/60 лет) тоже умирали намного чаще своих сверстников в европейской части России. В 1990 г., например, их смертность в селах региона составила 7,0 ‰, в том числе 10,0 ‰ у мужчин и 3,3 ‰ у женщин. А у их сверстников в селах РСФСР показатели составляли соответственно 6,2, 9,3 и 2,4 ‰ [9, с. 320–350].

Характер смертей у сибиряков выделялся на общем фоне сельчан России. Они умирали от тех же причин, но их структура в регионе была иной: доля смертей, обусловленных эндогенными факторами, – ниже, экзогенными – выше. Такая пропорция свидетельствовала, что села региона в процессе модерни-

зации смертности отставали на десятилетия от европейской России до самого конца советского периода. Например, в 1990 г. везде главной причиной смерти являлись сердечно-сосудистые заболевания. Но в сельской местности РСФСР в целом на 2 месте стояли новообразования, на 3-м – внешние воздействия, а во всех административных образованиях Восточной Сибири 2 место с 1960-х гг. прочно удерживали внешние воздействия, оттеснив онкологические болезни на 3-е. В Туве же внешние воздействия вообще стояли на 1 месте, на 2-м – сердечно-сосудистые заболевания, на 3-м – онкологические болезни.

Масштабы потерь от одних и тех же причин также отличали сибиряков. Так, в 1990 г. в сельской местности РСФСР умирали от сердечно-сосудистых заболеваний по 751,2 чел. из 1000 тыс. населения, а в регионе – по 458,0 чел., от новообразований – по 184,6 и 160,7 чел. соответственно. Сибиряки меньше умирали от этих двух причин не потому, что были здоровее. Они просто не доживали до «своих инфарктов и раков», погибая преждевременно от в принципе излечимых экзогенных причин (инфекций и т. п.) и особенно от внешних воздействий: в 1990 г. на 100 тыс. сельчан в регионе гибли по 212,8 чел., по селам РСФСР – по 164,1 чел., что, впрочем, тоже было немало и не шло ни в какие сравнения с развитыми странами [9, с. 245, 250–251].

В картине смертности сибиряков было несколько «зон неблагополучия». Главная – смерти от внешних воздействий, а среди них – убийства и самоубийства. Их определяли множество факторов, в том числе высокая и продолжавшая возрастать маргинализация населения, характерная для районов нового освоения.

В начале рассматриваемого периода убийства еще не часто случались в регионе. Наибольший их уровень был зафиксирован в 1959 г. в иркутских деревнях (7,3 случая на 100 тыс. жителей), самый низкий – в читинских (3,2), на остальной территории – примерно как в среднем по региону (5,7). За 30 лет сельская местность Восточной Сибири стала рекордсменом по этому показателю среди остальных экономических районов РСФСР. Он вырос почти в 6 раз – до 32,4 случая в 1990 г., с колебаниями от 27,1 в красноярских и читинских деревнях до 39,0 в иркутских. Внутри региона печально лидировала Тува – в ее деревнях уровень убийств лишь за 1988–1991 гг. вырос с 50,7 до 94,3 случая. Он в 5–6 раз превышал среднероссийский уровень (15,7) и втрое – среднерегиональный [9, с. 258, 260–261].

Еще одним проявлением социального дискомфорта в селах региона являлись самоубийства, которых было втрое больше, чем убийств. По официальным данным, в 1959 г. их уровень составлял по 15,2 случая на 100 тыс. сельчан – от 11,9 в читинских деревнях до 19,2 в иркутских. Поскольку по критериям ВОЗ средним уровнем самоубийств считаются 10–19 случаев на 100 тыс. населения, высоким – 20 и более, то уже тогда у сибиряков был средний уровень самоубийств, а у иркутян – высокий. За тридцатилетие он вырос в 2,6 раза – до 39,3 случаев на 100 тыс. чел. в 1990 г. По уровню самоубийств Восточная Сибирь тоже вышла на первое место среди экономических районов республики. Он превышал средний показатель по российским селам (32,8 случая) и был выше, чем в городах региона (31,4 случая) [9, с. 258, 260–261].

Распространение в таких масштабах насильственных смертей, как и вообще от внешних воздействий, не вписывалось в закономерности демографической модернизации и не может объясняться теорией демографического перехода. Они обуславливались спецификой жизни в регионе, свидетельствовали о глубоком кризисе, который переживало население восточносибирской деревни и, следовательно, требуют дополнительных концепций для их интерпретации.

Структура причин младенческой смертности также несла на себе печать региональной специфики и свидетельствовала об отставании в модернизации и этого процесса. Как и полагается, снижалась доля смертных случаев от внешних, экзогенных, причин и росла доля смертей от внутренних, эндогенных, характерных для современной жизни. Но динамика перестройки структуры причин смерти имела зигзагообразный характер. Например, смертность от болезней органов дыхания за 1970–1991 гг. сократилась втрое (с 151,6 до 49,8 чел. на 10 тыс. родившихся), но более чем удвоилась от инфекций (с 11,7 до 25,0 чел.). Число жертв несчастных случаев сокращалось слишком медленно (с 29,1 до 20,6 чел.), но в то же время в 1,4 раза выросло от врожденных аномалий (с 25,1 до 34,8 чел.), удвоились случаи перинатальной смертности (с 32,0 до 67,6 чел.) [16, с. 88, 9, с. 385]. В результате медленного сокращения смертей от «традиционных», экзогенных, причин и быстрого роста от «современных» темпы падения младенческой смертности в 1960-х гг. резко затормозились, а потом «зависли» на слишком высоком для современных стандартов уровне.

Развитие многочисленных негативных тенденций в процессе смертности в последнем советском 30-летию обусловили негативную динамику ожидаемой продолжительности жизни в селах региона (табл. 4) [22; 9, с. 393]. Ее быстрый рост в предыдущих десятилетиях в 1960-х гг. прервался, а за 1970-е гг. она даже упала ниже уровня 1960 г.: у женщин – на 1 год, у мужчин – на 6 лет. В 1980-х гг. женщины восстановили потери, мужчины – нет. Огромный разрыв в продолжительности предстоящей жизни между полами еще больше вырос к началу 1990-х гг. Увеличилась также разница между сельчанами и горожанами региона. Наконец, сибиряки – и сельчане, и горожане – так и не смогли достичь уровня средней продолжительности жизни в России. Напротив, разрыв увеличился. Судя по статистике, бытующее мнение об особо крепком сибирском здоровье – не более, чем миф.

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в Восточной Сибири и в РСФСР в 1958-1991 гг., число лет

Год	Восточная Сибирь				РСФСР			
	Город		Деревня		Город		Деревня	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1958–1959 .	60,84	69,38	62,39	70,02	63,00	71,48	62,86	71,30
1980	59,80	71,25	56,30	69,04	62,21	73,02	59,40	72,36
1990–1991	62,10	73,10	60,40	71,60	64,10	74,30	61,70	73,90

Статистику смертности позднесоветского периода часто оценивают как очень заниженную. Но и она свидетельствует, что по модернизации смертности сельчане Восточной Сибири значительно отставали от горожан своего региона и сельских жителей центральных районов страны и что, заболев с одинаковыми с ними болезнями, они имели значительно меньше шансов выжить. А статистика младенческой смертности показывает, что эта несправедливость в вопросах жизни и смерти начиналась с момента рождения и даже раньше, когда будущие сельские матери теряли здоровье в суровых природных, производственных и бытовых условиях.

Итак, анализ характера социально-демографических процессов, протекавших в 1960–1980-х гг. в Восточной Сибири, подтверждает, что ее население, как и России в целом, переживало очередной этап демографической модернизации. Она шла в рамках общероссийских трендов, но сибиряки имели множество специфических черт, обусловленных совокупностью факторов. Они отличались повышенной миграционной активностью, были моложе, чем жители европейской части страны, имели менее деформированную структуру по полу. Отличия были не настолько глубокими, чтобы процессы вышли из общих трендов воспроизводства населения, но достаточно большими, чтобы повлиять на все параметры этих процессов. Все они очень различались количественно и качественно по административным единицам региона. Причем, различия не стирались, а, напротив, увеличивались.

Общие тренды трансформации населения исчерпывающе объясняет теория демографической модернизации (демографического перехода). Но она не в состоянии интерпретировать региональную специфику процессов. Следовательно, требуется дополнить ее другими концепциями. На наш взгляд, для этой цели вполне подходит концепция фронтальной модернизации. Особенности развития Восточной Сибири в позднесоветские десятилетия позволяют оценивать ее в целом как территорию фронта. А наличие большого числа особенностей в социально-демографических процессах, разная скорость, а порой и разнонаправленность их течения, «пестрота» всех показателей по территориям и прочие особые признаки убеждают, что использование концепта фронтальной демографической модернизации в данном случае вполне правомочно. Конечно, при условии более основательной проработки путей и инструментов ее интеграции в ТДП.

Список литературы и источников

1. Побережников И. В. Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 72–140.
2. Побережников И. В. Региональные варианты фронтальной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал,

- Сибирь, Казахстан. Оренбург: Издат.-полиграф. комплекс ОГУ, 2018. С. 173–178.
3. Зубков К.И. Фронтир как исследовательская парадигма //Уральский исторический вестник. 2018. № 4(61). С. 63–71.
  4. Тимошенко А.И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации //Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 141–148.
  5. Тимошенко А.И. Индустриальное освоение Сибири во второй половине XX в.: фронтальное измерение //Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 104–111.
  6. Численность и состав городского и сельского населения РСФСР по возрасту, состоянию в браке, национальностям, образованию и обучению (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.). М.: Госстатиздат, 1960. 190 с.
  7. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения, 1989. М.: РИИЦ, 1992. 747 с.
  8. Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: РИИЦ, 1990. 147 с.
  9. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М.: РИИЦ, 1992. 480 с.
  10. Миграция населения РСФСР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1974. 268 с.
  11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Финансы и статистика. 1973. Т. VII. 290 с.
  12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Статистика, 1990. Т. X. 286 с.
  13. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Росс. энциклопедия, 1994. 640 с.
  14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Финансы и статистика, 1971. Т. II. Ч. I. 616 с.
  15. Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: РИИЦ, 1990. 396 с.
  16. Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1982. 247 с.
  17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 816. Л. 24, 88.
  18. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: РИИЦ, 1994. 417 с.
  19. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 4923. Л. 158–412.
  20. Демографический ежегодник Российской Федерации. 2009: стат. сб. М.: Росстат, 2009. 557 с.
  21. Естественное движение населения Красноярского края: стат. сб. Красноярск: Крайстат, 1991. 57 с.
  22. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Т. 2. Д. 4926. Л. 232.

***ИЗУЧЕНИЕ ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ
ФРОНТИРА***

***Коновалова Ольга Викторовна
Сибирский юридический институт МВД России,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
olgav--k@yandex.ru***

В статье рассмотрены взаимоотношения между центром и периферией эсеровской эмиграции в контексте раскола Заграничной делегации партии социалистов-революционеров в 1926–1931 гг., трансформация политического мировоззрения В. М. Чернова по вопросу роли СССР во Второй мировой войне.

Ключевые слова: фронтир, политическая эмиграция, партия социалистов-революционеров, Харбинская группа ПСР, Заграничная делегация ПСР, В. М. Чернов, СССР, Вторая мировая война.

***THE STUDY OF SOCIALIST-REVOLUTIONARY EMIGRATION
IN THE LIGHT OF THE FRONTIER CONCEPT***

***Konovalova Olga Viktorovna
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
olgav--k@yandex.ru***

The article examines the relationship between the center and the periphery of the Socialist-Revolutionary emigration in the context of the split of the Foreign delegation of the Socialist-Revolutionary Party in 1926–1931, the transformation of V.M. Chernov's political outlook on the role of the USSR in World War II.

Key words: frontier, political emigration, Socialist Revolutionary Party, Harbin PSR group, PSR Foreign delegation, V.M. Chernov, USSR, World War II.

Безусловно, концепцию фронта, представленную Фредериком Дж. Тернером в 1893 г., можно отнести, как верно отметил зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН К. И. Зубков, «к научным открытиям фундаментального и по-своему революционного характера, но не столько находением новой сферы исторических исследований, сколько умением придать новый эвристический смысл» уже казалось давно изученным фактам и явлениям. Концепция фронта дала мощнейший стимул для изучения процессов колонизации, в том числе Сибири, не только с точки зрения изучения новых, складывавшихся на подвижных приграничных территориях, оригинальных форм социальной и экономической жизни, но и исследования «человека фронта», его поведения, состояния духа [1].

В современном научном мире категория фронта охватывает широкое междисциплинарное пространство: от культурно-антропологической, историко-культурологических, социально-экономических аспектов и затрагивает даже информационное пространство. Связано это с блестящей идеей Тернера исследовать исторический процесс сквозь призму линии передвигной границы. Это дает новое направление исследованию и в плане изучения политической эмиграции.

Победа большевиков в гражданской войне привела к массовому исходу противников советского режима. В Китае оказалось около 200 тыс. российских эмигрантов, значительная часть из которых «осела» в Русском Харбине [2]. Харбин стал один из центров Русского зарубежья, наряду с Берлином, Парижем, Прагой, там был представлен весь политический спектр российской эмиграции – от монархистов до социалистов.

Несмотря на провинциальность китайских эмигрантов и удаленность Харбина от основных культурных центров русской диаспоры между соотечественниками устанавливались прочные связи. В Харбине был создан областной комитет ПСР под руководством М. А. Кроля (1919–1925 гг.) [3]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. харбинскую группу ПСР возглавлял М. К. Филиппов (Клявер). Группа систематически получала эмигрантские социалистические журналы, внимательно следила за развитием политических баталий в эмигрантской среде Европы и стремилась оказывать политическое влияние на развитие внутрипартийной ситуации.

После ареста в мае 1925 г. последнего состава ЦБ ПСР в России заметно усилились дезинтеграционные процессы в эсеровской эмиграции. Казалось, основанная на единых идейных позициях Заграничная делегация ПСР (ЗД ПСР), утвержденная в апреле 1925 г. ЦБ ПСР, в составе В. Я. Гуревича, С. П. Постникова, М. С. Слонима, Е. А. Сталинского, В. В. Сухомлина, В. М. Чернова и Г. И. Шрейдера, в 1926 г. раскололась. Чернов и его группа (В. Я. Гуревич и Г. И. Шрейдер) продолжали выпускать центральный орган партии «Революционную Россию», В. В. Сухомлин заявил о выходе из редакции и основал вместе с коллегами (С. П. Постниковым, М. С. Слонимом, Е. А. Сталинским) в 1927 г. в Париже журнал «Социалист-революционер», пытаясь одновременно продолжить выпуск журнала «Воля России». В это время Чернов инициировал создание «Социалистической лиги нового востока» – политической эмигрантской организация, объединившей российских украинских, белорусских и армянских социалистов. Лига стремилась обратить внимание на решение национального вопроса в Европе, выступала за демократизацию СССР и право национального самоопределения народов, проживающих на его территории. Эти идеи были расценены группой «Воли России» как призыв к распаду СССР и вызвали категорическое неприятие. В марте 1928 г. группа Чернова образовала Заграничный союз ПСР, тем самым практически отмежевалась от ЗД и Областного комитета заграничных организаций ПСР. II съезд Заграничных организаций ПСР (Париж, 29 апреля – 6 мая 1928 г.) отказал «Революционной России» в праве на выражение мнений всей партии. Конфликт отразился на

представительстве партии в Интернационале [4, с. 5–6]. С 1928 г. Харбинская группа ПСР инициировала активную переписку с обеими конфликтующими сторонами ЗД, пытаясь выяснить причины раскола и стремилась примирить партийных товарищей, планировалось даже провести в 1931 г. III съезд Заграничных организаций ПСР [5]. Уникальные документы по этому поводу отразились в архивных коллекциях ГА РФ, Международном архиве и коллекции Международного института социальной истории г. Амстердама.

В процессе переписки прослеживается, что харбинцы воспринимали себя как «периферию» эсеровской эмиграции, рядовых членов партии, в отличие от пражских, парижских вождей, но вместе с тем чувствовали себя причастными ко всем событиям, происходившим в эмиграции, болели за судьбу партии, поэтому уважительно и убедительно зывали к В. М. Чернову как признанному лидеру партии, сделать все для восстановления единства эсеровской эмиграции. Так, искренне прозвучал для Чернова их призыв, что он не мог не ответить и не объяснить свое виденье причин разногласий в ЗД. Благодаря этой переписке возможно вообще представить позицию Виктора Михайловича по поводу произошедшего раскола и состояния дел в эсеровской эмиграции начала 1930-х гг.

Полемизируя с товарищами из Харбина, он подчеркивал, что им не следует называть себя периферией. «Помилуйте, какая же вы – периферия?» – возражал он, – периферия – это тот слой, который составляет переход, прослойку от собственно – партийцев к абсолютно политической массе; это – живое соединительное звено партийных эсеров с народом. Вы и ваши товарищи – партийные кадровики». Он делал акцент на том, что в плане отдаленности от России, «типичный кадровик оторван от жизни несколько не менее чем типичный «лидер». Ибо у него самого нет периферии, через которую он связан с низами и осужден вариться в собственном соку. От того, что кадровиков дальних и разобщенных городов вы называете периферией в отличие от жителей Парижа, Берлина и Праги, вы не сообщите первым естественных преимуществ периферии – непосредственного сообщения с «почвой», с нашей социальной «мать – сырой землей»» [4, с. 17–18].

В середине 1930-х гг. в переписке с М. Н. Павловским Чернов, развивая эту тему, выделял две генерации эсеровской эмиграции в Европе и США: «Первая очередь: старики», к которым относил себя (1873–1952), Х. О. Житловского (1965–1943), Н. С. Русанова (1959–1939), Гр. И. Шрейдера (1860–1940)». Вторая – «средники», понемногу переходившие в «стариков»: В. М. Зензинов (1880–1953), Н. Д. Авксентьев (1878–1943), Е. А. Сталинский (1880–1952), В. В. Руднев (1879–1940), И. И. Фондаминский (1881–1942), М. В. Вишняк (1883–1976), А. Ф. Керенский (1881–1970). сетовал, что не видно в рядах эсеровской эмиграции молодежи, «даже переходного типа середняков к молодежи не видно, или почти не видно». В этом плане признавал: «Наша партия постигнута «кризисом поколений». При этом надеялся, что как в свое время у «Народной Воли» в 1880-е гг. «где-то зреет наша новая генерация», которая «еще, может быть, бегаёт в коротеньких штанишках», возможно, мы дождемся когда «она выступит на авансцену в качестве нашей «смены» [6, box 18].

Чернов считал, что причины разногласий в ЗД носят многоуровневый характер, корнями уходят в идейно-политический и организационный раскол партии эсеров в 1917 г. Он отстаивал исключительные права за ЗД ПСР, как органе, уполномоченным ЦБ партии в России в противовес выбранному за границей Областному комитету. Полагал, что состав комитета являлся более правым, чем партия, стоящая на левоцентристских позициях. Запустить демократические процедуры избрания руководящего состава партии за границей означало раствориться в более правой среде и окончательно потерять эсеровское лицо, а значит повторить ошибку августа–сентября 1917 г. и Уфимской директории. Когда же ЗД раскололась, Чернов сделал шаг, на который он не решился в 1917 г., пошел на создание самостоятельного Заграничного Союза ПСР. Тем самым пытался объединить здоровую часть левоцентристки настроенной партийной эмиграции в единую организацию и вдохнуть новую жизнь в эсеровскую доктрину.

В отличие от правых эсеров, взявших решительно в конце 1920–30-х гг. курс на подготовку революции в СССР, был убежден в предпочтительности мирной эволюции политического режима. Не поддерживал настроений, распространенных в правых кругах эсеровской эмиграции (журнал «Современные записки», газета А.Ф. Керенского «Дни»), в случае прихода к власти в России демократических сил вернуться «назад к капитализму». Полагал, что стремление немедленно «возвратиться к здоровому капитализму», все «денационализировать без удержу», прикрываясь красивой ширмой «раскрепощения хозяйственного индивидуума», вполне может спровоцировать рецидивы большевизма [6, box 16]. Призывал «чрезвычайно осторожно и бережно» относиться к социально-экономическому наследию советской системы, сохранить «хозяйственно рентабельные и социально выгодные учреждения и предприятия кооперативного и государственного сектора, которые продемонстрировали свою жизненность и эффективность и могли бы послужить твердым отправным пунктом дальнейшей восстановительной и преобразовательной работы» большевизма [7].

Причины раскола ЗД ПСР Чернов связывал также с личными амбициями представителей группы «Воля России», например В. В. Сухомлина, который оказался «способен, закусив удила, безудержно создавать конфликты... гипнотизировать самого себя уязвленным личным самолюбием до полной бесповоротности и безвыходности». В то же время признавал, что «в среде этой группы или около нее есть какое-то недоброкачественное, прямо тлетворное влияние, которое и сказывается на ее действиях» [4, с. 6]. По нашему мнению, это могло быть связано с определенной работой большевиков по внедрению агентов в эсеровскую среду или воздействию на представителей группы «Воля России», например Сухомлина и М. Л. Слонима, для провоцирования конфликтов в социалистической эмиграции и дискредитации Чернова. Среди всей плеяды эсеровской эмиграции так и не появилось нового теоретика и идеолога партии, равного ему, а его имя как автора популярной среди крестьян аграрной программы и председателя Учредительного собрания еще помнили в России.

Другим интересным аспектом изучения эсеровской эмиграции в контексте теории фронта является эволюция мировоззренческих позиций Чернова на роль СССР во второй мировой войны в пражско-парижский период его эмиграции (1923–1941) и американский (1941–1952). Парадокс заключается в том, что пойдя на раскол с правыми элементами эмиграции и группой «Воли России» в первый из обозначенных периодов, во второй – он пересматривает свои воззрения, встает всецело на позицию правых эсеров и занимает крайне антисоветские позиции, что вызывает недоумение даже в либеральных кругах европейской эмиграции.

Если в начале 1940-х гг. Чернов стремился найти объективные причины подписания пакта Молотова-Риббентропа, объяснить позиции СССР, в том числе ошибками и просчетами союзных дипломатий, то в годы «холодной войны» основным пособником Гитлера в развязывании войны объявляет СССР, связывает причины Второй мировой войны с продуманной и коварной политикой Сталина, направленной на разжигание противоречий между странами фашистского блока и демократическими государствами. Если в 1930-е гг., признавая режимы СССР и Германии тоталитарными, он подчеркивал, что они все же являются «антиподами», то во второй половине 1940-х гг. он практически ставит знак равенства между ними [8, 9].

Безусловно, определенную роль в эволюции его мировоззрения сыграли психологические причины – иррациональное чувство страха за будущее человечество, связанное с появлением ядерного оружия. Несомненно сказывалась обстановка резкой идеологической конфронтации и массивной антисоветской кампанией в американской печати. К тому же к эмигрантам в США доходила информация о репрессиях НКВД в Чехословакии по отношению к эсерам. Феномен «невозвращенчества» – стремление части советских людей, оказавшихся на территории Европы и Америки, остаться за границей – сыграл также определенную роль в усилении негативного отношения Чернова к политическому режиму в СССР. В такой идейной трансформации не следует сбрасывать со счетов возраст, болезни, которые сами по себе могут усиливать консервативные тенденции в мировоззрении личности [9].

Вместе с тем, сам факт территориального перемещения, соприкосновения с новой обстановкой и негативно настроенной к СССР средой мог стать самостоятельным фактором идейной эволюции идеолога партии эсеров. Осмелюсь предположить, что последующее развитие научных знаний позволит объяснить интегративную взаимосвязь человека с той средой и местом в пространстве, где он находится в духе концепции Вернадского о ноосфере в статике и возможно даст новое научное объяснение концепции фронта как ноосферы в динамике.

Список литературы и источников

1. Зубков К.И. Фронт как исследовательская парадигма // Уральский исторический вестник. 2018. №4. С.63.

2. Сабенникова И.В. География и центры общественной мысли российской эмиграции // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: мат-лы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С.595.
3. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939: пер с англ. / предисл. О. Казниной. М., 1994. С.36-37, 48.
4. Коновалова О. В., Федорова В. И., Дворецкая А. П. «Единство, основанное на воспоминаниях о прошлой близости, – это попытка согреться у потухшего костра»... Письма В. М. Чернова к О. С. Минору и М. И. Кляверу // Вопросы истории. 1921. №4.
5. ГАРФ, Ф.5847, оп.2, д.147, л.1.
6. International Institute Social History (IISH), V.M. Chernov Collection.
7. Бюллетень Американской федерации ПСР. 1930 №1. С.7,8.
8. Коновалова О.В. В.М. Чернов о тоталитаризме. Статьи конца 1930-х - начала 1940-х гг. // Исторический архив. 2008. №1. С.3-23.
9. Коновалова О.В. Эволюция представлений В.М. Чернова о роли СССР во Второй мировой войне // Гуманитарные чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы: текстовое электронное издание. Владивосток, 2020. С. 64-72.

УДК 330.342.173.(09):001.891.32

***ИЗ ИСТОРИИ ПЛАНОВЫХ ОРГАНОВ РОССИИ.
ПО МАТЕРИАЛАМ КНИЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ***

***Царева Людмила Иннокентьевна,
зав. сектором (читальный зал научных работников)
Государственная универсальная научная библиотека
Красноярского края, Красноярск, Россия
seo5@kraslib.ru***

В статье исследуется коллекция документов по истории становления плановых органов в начале XX века, собранных в фонде Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края. Приводится подробное описание публикаций «Плана электрификации РСФСР» и «Первого пятилетнего плана СССР». Анализируется литературное наследие руководителей и авторов этих проектов. Отражены книги, из фонда библиотеки, подготовленные в издательстве экономической, плановой и учетно-статистической литературы Госплана СССР (Госпланиздат). Описывается история основания журнала «Плановое хозяйство».

Ключевые слова: плановые органы, государственная плановая комиссия, Госплан, План электрификации РСФСР, Первый пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, издательство «Госпланиздат», журнал «Плановое хозяйство».

Ludmila Innokentevna Tsareva
Chief of the section (reading room for academic specialists)
State Universal Scientific Library of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia
seo5@kraslib.ru

The article examines the collection of documents on the history of the organization of the planning authorities in the early 20th century, kept in the State Universal Scientific Library of Krasnoyarsk territory. *The Russian SFSR electrification plan* and *The First five-year plan of the USSR* are described in details. The literary heritage of the authors and leaders of this project is analysed. The documents published by the State publishing House of economics, planning and statistical literature of The State Planning Committee of the USSR, which are kept now in the library are presented. The establishment of *The planned economics* magazine is described.

Keywords: Planning authorities, State Planning Committee, Gosplan, The Russian SFSR electrification plan, First five-year plan, State publishing House, *The planned economics* magazine

Еще не отзвучали последние залпы Гражданской войны, а Россия стремительно двигалась к мирному хозяйственному строительству. В этот непростой период началась история становления плановых органов. 22 февраля 1921 г. Совет народных комиссаров (далее СНК) утвердил положение о Государственной общеплановой комиссии [1, с.130], главной задачей которой стала разработка единого общегосударственного плана на основе плана электрификации (ГОЭЛРО) и для общего наблюдения за осуществлением этого плана [2, с.131]. При Совете Труда и Оборона (далее СТО), в соответствии с постановлением СНК от 17 марта 1921 г. были учреждены плановые комиссии при народных комиссариатах для «устранения параллелизма и несогласованности, для увеличения стройности и упрощения экономического аппарата и для создания правильной соподчиненности его частей» [3, с. 209]. 1 апреля 1921 г. принято Постановление СТО о назначении президиума Государственной общеплановой комиссии. В ее состав вошли: председатель – Глеб Максимилианович Кржижановский, его заместитель Петр Семенович Осадчий и члены президиума – Иван Гаврилович Александров, Александр Николаевич Долгов и Лев Натанович Крицман [4, с. 362]

С 22 февраля 1921 г. по 17 июля 1923 г. Государственная общеплановая комиссия функционировала при Совете Труда и Оборона РСФСР. 21 августа 1923 г. положением СНК СССР была создана Государственная Плановая Комиссия СССР (Госплан СССР) при СТО СССР [5, с. 376–377]. С принятием в 1936 г. новой Конституции Государственная плановая комиссия начала дей-

ствовать при Совете Народных Комиссаров СССР [6, Конституция. Глава V, статьи 68б, 70].

В разные исторические периоды во главе Госплана стояли выдающиеся деятели советского государства — Глеб Максимилианович Кржижановский (1921–1923 г., 1925–1930 г.), Александр Дмитриевич Цюрупа (1923–1925 г.), Валентин Владимирович Куйбышев (1930–1934 г.), Валерий Иванович Межлаук (1934–1937 г.), Николай Алексеевич Вознесенский (1938–1941 г., 1942–1949 г.), Алексей Николаевич Косыгин (1959–1960 г.), Николай Константинович Байбаков (1955–1957 г., 1965–1985 г.) и др. Основной задачей Госплана, во все периоды своего существования, являлась планирование экономики, составление планов развития народного хозяйства страны на различные сроки.

Первым опытом разработки единого государственного плана, рассчитанного на длительную перспективу (10–15 лет) стал план электрификации России ГОЭЛРО¹ – коллективный научный труд переустройства народного хозяйства страны. В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов одобрил разработку плана ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России) [7, Том 1. 1917–1928 гг., с.195–196.]. В постановлении съезда перед страной поставлена задача: «Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях республики; каждая электрическая станция и каждый ... завод и совет хозяйства должны стать центром ознакомления с электричеством и преподавания необходимых знаний для его понимания» [7, Том 1. 1917–1928 гг., с. 196].

К сожалению, в фонде научной библиотеки Красноярского края нет первого издания Плана ГОЭЛРО. Возможно, это связано с тем, что библиотека для читателей открылась в 1935 году после образования Красноярского края. С этого момента сотрудники библиотеки стали формировать книжный фонд. В основу его легли фонды Енисейского губернского книгохранилища и других частных и государственных библиотек.

Надо отметить, что первое издание «Плана ГОЭЛРО» сегодня оказалось историческим раритетом. С содержанием первого издания «Плана ГОЭЛРО» мы познакомились в электронной базе данных «Исторические материалы» <https://istmat.info/> в интернете, где размещена его цифровая версия. Она включает «скан» всех девяти выпусков плана с первоисточника 20 годов и весь текст первого издания «Плана ГОЭЛРО» в современном оформлении. Полное библиографическое описание первого издания плана ГОЭЛРО мы приводим по единому электронному каталогу Российской Государственной библиотеки².

Напечатанный к началу VIII съезда Советов том текста плана электрификации страны включал в себя текст документа, с большим количеством схем, графиков, пояснительной запиской к цветной «Схематической карте электри-

---

¹ План электрификации РСФСР [1 издание] : [доклад 8-му Съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России] : сборник материалов и документов /Научно-технический отдел ВСНХ. – Москва: Государственное техническое издательство, 1920 // Исторические материалы - URL.: <https://istmat.info/node/29115> (дата обращения: 02.11.2021)

² План электрификации РСФСР // Российская государственная библиотека : Единый электронный каталог (ЭК) РГБ – URL : <http://olden.rsl.ru/ru/s97/s339/d1298/d12984106> (дата обращения: 26.01.2022)

фикации России» (подготовленной профессором Е.Я. Шульгиным). Из библиографического описания мы видим, что публикация состоит из девяти выпусков и в каждом выпуске своя нумерация страниц. Открывает документ «Введение к докладу восьмому съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России» с «Предисловием» (составили секретарь комиссии М. А. Смирнов и инженер Г. М. Кржижановский). В «Предисловии» описывалась история формирования комиссии ГОЭЛРО первоначально в составе восьми человек. Окончательно она была сформирована 20-го марта 1920 г. и приступила к регулярной работе в составе девятнадцати человек. В тексте «Предисловия» приводится поименный состав комиссии, профессия, научные звание и ученая степень ее членов, и занимаемая должность в комиссии. Председателем комиссии был назначен Г. М. Кржижановский, его заместителем доктор наук, инженер А. И. Эйсман.

К участию в работе комиссии привлекали специалистов из различных отраслей промышленности. По разным данным их насчитывалось от 180 до 200 человек. Каждый последующий выпуск в первом издании «Плана электрификации» открывает предисловие, в котором дается лаконичная информация о работе региональной комиссии, ее персональном составе и ответственном руководителе.

**План электрификации РСФСР. Первое издание.
Библиографическое описание приводится из единого электронного
каталога Российской государственной библиотеки**

Описание в электронном каталоге РГБ:

План электрификации РСФСР [1 издание] : [доклад 8-му Съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России] : [вып. 1-9] / РСФСР Научно-технический отд. ВСНХ. - Москва : [Гос. техн. изд.], 1920

Описание состоит из 9 выпусков:

[Вып. 1]: Введение к докладу VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России / Сост. Гос. комис. по электрификации России; Науч.-техн. отд. ВСНХ; Предисл.: председатель комис. инж. Кржижановский Г.М. ... - 1920. - 230 с., 6 л. ил., карт

[Вып. 2]: Основания проекта электрификации Северного района / Сост. Гос. комис. по электрификации России ; Предисл.: уполномоченный по Сев. району член "ГОЭЛРО" проф. М. Шателен. - Петроград : [Науч. хим.-техн. изд-во] Н.Т.О. В.С.Н.Х., 1920. - 71, [3] с., 1 л. карт. : табл.

[Вып. 3]: Электрификация Центрально-Промышленного района / Сост. Гос. комис. по электрификации России ; Предисл.: отв. руководитель комис. инж.-техн. В. Д. Кирпичников. - Москва : [Гос. техн. изд-во], 1920. - 118 с., 1 л. карт. : табл.

[Вып. 4]: Электрификация Южного района / Сост. Гос. комис. по электрификации России ; Предисл.: отв. руководитель группы Южного района

ГОЭЛРО С. Гефтер. - Москва : [б. и.], 1920 (29-я тип. МГСНХ при ВЧК). - 66, [2] с., 2 л. карт. : карт.

[Вып. 5]: Электрификация Приволжского района / Сост. Гос. комис. по электрификации России; Предисл.: отв. руководитель проф. К. М. Круг. - Москва : [б. и.], 1920 (36-я тип. М.Г.С.Н.Х. - 45 с., 1 л. карт. : табл.

[Вып. 6]: Электрификация Уральского района. / Сост.: Гос. комис. по электрификации России ; Науч.-техн. отд. ВСНХ; Предисл.: отв. руководитель Н.Н. Вашков. - Москва : [Гос. техн. изд.], 1920. - 26 с., [1] л. карт

[Вып. 7]: Электрификация Кавказского района. / Сост. Гос. комис. по электрификации России; Науч.-техн. отд. ВСНХ; Предисл.: отв. руководитель инж. Г.О. Графтио. - Москва : [б. и.], 1920. - 49 с., 1 л. карт.

[Вып. 8]: Электрификация Западной Сибири / Сост. гос. комис. по электрификации России; Науч.-техн. отд. ВСНХ; Предисл.: отв. руководитель Е. В. Близняк. - Москва : [б. и.], 1920. - 24 с. : табл.

[Вып. 9]: Электрификация Туркестанского района / Сост. Гос. комис. по электрификации России; Науч.-техн. отд. ВСНХ; Предисл.: отв. руководитель проф. Г. Ризенкампф. - Москва : [б. и.], 1920. - 37 с., 2 л. карт. : табл.

В «Предисловии» к первому выпуску плана электрификации приводится такой комментарий: «В приложении мы помещаем общий перечень всех работ [«Общая опись материалов государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО)»], исполненных по поручению ГОЭЛРО, с указанием соответствующих авторов. Имена сотрудников по электрификации отдельных районов указаны в соответствующих докладах, помещаемых в настоящем сборнике [Предисловие и список работ группы ГОЭЛРО .... района, послуживших материалом для составления плана электрификации района]» [8].

Надо отметить, что все материалы и документы, включенные в первое издание, приводятся с указанием авторов. Например, из предисловия к разделу «Электрификация Западной Сибири», мы узнали, что ответственным руководителем группы района Западная Сибирь, комиссии ГОЭЛРО, был Евгений Варфоломеевич Близняк (1881–1958 гг.) советский ученый, доктор наук, гидролог, гидротехник. Он руководил разработкой схемы электрификации Западной Сибири, рек Енисея, Ангары и других сибирских рек [9]. В «Списке отдельных работ» мы находим сведения о том, что за экономический анализ Западно-Сибирского региона отвечали члены комиссия в составе десяти человек. В тексте приводятся их фамилии и профессия. Направление «Водные силы Ангары и возможность их использования» подготовил инженер-геолог, один из разработчиков плана ГОЭЛРО, Август Адамович Вельнер [9; 9,1].

Во второй части плана электрификации России представлены «Записки по планам электрификации районов» составленные районными группами Комиссии ГОЭЛРО. Например, в разделе плана «Электрификация западной Сибири» уже в 20-е годы намечается проект «сравнительно скромной программы» электрификации территорий Сибири, электрификации района реки Ангары и

строительства Красноярской электрической станции. Вот как это описано в тексте первой редакции Плана ГОЭЛРО: «...следует внести также постройку электрических станций в некоторых пунктах с наиболее развитыми промышленностями и сельским хозяйством. За недостатком времени и средств, не удалось детально изучить этот вопрос, но во избежание пробела, возможно, в виде первого приближения, наметить район Курганский, район Павлодара, Омска, Красноярска. Мощность установок принимается равной 15000 квт. Стоимость означенных устройств приводится ниже, в таблице №7». [9, с. 20–23].

Второе издание исторического плана электрификации РСФСР подготовлено к 35-летию плана ГОЭЛРО³. В нем практически полностью воспроизводится текст первого издания, но в отличие от первого во втором издании статьи публикуются без фамилий авторов документов. В издании 1955 года размещена вступительная статья «К 35-летию плана ГОЭЛРО» [10, с. 5–10] академика Г. М. Кржижановского, редакционная статья «Великий хозяйственный план», в примечании даются краткие пояснения к тексту статей и картам электрификации [11, с. 11–28].

Третье издание «Плана ГОЭЛРО»⁴ опубликовано в первом томе четырехтомного фундаментального издания «Энергетика России 1920–2020 гг.». Вот как ответили авторы проекта на вопрос, почему они решили опубликовать этот документ? «Главное ... в самом духе этого как сегодня сказали бы социально ориентированного документа, понятного и созвучного чаяниям и устремлениям всего народа. А это – не имеет срока давности». Переиздание плана ГОЭЛРО осуществлено по редакции 1955 г. Интерес исследователей, безусловно, вызовет дополнение авторов проекта: «Перечень объектов энергетики России с 1920 г. по настоящее время». Он дает представление о том, какой огромный путь прошла энергетика за 100 лет, сохраняя традиции, возникшие на заре XX века.

К сожалению, во втором (1955 г.) и третьем (2006 г.) издании плана электрификации утрачены авторская составляющая и тексты «предисловия» к выпускам плана. В «предисловии» освещаются, в кратком изложении, история разработки данного материала и постановка проблемы, перспективы экономического развития, цели и задачи электрификации, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться членам комиссий.

Особое внимание привлекает энергетическая часть плана, которая состоит из двух программ: «А» – реконструкция существующих электростанций и «Б» – сооружение 30 новых станций. Задуманный и составленный в тяжелые годы гражданской войны и разрухи план ГОЭЛРО явился основой хозяйственного возрождения страны. За каждой строчкой этого документа стояли судьбы людей со своими взлетами, падениями и надеждами. Над историческим феноменом плана ГОЭЛРО будут размышлять, и изучать еще не одно поколение исследователей.

---

³ План электрификации РСФСР : Доклад 8-му съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. М.: Политиздат, 1955. 659 с.

⁴ Энергетика России, 1920-2020 гг.: [в 4 томах]. М.: Энергия, 2006 – Т.1: План ГОЭЛРО. – 2006. 1071 с.

В нашей статье остановимся на описании научного наследия авторов плана электрификации России. Эти материалы включены в основную часть плана и в доклад VIII съезду Советов. Эти публикации дошли до наших дней и сохранилось в книжных коллекциях библиотек страны и научной библиотеки Красноярского края.

В электронном каталоге краевой научной библиотеки 44 библиографических записей. В целом, они отражают научное наследие и жизненный путь государственного деятеля, крупного ученого-энергетика, академика и вице-президента АН СССР, советского экономиста, литератора, автора «Варшавянки» Глеба Максимилиановича Кржижановского. Он возглавлял комиссию по составлению проекта знаменитого плана электрификации России (ГОЭЛРО) с которым выступил на 8-ом Всероссийском съезде Советов с докладом «О плане электрификации России». В качестве первого председателя Госплана, принял участие в составлении первого пятилетнего плана. При его участии развернулась огромная работа по сооружению первых крупных электростанций. Впоследствии крупнейший организатор советской науки. С 1931 г. – основатель и до конца жизни руководитель Энергетического института АН СССР.

Первое прижизненное издание трудов Глеба Максимилиановича Кржижановского «Собрание сочинений» в трех томах вышло 1933–1936 гг. Оно давно стало библиографической редкостью. Но в книжной коллекции библиотеки сохранился сборник избранных произведений (1957 г.)⁵ Г. М. Кржижановского, издание которого приурочено к 85-летию со дня рождения. В его подготовке принимали участие член-корреспондент Академии наук СССР, советский энергетик В. И. Вейц, историк, публицист В. Ю. Стеклов и М. В. Чашникова. В первую главу сборника вошли научные труды Глеба Максимилиановича, посвященные электрификации России: текст брошюры, которая вышла в 1920 г. «Основные задачи электрификации России». Она была написанная Г. М. Кржижановским по поручению В. И. Ленина. В разделе сборника «План электрификации РСФСР» (1920 г.) публикуется «Ведение» к плану электрификации РСФСР и разделы плана ГОЭЛРО, которые лично были написаны Г. М. Кржижановским: «Электрификация и план народного хозяйства», «Электрификация и топливоснабжение», «Электрификация и сельское хозяйство». Следующий раздел первой главы сборника печатается по тексту брошюры Г. М. Кржижановского «Об электрификации» Доклад на VIII Всероссийском съезде Советов»⁶. К периоду работы Г. М. Кржижановского в качестве председателя Госплана относятся доклады, в которых освещаются вопросы планирования экономической жизни страны, формирование и выполнение пятилетних планов: «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР» (Доклад на V съезде Советов. 1929 г.), «Хребтовый год пятилетки» (доклад на II сессии ЦИК СССР в 1929 г.). В сборник включены его работы, посвященные перспективам становления сельского хозяйства страны, его механизации, технико-

⁵ Кржижановский, Глеб Максимилианович (1872–1959). Избранное / Г. М. Кржижановский. - Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. 567. [1] с.

⁶ Кржижановский Г.М. «Об электрификации» : Доклад на VIII Всероссийском съезде Советов. – Москва : Госиздат, 1921. С.190–218

экономическому плану реконструкции СССР, подготовке кадров во второй пятилетки и др. Научно-справочный аппарат издания представлен уникальным «Библиографическим хронологическим указателем книг и журнальных статей, принадлежащих перу Г. М. Кржижановского» и опубликованных в 1915–1956 гг., обзорной статьей от издательства, предисловием от автора, примечанием с пояснениями к тексту публикаций, именованным указателем.

В этом же году был опубликован сборник материалов и статей (1917–1929 гг.) «Вопросы экономического районирования СССР»⁷ под общей редакцией и при участии академика Г. М. Кржижановского. В сборник также вошли статьи: заместителя председателя Госплана СССР М. Ф. Владимирского, члена президиума Госплана СССР, академика И. Г. Александрова и других специалистов.

В 1974 г. по инициативе Министерства энергетики и электрификации СССР и Академии наук СССР (отделение физико-технических проблем энергетики) к 100-летию со дня рождения Г. М. Кржижановского вышел сборник очерков и воспоминаний «Глеб Максимилианович Кржижановский: Жизнь и деятельность» (1974)⁸ На обороте титульного листа указаны составители: В. Ю. Стеклов, Ю. М. Томский, Я. Б. Коган. В сборнике три раздела: «Жизненный путь и научное творчество», воспоминания его современников (соратников, ученых, коллег, учеников, друзей) и родных. В заключительном разделе «Неопубликованные рукописи и документы», собраны: «Моя жизнь: автобиография Г. М. Кржижановского, написанная, для газеты «Волжская коммуна»; документы о его деятельности на посту председателя комиссии ГОЭЛРО и Госплана в 1920–1924 гг.; обзоры документов Г. М. Кржижановского, хранящихся в ЦГАНХ СССР (Российский государственный архив экономики) и ЦГАОР СССР (Госархив России); обзор личного фонда Г. М. Кржижановского в ЦПА ИМЛ (Российский государственный архив социально-политической истории); статья «Памяти Г. М. Кржижановского»; «Основные даты жизни и деятельности Г. М. Кржижановского»; библиография основных работ Г. М. Кржижановского, изданных с 1915 по 1972 гг.

Совместно с Г. М. Кржижановским разработкой плана ГОЭЛРО, вопросами экономического районирования территории страны занимался советский ученый в области энергетики и гидротехники академик АН СССР Иван Гаврилович Александров (1875–1936 гг.). С 1921 г. он был членом президиума Госплана СССР, в 1931–1932 гг. руководил сектором энергетики и до последних лет своей жизни был связан с госплановской работой. В доклад комиссии ГОЭЛРО на VIII съезде Советов включена статья И. Г. Александрова «Электрификация и водная энергия», в которой представлен эскиз плана строительства широкой сети гидроэлектростанций в стране, в том числе, с использованием в будущем потенциала рек Сибири, Енисея и Ангары. К сожалению, в книжном фонде научной библиотеки Красноярского края сохранилась одна работа

⁷ Вопросы экономического районирования СССР : сборник материалов и статей (1917–1929 гг.) / под ред. Г. М. Кржижановского. Москва : Госполитиздат, 1957. 342 с.

⁸ Глеб Максимилианович Кржижановский : Жизнь и деятельность : сборник / АН СССР. Отд-ние физ.-техн. проблем энергетики. Москва : Наука, 1974. 295 с.

И. Г. Александрова «Проблема Ангары» (1931)⁹, в которой автор дает гидрографическое описание и анализ мощности рек бассейна Ангары, описывает богатство природных ресурсов и планирует будущее Ангаро-байкальского комплекса. В свои исследовательские проекты И. Г. Александров включает изучение ресурсов нижнего течения Енисея, проблемы Игаркского порта, Северного морского пути, Байкало-Амурской магистрали. Все они переросли в большую программу преобразований Восточной Сибири. Эти и другие проекты И. Г. Александрова были полностью или частично реализованы в разные исторические периоды.

Особое внимание Ангарскому каскаду электростанций уделял инженер и ученый, член комиссии и ведущий исполнитель плана ГОЭЛРО, позже академик АН СССР Александр Васильевич Винтер (1878–1958 гг.). Его мысли о будущем энергетики Сибири актуальны и в наши дни. Имя Александра Васильевича в истории советской электроэнергетики связывают с тремя глобальными вехами: строительством электростанции работающей на торфе «Электропередача» в 1914 г., Шатурской ГРЭС в 1925 г., Днепрогэса и Днепровского комбината в 1932 г. А. В. Винтер работал и реализовывал проекты в координации со своими соратниками, специалистами-энергетиками Г. М. Кржижановским, И. Г. Александровым, Г. О. Графтио, Р. Э. Классоном и др. В 1933 г. под общей редакцией А. В. Винтера, Г. М. Кржижановского и Г. И. Ломова подготовлен и издан «Атлас энергетических ресурсов СССР» (научный руководитель М. И. Каган). В атласе освещается состояние всех энергоресурсов страны в целом и по административным территориям¹⁰. В 1955 году выходит книга А. В. Винтера в соавторстве с инженером А. Б. Маркиным «Электрификация нашей страны». В которой авторы делают обзор основных этапов электрификации России и ее промышленности, раскрывают большую роль электрификации в техническом прогрессе¹¹. К сожалению, в коллекции библиотеки этих книг нет, и информация о них в интернете незначительна.

Генриху Осиповичу Графтио (1869–1949 гг.) было почти 50 лет, когда ему в 1920 г., по рекомендации Г. М. Кржижановского, предложили войти в руководящий состав комиссии ГОЭЛРО. Инженер-энергетик, русский ученый, позже академик АН СССР Г. О. Графтио еще до революции, разрабатывал инженерные проекты электрификации железных дорог и возведения электростанций на реках страны. Он стал автором разделов плана ГОЭЛРО «Электрификация и транспорт» (совместно с И. Г. Александровым) и «Электрификация Кавказского района». Позже, в 1921 г. он возглавил строительство Волховской ГЭС и Нижнесвирской ГЭС (1927–1935 гг.), директор Ленинградского электротех-

⁹ Александров, И. Г. (1875–1936). Проблема Ангары / И. Г. Александров. Москва; Ленинград : Соцэкгиз, 1931. 113 с.

¹⁰ Атлас энергетических ресурсов СССР / Под общ. ред. А.В. Винтера, Г.М. Кржижановского, Г.И. Ломова ; НКТП СССР. Гл. энергет. упр. Москва; Ленинград : Гос. энергет. изд-во, 1933. URL: <https://www.rusbibliophile.ru/bookprint/?book=atlas-energeticheskikh-resursov> (дата обращения 22.11.2021)

¹¹ Винтер, А. В. Электрификация нашей страны / А. В. Винтер, А. Б. Маркин. Москва : Воениздат, 1955. 223 с. : ил., карт. - URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005869742> (дата обращения 23.11.2021)

нического института, (1924–1925 гг.), обучал будущих инженеров, стал академиком, до середины XX века отвечал за энергетику нашей страны.

Активное участие в работе комиссии ГОЭЛРО над составлением плана электрификации России принял Леонид Константинович Рамзин (1887–1948 гг.) (советский инженер-теплотехник, изобретатель, оригинальный конструктор, профессор). Его работа «Топливоснабжение России» легла в основу раздела плана «Электрификация и топливоснабжение». Работу над разделом плана ГОЭЛРО «Электрификация и промышленность» Л.К. Рамзин осуществлял совместно с профессором К.А. Кругом, при участии инженера-энергетика А.Г. Когана. 24 февраля 1920 г. в комиссии ГОЭЛРО была организована «Приволжская группа», вошедшие в нее Л. К. Рамзин, К. А. Круг, С. А. Предтеченский, М. А. Смирнов, Б. Э. Стюнкель разработали «План электрификации Нижнего Поволжья» [12].

Итоги выполнения плана ГОЭЛРО были подведены на VII съезде Советов СССР 31 января 1935 г. С докладом выступил Серго Орджоникидзе.

Сегодня первое издания плана ГОЭЛРО стало библиографической редкостью. Со вторым изданием исследователи имеют возможность познакомиться в научной библиотеке Красноярского края. Вероятно, пользователей интернета заинтересуют оцифрованные версии плана электрификации, первого и второго издания, размещенные на сайте «Исторические материалы» (<https://istmat.info/node/24412>). К 100-летию утверждения плана ГОЭЛРО Минэнерго России и Российская государственная библиотека стали инициаторами оцифровки сохранившихся документов [13].

В декабре 1921 г. постановлением Советского правительства о плане электрификации РСФСР и решением IX Съезда Советов на Государственную Общеплановую Комиссию было возложено общее плановое руководство делом электрификацией всей страны [14, с. 290-292].

Лучше понимать историю и современную эпоху помогает изучение законодательных документов. Начиная с 25 октября 1917 г. законодательные акты публиковали в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», в «Собраниях узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», в «Известиях ВЦИК», частично они представлены в фондах библиотеки.

Ценным источником, позволяющим исследователям проанализировать деятельность плановых органов страны и территорий, являются «Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 гг.» (1979 г. издания), подготовленные как научное издание в двух томах (2-й том в двух книгах: январь-июль и август-декабрь 1922 г.)¹². Инициаторами этого уникального издания стали: Государ-

---

¹² РСФСР. Государственная плановая комиссия.

Протоколы президиума Госплана за 1921-1922 годы : [в 2 томах / Гос. план. ком. РСФСР] ; редкол.: Н. И. Роговский (гл. ред.) и др. Москва: Экономика, 1979.

Т. 1 : Протоколы президиума Госплана за 1921 год. 237, [2] с.

Т. 2 : Протоколы президиума Госплана за 1922 год, кн. 1. 277, [2] с.

СССР. Государственная плановая комис. Президиум. Протоколы Президиума Госплана за 1921-1922 годы / Н.И. Роговский (гл. ред.) и др. Москва : Экономика, 1979.. Т. 2. за 1922 год. Кн. 2. 1979. 239 с. [описание приводится по каталогу РГБ] – URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01007604724>

ственный плановый комитет СССР, Институт истории СССР Академии наук СССР, Главное архивное управление при совете министров СССР, Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР. В сборниках собраны документы, которые освещают первые два года деятельности Госплана. В первый том сборника включены «Положение о государственной общеплановой комиссии» и «Речь Г. М. Кржижановского на первом торжественном заседании пленума Госплана» (от 05.04.1921 г.). В предисловиях ко всему изданию и в предисловиях к первому и второму тому приведены обзоры протоколов Госплана в которых отражаются основные задачи экономической политики государства того времени. Документы воссоздают трудности послевоенного времени и пути восстановления разрушенного войной хозяйства. Научно-справочный аппарат к изданию состоит из археографического предисловия, примечания, списка сокращений. Свободно ориентироваться в документах помогает «Указатель учреждений и организаций», который является разновидностью предметного указателя. В сборник «Протоколы Президиума Госплана» вошли документы из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) ранее – Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ).

Продолжением протоколов 1921–1922 гг. стал сборник документов в 2-х частях: «Протоколы Президиума Госплана СССР за 1923 год»¹³ (1991 г. издания). В первую часть включены протоколы за январь – август 1923 г. В библиотеке второй части сборника за 1923 г. нет, и информацию о ее публикации мы не встречали. Но в археографическом предисловии ко всему изданию предполагалось, что во вторую часть войдут протоколы за сентябрь - декабрь 1923 г. В сборник 1991 г. издания, вместе с протоколами, включены доклады и выступления экономистов и ученых: Г. М. Кржижановского, Г. Л. Пятакова, Е. А. Преображенского, В. М. Смирнова, В. Г. Громана, Н. Д. Кондратьева, Н. П. Огановского, Л. К. Рамзина. И. А. Калининкова и другие материалы Госплана. В документах, представленных в издании в целом, дается масштабная характеристика исторического процесса планового развития народного хозяйствования страны. В этом заключается историческая ценность сборника для современных исследователей. Эти издания полезны для специалистов, которые стремятся объективно воссоздать картину российской жизни с первых лет советской власти, изучить накопленный опыт для решения похожих современных проблем.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (до 1989 г., т.13.), Институт Российской Истории РАН (Институт истории АН СССР), Российский государственный архив социально-политической истории с 1957 г. осуществляют многотомную (18 томов) академическую публикацию «Декреты советской власти»¹⁴. Это издание представляет попытку собрать законодательные акты Со-

---

¹³Протоколы президиума Госплана СССР, 1923 г.: сборник документов : [в 2-х] ч. Ч. 1./ [Отв. ред. В.П. Воробьев, отв. сост. Л.В. Борисова, С. Р. Левина]; Гос. плановый комитет. Президиум. СССР. Москва: Экономика, 1991. 367 с.

¹⁴ Декреты Советской власти : сборник / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. - Москва: Политиздат, 1989. - Т. 1-18

ветской власти, относящиеся к начальному периоду ее существования, в том числе, и по истории становления и развития плановых органов. В основу издания положены опубликованные и неопубликованные тексты актов, которые имели официальное значение и доходили до широких масс населения. Документы по истории плановых органов собраны в издании, начиная с тринадцатого тома.

Фундаментальное 16-т томное издание «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам»¹⁵ также представляют интерес для исследователей, так как на основе ознакомления с важнейшими документами, принятыми в стране, дает полное представление о хозяйственной деятельности СССР за 70 лет, в том числе и по организации планирования.

Документы, включенные в вышеназванные издания, хотя и утратили свою обязательную силу, но представляют большой интерес с точки зрения изучения, анализа и освещения исторического опыта хозяйственного строительства в нашей стране.

После образования СССР законодательные акты также стали публиковаться в «Собрании Законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Современный репертуар Законодательных актов представлен в фондах библиотеки «Собранием Законодательных актов РФ». Читатели библиотеки, работая с этими документами, используют их как печатные издания, так и правовые базы данных законодательных и нормативных документов. Например, «Консультант +», «Гарант», «Кодекс».

К числу основных исторических источников надо отнести также публикации руководителей Госплана, например, сборники собраний сочинений, избранных произведений, мемуары, воспоминания: Г. М. Кржижановского (1872–1959)¹⁶, В. В. Куйбышева (1888–1935)¹⁷, Н. А. Вознесенского (1903–1950)¹⁸, А. Н. Косыгина (1904–1980)¹⁹, воспоминания Н. К. Байбакова (1911–2008)²⁰. Опубликованные при их участии и редакции, «Планы развития народного хозяйства СССР²¹».

Декреты Советской власти. Т. XIV. Апрель 1921 г. – М.: Археографический центр, 1997. – URL.: http://virezkipress.ru/publ/sborniki_dekretov_i_postanovlenij_partii/dekrety_sovetskoj_vlasti/dekrety_sovetskoj_vlasti_tom_14/26-1-0-181#mode/inspect/page/372/zoom/5 (дата обращения: 20.12.2021)

Декреты Советской власти. Т. XIV. Апрель 1921 г. – М.: Археографический центр, 1997 //Электронная библиотека исторических документов – URL.:

<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/13335#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 20.12.2021)

¹⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов : [в 16 томах / сост.: К. У. Черненко, М. С. Смиртюков]. Москва : Политиздат, 1967. 1988.

¹⁶ Кржижановский, Г. М. (1872–1959). Избранное / Г. М. Кржижановский. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. 567 с.

¹⁷ Куйбышев, В. В. (1888–1935). Избранные произведения : в двух томах / В. В. Куйбышев. Москва: Политиздат, 1988.

¹⁸ Вознесенский, Н. А. (1903). Избранные произведения, 1931-1947 / Н. А. Вознесенский; Ин-т марксизма-ленинизма. - Москва : Политиздат, 1979. 605 с.

¹⁹ Косыгин, А. Н. (1904–1980). К великой цели : избранные речи и статьи : в 2 томах / А. Н. Косыгин. - Москва : Издательство политической литературы, 1979.

²⁰ Славкина, М. В. Байбаков / Мария Славкина. Москва: Молодая гвардия, 2010. 238 с.

²¹ Вознесенский, Н. А. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.: доклад председателя Госплана СССР / Н. А. Вознесенский. Красноярск: Красноярское краевое издательство, 1946. 70 с

Перед Госпланом стояли сложные новаторские задачи. Для решения предстоящих планов требовались квалифицированные кадры. В первый состав Госплана, наряду с Г. М. Кржижановским – крупным ученым в области энергетики, вошли члены комиссии (в том числе и выше названные) ГОЭЛРО. А также выдающиеся ученые, инженеры и специалисты из различных отраслей народного хозяйства: М. И. Боголепов, И. М. Губкин, Д. Н. Прянишников, С. Г. Струмилин, М. А. Шателин и др. В дальнейшем многие из них стали действительными членами или членами-корреспондентами Академии наук СССР.

На начальном этапе восстановления народного хозяйства деятельность Госплана сосредотачивалась на задачах текущего планирования. Первый пятилетний план (1928–1932 гг.) явился продолжением идей плана ГОЭЛРО и решал задачи индустриализации страны и реконструкции сельского хозяйства. С докладом о пятилетнем плане народного хозяйства на XV съезде выступил Г. М. Кржижановский [15, с.734-814]. Резолюция «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» так же была принята на XV съезде ВКП(б) 19 декабря 1927 г. [16, с.661].

Первоначально первый пятилетний план был издан в кратком виде к VI Съезду Советов в мае 1929 г. Затем в том же 1929 г. подготовлен в виде трехтомного издания²², в четырех книгах. Впоследствии несколько раз переиздавался [17, с.9]. Исходя из сложной социально-политической ситуации в стране план предусматривал два варианта развития экономики страны с учетом непредвиденных обстоятельств (отправной вариант) и оптимальный варианты [18, с.11]. В составе редколлегии, которая осуществляла редакцию всего издания, принимали участие: Г. М. Кржижановский, Э. И. Квириг, С. Г. Струмилин, Г. Ф. Гринько, Н. А. Ковалевский. Участие в работе над вторым и третьим томами принял огромный коллектив специалистов Госплана, которые указаны поименно в предисловии к томам. В первом томе представлен «Сводный обзор» пятилетнего народно-хозяйственного плана. Второй том вышел в дух частей. В первой части второго тома приводится «Строительная и производственная программа плана», освещаются отраслевые проблемы пятилетнего плана. Вторая часть второго тома – это «Социально-экономические проблемы пятилетки», связанные с проблемами трудовых ресурсов, кооперации, накопления, подготовки новых кадров, рынка и т.д. Третий том посвящен пятилетнему плану народнохозяйственного строительства СССР в районном разрезе. Впервые Госплан СССР представил на обсуждение план территориальной организации Союза. В период с 25 мая 1925 г. по 30 июля 1930 г. тер-

---

Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы: сборник / [под общей редакцией, предисловие Н. К. Байбакова]. Москва : Политиздат, 1972. 454 с.

Талызин, Н. В. О государственном плане экономического и социального развития СССР на 1988 год и о ходе выполнения плана в 1987 году: Доклад и заключит. слово на совместных заседаниях Совета Союза и Совета Национальностей восьмой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва / Николай Владимирович Талызин. Москва : Политиздат, 1987. 31 с.

²² . Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР : В 3 томах. М.: Плановое хозяйство, 1930 //Исторические материалы - URL: <https://istmat.info/node/41169> (дата обращения: 25.11.2021)

СССР. Государственная плановая комиссия. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР... Т. 1-3 [в 4 книгах] / Госплан СССР. - 2-е изд. Москва : Плановое хозяйство, 1929 [описание приводится из электронного каталога РГБ] – URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01008981047>.

ритория упраздненных Алтайской, Енисейской, Ново-Николаевской, Омской, Томской, Иркутской губерний и Ойротской АО обозначалась как Сибирский край. В июле 1930 г. край был разукрупнен на Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский края. Надо отметить, в третьем томе плана этой территории посвящен раздел «Сибирский край». В нем делается анализ природных богатств края, его экономического комплекса, обозначаются задачи и генеральная линия реконструкции и развития хозяйства Сибирского края в первой пятилетке.

Для исследователей деятельности Сибирской краевой плановой комиссия в этот исторический период будет интересно познакомиться с материалами к пятилетнему²³ (краткое изложение его помещено в первом пятилетнем плане Госплана) и генеральному²⁴ планам Сибирского края, которые представлены в фонде научной библиотеки Красноярского края. В 1925–1930 г. Сибирская плановая комиссия издает сборники: о перспективах развития хозяйства Сибири²⁵, проблемах капитального строительства Восточной Сибири²⁶, организации агро-индустриальных комбинатов Сибири²⁷, о строительстве «сверхмагистральной» железнодорожной связи Москва-Сибирь²⁸, по вопросам районирования Сибири²⁹. Предпринята попытка издания первого статистического справочника Сибирского края³⁰.

В фонде библиотеки сохранились отчеты Енисейского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороне с мая по октябрь 1921 г. и с 1 октября по 1-е мая 1922 г. Изданы они были в государственной типографии Красноярска в 1922 г.³¹. В этих документах приводится краткий естественно-исторический очерк, анализ экономической жизни Енисейской губернии, информация о деятельности руководящих органов, в том числе и, о работе Гу-

---

²³ Сибирский край. Плановая комиссия. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края / Сиб. краев. план. комиссия. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930 [тип. Полиграфтреста]. - [777] с. разд. паг., [2] вкл. л. карт. : диагр.

²⁴ Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края / Сиб. краев. пл. комис. ; рук. работы Я. К. Яглом [и др.]. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. V, 63, 96, 124, 150, 85, 55, 15, 91, 61 с. : табл., карты, граф.

²⁵ Проблемы генерального плана развития хозяйства Сибири : сборник статей / Сиб. краев. план. комис. [Новосибирск] : Сибкрайиздат, 1930. 60 с.

²⁶ Проблемы капитального строительства Восточной Сибири : сборник статей / Иркут. губ. план. комис.; под ред. И. Ф. Трелина и А. И. Горавского. Иркутск : Власть Труда, 1925. 25 с.

²⁷ Агро-индустриальные комбинаты Сибири / Сиб. краев. план. ком., Краев. науч.-исслед. ин-т экономики и орг. сел. хоз-ва. Новосибирск : Сибполиграфтрест, 1930.

²⁸ Проблемы сибирской сверхмагистральной : сборник статей / Н. Н. Колосовского, И. К. Либина, Н. Г. Розанова, Н. М. Тоцкого ; под общ. ред. Г. М. Кржижановского, П. С. Осадчего. Москва: "Плановое хозяйство" Госплан СССР, 1929. 193, [1] с., [5] л. ил. : карты

Колосовский, Н. Н.. Великая сибирская сверхмагистраль / Н. Н. Колосовский. - Москва : Государственное планово-хозяйственное изд-во Планхозгиз, 1930. 64 с.

²⁹ Болдырев, В. Г. (1875–1933). Районированная Сибирь : краткий культурно-экономический очерк округов / В. Г. Болдырев, П. А. Гуринович. 2-е изд., доп. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1927. 94, [6] с. : табл.

³⁰ Сибирский край : статистический справочник / изд. статсектора Крайплана ; [авт. предисл. и ред. Н. Солоницын]. - Новосибирск : [Полиграфтрест], 1930. XVI, 804 с. : табл.

³¹ Енисейское губернское экономическое совещание. Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совету труда и обороны с мая по октябрь 1921 г. / [отв. сост. отчета Лебединский ; предисл. Гольдич]. Красноярск : Государственная типография, 1922. [2], II, 333 с. :

Енисейское губернское экономическое совещание. Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совету труда и обороны и Сибирскому экономическому совещанию с 1 октября 1921 г. по 1-е мая 1922 г. Красноярск : Государственная типография, 1922. 317 с.

бернской плановой комиссии. Этот небольшой перечень публикаций свидетельствует о том, что проекты преобразования индустрии и размещения производительных сил на востоке страны, являлись основной задачей в планах экономических реформ государства того времени.

Пятилетний план – результат коллективного труда сотрудников Госплана; Госпланов союзных республик; государственных, хозяйственных и профессиональных органов; Академии наук и других научно-исследовательских учреждений.

В 1934 г. был опубликован второй пятилетний план на 1933–1937 гг.³². В 1939 г. – третий пятилетний план на 1938–1942 гг.³³. В послевоенные годы пятилетние планы в полном объеме не публиковались, а издавались директивы, резолюции и решения съездов, конференций и пленумов³⁴. Законодательная часть работы над планами первой и последующих пятилеток в наиболее полном объеме информации отражена в стенографических отчетах Съездов Всесоюзной Коммунистической партии (КПСС)³⁵.

В фонде научной библиотеки Красноярского края сохранились книжные издания членов первого состава Госплана. Их литературное наследие отличается разнообразием исторических жанров. Многие из них с годами стали историографическими источниками.

Заместитель председателя Госплана СССР, член Президиума (1921–1937 гг.), член Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР (1943–1951 гг.). Станислав Густавович Струмилин (1877–1974 гг.), советский экономист и статистик, академик АН СССР. Он внес большой вклад в становление плановых органов, плановой системы хозяйствования и разработку методов построения планов. Работая в экономической сфере и Госплане, он вел большую научную деятельность. Литературное наследие С. Г. Струмилины огромно. Он написал свыше 700 научных трудов и публикаций по различным проблемам экономической науки. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к его библиографии, изданной Академией наук СССР³⁶ и к академическому изданию «Актуальные проблемы экономической науки в трудах С. Г. Струмилины»³⁷ подготовленному к 100-летию со дня рождения.

³² СССР. Государственная плановая комиссия. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР : (1933-1937 гг.) / Гос. плановая комиссия при Сов. нар. ком. СССР. Москва : Госплан СССР, 1934. (Т. 1. 1934. XLVI, 739 с.; Т. 2: План развития районов. - 1934. - 582 с.) [Каталог Российской государственной библиотеки] - URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008578550> (дата обращения: 28.11.2021).

³³ ВКП(б). Съезд (18 ; 1939 ; Москва). XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10-21 марта 1939 г. : стенографический отчет. Москва : Политиздат, 1939. 742 с.

Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938-1942 гг.) / СССР. Государственная плановая комиссия М.: Госпланиздат, 1939. 240 с. [Каталог Российской национальной библиотеки] –URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_gc_2979421/ (дата обращения: 28.11.2021).

³⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988) / Ин-т марксизма-ленинизма. 8-е изд., доп. Москва : Политиздат.

³⁵ ВКП(б). Съезд (15; 1927 ; Москва). XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. Москва: Партиздат, 1935. 734 с

³⁶ Станислав Густович Струмилин: [русский ученый-экономист, статистик, историк и социолог : биобиблиографический указатель] / Акад. наук СССР; [ред.: А. Н. Несмеянов (гл. ред.) и др.] ; вступ. ст. Л. Е. Минца ; библиогр. сост. Г. Н. Финашиной. Москва : Наука, 1968. 159, [1] с.

³⁷ Актуальные проблемы экономической науки в трудах С. Г. Струмилины: (к 100-летию со дня рождения) / Акад. наук СССР, Ин-т экономики. Москва: Наука, 1977. 437 [2] с.

Хроника событий и фактов «Экономическая жизнь СССР»³⁸ (первое издание – 1961 г.) за 49 лет Советской власти (в двух томах). По объему собранной в ней информации за период с 25 октября (7 ноября) 1917 г. по 1965 г., даже с точки зрения искушенного современного читателя является уникальным изданием. Летопись событий, охваченных книгой, представляет сжатую, всегда с указанием источников, историческую канву для различных исследований в экономической истории России, включая историю плановых органов. Большое место в хронике занимает информация о съездах, пленумах, конференциях; справочный материал о декретах, постановлениях, указах; приводится обширный библиографический материал; сведения о вводе в строй предприятий различных отраслей народного хозяйствования. Каждый год открывается обзорной статьей, освещающей наиболее важные события года. Это издание подготовлено большим коллективом авторов. С. Г. Струмилин выступил главным редактором этого оригинального труда.

Издание пятитомного собрания сочинений академика С. Г. Струмилина³⁹ было предпринято по решению Президиума Академии наук СССР в 1963–1965 гг. В четыре тома включены его произведения по статистике, экономике, проблемам экономики труда, его работы «Очерки социалистической экономики СССР», «Проблемы социализма и коммунизма в СССР», которые также выходили отдельными изданиями. Во втором томе собрания сочинений «На плановом фронте» собраны работы в области планирования, а также документы освещающие деятельность Госплана на начальном этапе его функционирования: «К хозяйственному плану на 1921/22г.», «О контрольных цифрах Госплана на 1925/26г.», «Первые опыты перспективного планирования», «К дискуссии первой плановой пятилетке», «Плановые наброски на 1929/1930г.» и др. Сегодня эти работы представляют интерес с точки зрения изучения истории экономической науки и модернизации планирования в экономике России. С научным наследием С. Г. Струмилина исследователи могут познакомиться, как в коллекциях научной библиотеки Красноярского края, так и, на сайте «Исторические материалы».

Иван Михайлович Губкин (1871–1939 гг.) организатор советской нефтяной геологии, Академик АН СССР, вице-президент АН СССР с 1921 г. по 1929 гг. являлся членом Топливной секции Госплана и отвечал за нефтяную промышленность. С именем И. М. Губкина связаны открытия богатейших нефтяных залежей в новых районах нашей страны. Территории Сибири и Дальнего Востока были предметом его особой заботы. Много внимания уделял он этой проблеме в период разработки и осуществления первого пятилетнего плана индустриализации СССР (1928–1933 гг.)⁴⁰. Труды И. М. Губкина получили

³⁸ Экономическая жизнь СССР: хроника событий и фактов, 1917–1965: в 2 книгах / гл. ред. С. Г. Струмилин. – Изд. 2-е, доп. – Москва: Советская энциклопедия, 1967.

³⁹ Струмилин, Станислав Густавович. Избранные произведения : В 5 т. / Акад. С. Г. Струмилин ; [Предисл. акад. В. С. Немчинова] ; [Акад. наук СССР]. [Москва] : [Изд-во Акад. наук СССР], [1963–1965].

Струмилин, Станислав Густавович. Избранные произведения : В 5 т //Исторические материалы – URL: <https://istmat.info/node/58272> (дата обращения 29.11.2021)

⁴⁰ Научное наследие академика И. М. Губкина в нефтяной геологии Сибири / Акад. наук СССР, Науч. совет по проблемам геологии нефти и газа ; [отв. ред. акад. А. А. Трофимук]. Новосибирск : Наука, 1980. 87 с.

широкое международное признание. В 2017 году Российской Академией наук в серии «Материалы к биобиблиографии ученых» (издается с 1940 г.) вышел вторым изданием сборник, посвященный академику И. М. Губкину⁴¹. Названные материалы, безусловно, заинтересуют исследователей анализирующих научное наследие и государственную деятельность академика И. М. Губкина. В сборник включены «Очерк научной, общественной и педагогической деятельности». Подробная библиография: «Литература о жизни и трудах И. М. Губкина с 1923–2015 гг.»; «Хронологический указатель трудов с 1895 по 2011 гг.»; алфавитный указатель его трудов, соавторов, периодических и продолжающихся изданий. Информация о литературном наследии И. М. Губкина собрана в бумажном и электронном каталогах нашей библиотеки. Здесь же представлены избранные сочинения И. М. Губкина (1950 и 1953 гг. издания) в двух томах⁴². Третье издание книги «Учение о нефти» (1975 г.)⁴³. В 2019 г. в книжной серии «Антология мысли» вышел сборник его избранных произведений «Геология нефти и газа»⁴⁴. Современные публикации свидетельствует о том, что работы И. М. Губкина имеют и сегодня огромное практическое значение. В редком фонде библиотеки хранится роман, Тимофея Тимофеевича Гонты «Геологи»⁴⁵, посвященный памяти И. М. Губкина.

Активным участником в работе Государственной плановой комиссии по вопросам сельского хозяйства и химической промышленности с первого дня основания Госплана был Дмитрий Николаевич Прянишников (1865–1948 гг. – русский агрохимик, биохимик и физиолог растений, создатель научной школы в агрономической химии, академик АН СССР). Несмотря на большую и плодотворную научную деятельность Д. Н. Прянишников уделял внимание вопросам государственного планирования. В 1921 г. Он выступил в Госплане с докладом «Ближайшие задачи в области производства минеральных удобрений». С 1922–1925 гг., как член Госплана, Д.Н. Прянишников непосредственно работал над определением перспектив организации отечественного производства минеральных удобрений, продвижением земледелия на север, внес предложение об организации крупных совхозов на юго-востоке страны. Перу Д. Н. Прянишникова принадлежит большое количество научных работ, многие из них вошли в трех томное собрание избранных сочинений (1965 г.)⁴⁶, изданное к 100-летию со дня рождения Д. Н. Прянишникова и в сборник избранных трудов (1976 г.) который

---

⁴¹ Иван Михайлович Губкин, 1871–1939 / Рос. акад. наук ; сост. В. Г. Мартынов, Л. А. Калашникова ; авт. вступ. ст. И. А. Гараевская, Я. В. Манин. Изд. 2-е, испр. и доп. - Москва : Наука, 2017. 137, [1] с., [1] л. портр. (Материалы к биобиблиографии ученых : издается с 1940 г. / редкол.: А. И. Григорьев (пред.) [и др.]. Геологические науки ; вып. 70)

⁴² Губкин, И. М. (1871–1939). Избранные сочинения / И. М. Губкин: В 2-х т.; [редкомис.: акад. С. И. Миронов (отв. ред.) и др.] ; Акад. наук СССР. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950; Т. 1. 1950 (Москва : 2-я тип. Издательства Академии наук СССР). 611, [1] с.; Т. 2. 1953 (Москва: 2-я тип. Издательства Академии наук СССР). 518 с.,

⁴³ Губкин, И. М. (1871–1939). Учение о нефти / И. М. Губкин. Изд. 3-е. – М.: Наука, 1975. 383, [1] с.

⁴⁴ Губкин, И. М. (1871–1939). Геология нефти и газа : избранные сочинения / И. М. Губкин. Москва : Юрайт, 2019. - 404, [1] с.

⁴⁵ Гонты, Т. Т. Геологи: роман / Т. Гонты. Киев: Радянський письменник, 1955. 559 с.

⁴⁶ Прянишников, Д. Н. (1865–1948). Избранные сочинения: в трех томах / Д. Н. Прянишников. Москва: Колос, 1965. На авантит. л.: К 100-летию со дня рождения.

вышел в серии «Классики науки», подготовлен он Академией наук СССР⁴⁷. В 1972 г. в издательстве «Наука» по инициативе АН СССР увидел свет сборник, посвященный Д. Н. Прянишникову⁴⁸. В книге описан его жизненный путь, большое место отводится воспоминаниям его соратников и учеников, впервые публикуются некоторые рукописи и письма ученого. Пожалуй, особый интерес представляют «Прянишниковские чтения», которые проходили с 1950 года в Москве. В честь знаменитого земляка – основателя отечественной агрохимии аграрные университеты Сибири проводят «Сибирские Прянишниковские агрохимические чтения». (VIII 2018, г. Тюмень; VII, 2015 г. Кяхта, Республика Бурятия; VI 2013 г. Новосибирск; V 2010 Новосибирск; IV 2007 Иркутск⁴⁹; III, 2005. Омск). Проводятся они под эгидой СО Российской Академии сельскохозяйственных наук. Литературное наследие Д. Н. Прянишникова достаточно полно представлено в фонде научной библиотеки Красноярского края.

Именами первых сотрудников Госплана, известных ученых, инженеров, служащих, называют города, проспекты и улицы, университеты.

В 1959 г. решением Президиума АН СССР, затем Российской академии наук, были учреждены золотые медали и премии имени выдающихся ученых, которые внесли великий вклад в становление российского государства и науку в разные исторические периоды [19] Они присуждаются за важные достижения в науке и практике. В настоящее время премия имени И. М. Губкина присуждается (с 1995 г.) за выдающиеся научные работы в области геологии нефти и газа. Премия имени Г. М. Кржижановского (с 1993) – за выдающиеся исследования в области комплексных проблем энергетики. Премия имени Д. Н. Прянишникова (с 1996 г.) – за выдающиеся работы в области питания растений и применения удобрений.

За время своего существования в работе Госплана происходило множество реорганизации и изменений. К составлению народнохозяйственных планов привлекалось огромное количество специалистов, предприятий, научных учреждений страны. Госплан СССР разрабатывал единый общегосударственный хозяйственный план, контролировал пути его реализации, осуществлял методическое обеспечение составления планов⁵⁰. Методические указания к составлению

---

⁴⁷ Прянишников, Д. Н. (1865–1948). Избранные труды / Д. Н. Прянишников; [отв. ред. А. В. Соколов]; сост.: Кулюкин А. Н. [и др.] при участии В. Д. Прянишниковой-Федоровской; Акад. наук СССР. Москва: Наука, 1976. 591 с. : портр., рис., табл.

⁴⁸ Дмитрий Николаевич Прянишников: жизнь и деятельность: [сборник] / Академия наук СССР; редакционная коллегия: акад. С. И. Волькович [и др.]. Москва: Наука, 1972. 271 с.: ил., табл., портр.

⁴⁹ Агрохимические свойства почв и приемы их регулирования: IV Сибирские агрохимические Прянишниковские чтения : материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16-21 июля 2007 г.) / [Рос. акад. с.-х. наук, Сиб. отд-ние, Новосиб. гос. аграр. ун-т, Иркут. НИИ сел. хоз-ва ; под ред. Г. П. Гамзикова ; сост.: Л. Ф. Ашмарина и др.]. - Новосибирск : [б. и.], 2009. - 410, [1] с., [2] л. ил.- Из содерж.: Пути оптимизации плодородия почв земледельческой части Красноярского края / П. И. Крупкин.

⁵⁰ Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР / Госплан СССР. Москва: Экономика, 1980. 775, [1] с.

Методические указания к разработке планов экономического и социального развития автономных республик, краев, областей и отраслей республиканского (РСФСР) подчинения / Госплан РСФСР. Москва: Экономика, 1978. 350, [1] с.

Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.: доклад председателя Госплана СССР / Н. А. Вознесенский. Красноярск : Красноярское краевое издательство, 1946. – 70 с.

государственных планов каждые пять лет уточнялись, дополнялись, переиздавались. Некоторые из них сохранились в книжных фондах нашей библиотеки.

С 1938 по 1951 гг. при Госплане работало одно из крупнейших в СССР - государственное издательство экономической, плановой и учетно-статистической литературы Госплана СССР (Госпланиздат). Издательство печатало книги, справочники, брошюры, доклады и другие издания по экономике и статистике. Публикации некоторых авторов хранятся в фонде научной библиотеки Красноярского края. Например, издания экономистов: Ивана Андреевича Гладкова (1904–1980 гг.), (экономист, доктор наук, профессор, автор трудов по истории экономики) М. Г. Школьников, (кандидат экономических наук), В. В. Кистанова, Я. М. Чернявского и др.⁵¹.

История плановых органов широко освещалась в экономической и исторической литературе XX в. Например, Госплан СССР в годы Великой Отечественной войны провел огромную работу по переводу советской экономики на военные рельсы. Об этом периоде рассказывают в своих воспоминаниях работники Госплана СССР в книге «Страницы памяти», которая сегодня является подлинным документом истории⁵². Значение и роль, в истории страны, пятилетних планов описаны в монографии советского экономиста, доктора экономических наук Александра Дмитриевича Курского⁵³. Эволюция становления плановой системы управления экономикой страны нашла отражение в трудах Рэма Александровича Белоусова⁵⁴. Монография вышла при участии Института экономики Академии наук СССР.

Институтом экономики Академии наук СССР так же предприняты публикации по методике и методологии плановой работы. Их авторы – Михаил Захарович Бор⁵⁵ (советский и российский экономист, доктор экономических наук), Владимир Ефреимович Лихтенштейн⁵⁶ (российский математик и экономист,

---

Иванов, В. А. Красноярский край в десятой пятилетке / В. А. Иванов. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1977. 64 с.

Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. Москва : Мысль, 1969. – 335, [1] с.

⁵¹ Гладков, И. А. (1904 - 1980). В. И. Ленин и план электрификации России / Ин-т экономики Акад. наук СССР. Москва : Госпланиздат, 1947. 111, [1] с.

Школьников, М. Г. Ангаро-Енисейская проблема / под ред. и с предисл. В. С. Немчинова. Москва : Госпланиздат, 1958. 142, [2] с.

Кистанов, В. В. Будущее Сибири : развитие хозяйства в семилетке / Москва : Госпланиздат, 1960. 109 с

Чернявский, Я. М. Баланс затрат рабочего времени на заводе : опыт работы предприятий Красноярского совнархоза. Москва : Госпланиздат, 1961. 93, [1] с.

⁵² Страницы памяти : сборник воспоминаний работников Госплана СССР в Великой Отечественной войне / [сост.: Н. И. Запрудский, Н. И. Московкин ; лит. запись Н. И. Лаврова]. Москва : Профиздат, 1982. 277, [2] с., [2] л. портр.

⁵³ Курский, А. Д.. Научные основы советских пятилеток : монография / Акад. наук СССР, Ин-т экономики. Москва: Наука, 1974. 348, [1] с. :

⁵⁴ Белоусов, Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР / Москва : Мысль, 1983. 317, [2] с. (второе издание М.,1987)

⁵⁵ Бор, М. З. Вопросы методологии планового баланса народного хозяйства СССР / Академия наук СССР, Институт экономики. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1960. 350, [2] с.

⁵⁶ Лихтенштейн, В. Е. Эволюционно-симулятивный метод и его применение для решения плановых и прогнозных задач / В. Е. Лихтенштейн ; Акад. наук СССР, Центр. экон.-мат. ин-т. Москва: Наука, 1976. 311, [1] с.

доктор экономических наук, профессор). Олег Емельянович Кутафин⁵⁷ (советский и российский ученый-правовед, академик РАН) в своей монографии исследует правовые формы плановой деятельности. Все эти издания представлены в электронном каталоге научной библиотеки Красноярского края.

Первый журнал, который издавали при Госплане СССР, назывался «Бюллетень Госплана». Он был основан в 1923 г.⁵⁸ Его преемником стал журнал «Плановое хозяйство. Бюллетени Госплана СССР» (март 1924 г.)⁵⁹. С 1925 по 1991 гг. журнал назывался «Плановое хозяйство»⁶⁰. Ответственными редакторами журнала в двадцатые годы были В.А. Базаров (1924 г. – заместитель председателя секции труда и культуры, член президиума Госплана), а с 1925 г. – Г.М. Кржижановский. С первых выпусков журнал объединил ведущих ученых страны и завоевал внимание специалистов и читателей [20 с.119]. С документами, темами и авторами публикаций 1923–1940 гг. в журнале «Плановое хозяйство» сегодня можно познакомиться, просмотрев «Авторский указатель» на сайте «Исторические материалы»⁶¹. Надо отметить, в 2014 г. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации предприняла издание избранных трудов Владимира Александровича Базарова (1874–1939 гг., выдающийся российский ученый, экономист, политик, философ, литератор, переводчик) в 2-х томах⁶². Труды опубликованы в пятой книге серии «Экономическая история в прошлом и настоящем». По мнению авторов книги и некоторых современных ученых, научное наследие В. А. Базарова, особенно по вопросам планирования, не потеряло свою научную ценность и остается актуально и в наше время.

Сегодня наблюдается повышенный интерес к истории создания, деятельности и методам работы Госплана СССР. Например, в базе данных научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU) только в 2021 году размещено (под рубрикой «План электрификации России») около 250 публикаций. Все чаще в периодических изданиях появляются статьи, в которых делается историко-экономический, государственно-правовой, статистический анализ результатов деятельности Госплана. Как пример, можно привести, публикации об истории становления Госплана СССР Евгения Александровича Иванова, который более 30 лет проработал в Госплане СССР (1963–1991 гг.)⁶³ позже в Министерстве

---

⁵⁷ Кутафин О.Е. Плановая деятельность Советского государства: (Государственно-правовой аспект). М.: Юрид. лит., 1980. 240 с.

⁵⁸ Бюллетени Госплана: Информационный журнал. М.: Редакционно-издательский отдел Государственной общеплановой комиссии при СТО, 1923//Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/60863> (дата обращения: 09.12.2021)

⁵⁹ Плановое хозяйство. Бюллетени Госплана СССР: Ежемесячный журнал. М.: Госплан СССР, 1924. //Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/60863> (дата обращения: 09.12.2021)

⁶⁰ Плановое хозяйство:Ежемесячный журнал. М.: Госплан СССР, 1925-1991 // Исторические материалы URL.: <https://istmat.info/node/60863> (дата обращения 09.12.2021)

⁶¹ Указатель к журналу «Плановое хозяйство» 1923–1940 гг. М.: Госплан СССР, 1925–1991 // Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/60863> (дата обращения 09.12.2021)

⁶² Базаров, В. А. (1874–1939). Избранные произведения : В 2-х. томах / В. А. Базаров; науч. ред. А. А. Белых. Москва: Дело РАНХиГ 2014. (Экономическая история в прошлом и настоящем).

⁶³ Иванов Е. А. Госплан СССР попытка воплотить в жизнь великую мечту // Экономическая наука современной России. 2010. №4(51). С.105-115 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosplan-sssr-popytka-voplotit-v-zhizn-velikuyu-mechtu/viewer> (дата обращения 12.12.2021)

экономики России (1991–1993); интервью с профессором Владимиром Викторовичем Коссовым – начальником Главного вычислительного центра Госплана СССР в 1981–1984 гг.⁶⁴. Владимир Леонидович Гвоздецкий⁶⁵ (кандидат технических наук, руководитель отдела истории техники и технических наук Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН) в своей статье рассказывает об истории создания, содержании, реализации плана электрификации России, судьбе его авторов и его исполнителей. Истории строительства первых электрических станций г. Красноярске, и становлению энергетической системы в Восточной Сибири посвящена статья Владимира Вячеславовича Кибардина⁶⁶ сотрудника института горного дела, геологии и геотехнологий СФУ. В 2022 г. исполнится 110 лет со дня открытия первой электростанции общего пользования в Красноярске. Она проработала до 1955 г.

В рамках грантового проекта «Роль плановых органов государственного управления в социально-экономическом развитии Красноярского края» Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности красноярскими учеными СФУ: профессором Е. Б. Бухаровой, доцентами А. А. Третьяковым и Н. Г. Шишацким⁶⁷ проведено исследование механизмов промышленного развития Красноярского края в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.). История, итоги и проблемы реализации первого пятилетнего плана и вопросы подготовки стратегии пространственного развития Российской Федерации рассмотрены в статье О. Б. Иванова (Институт эффективных технологий (Москва) и профессора Е. М. Бухвальда (Институт экономики РАН)⁶⁸. Вопросы становления журнала «Плановое хозяйство» и его исторический феномен исследует в своей статье профессор М. А. Фельдман⁶⁹ (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ).

Невозможно рассказать в статье обо всех участниках тех далеких событий модернизации экономики страны в начале XX в. Но при их содействии проект ГОЭЛРО и первый пятилетний план, положили основу электрификации и индустриализации России. Если следовать размышлениям некоторых исследователей о том, что фронтиром первоначально была практически вся Россия, в том числе, и начала XX в., то можно заметить, что в этот период страну стоит

---

⁶⁴ Коссов, В. В. Работа Госплана СССР как искусство возможного : (беседа А. В. Сафронова с В.В. Коссовым) / В. В. Коссов ; А. Сафронов. // Экономист. 2021. № 6. С. 61–80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46181785> (дата обращения 13.12.2021)

⁶⁵ Гвоздецкий В. Л. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь, 2001. №5. С. 102–109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21011316> (дата обращения 13.12.2021)

⁶⁶ Кибардин В.В. История строительства первых электрических станций г. Красноярска // Вестник КрасГАУ, 2011. 6(57). С.168–174. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16393112> (дата обращения: 13.12.2021)

⁶⁷ Бухарова Е.Б. Историко-экономическое исследование механизмов промышленного развития Красноярского края в годы первых пятилеток (1928–1940 Гг.) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки, 2021. Т. 14. №8. С. 1191–1207. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46470779> (дата обращения 12.12.2021)

⁶⁸ Иванов О.Б., Бухвальд Е. М. Первый пятилетний план и пространственное стратегирование для России //Этап: экономическая теория, анализ, практика, 2018. №6. С. 7–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36642388> (дата обращения 12.12.2021)

⁶⁹ Фельдман М.А. «Предвосхитившие работу, выполненную западными экономистами», или феномен журнала «Плановое хозяйство» // Вопросы теоретической экономики, 2021. №1(10). С. 112–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44693779> (дата обращения 11.12.2021)

рассматривать как зону особых социально-экономических условий. Индустриальное становление страны в эти годы приобрело реальные масштабы, более плановый и урбанистический характер развития. Страна за потрясающе короткие сроки из аграрной превратилась в индустриальную. Следует предположить, что проекты планов электрификации России и первых пятилетних планов, а также их реализацию можно отнести к характеристикам фронтальной модернизации России.

Российская национальная библиотека стала инициатором создания базы данных «Международный сводный каталог русской книги (1918-1926 гг.)» [21]. В каталоге впервые будет отражен репертуар русской книги первого послереволюционного десятилетия (до начала централизованной каталогизации в России.). В базу данных включают сведения (библиографическое описание) о книгах, опубликованных в РСФСР, СССР и за рубежом. Описание первой редакции «Плана электрификации РСФСР» нашло отражение в этом уникальном каталоге. Приятно осознавать, что литературное наследие, созданное учеными тех далеких времен, сегодня сохраняется в тиши библиотечных залов по всей России. И все чаще к нему возвращаются наши современные исследователи.

Список литературы и источников

1. Декреты Советской власти: сборник. М.: Политиздат, 1989. Т. 13: 1 февраля – 31 марта 1921 г. 130 с.
2. Декреты Советской власти : сборник. М. : Политиздат, 1989. Т. 13: 1 февраля – 31 марта 1921 г. 131 с.
3. Декреты Советской власти : сборник. М. : Политиздат, 1989. Т. 13: 1 февраля – 31 марта 1921 г. 209 с.
4. Декреты Советской власти. Т. XIV. Апр. 1921 г. – М.: Археографический центр, 1997. – С. 362 – URL.: http://virezkipress.ru/publ/sborniki_dekretov_i_postanovlenij_partii/dekrety_sovetskoj_vlasti/dekrety_sovetskoj_vlasti_tom_14/26-1-0-181#mode/inspect/page/372/zoom/5 (дата обращения: 20.12.2021)
5. Декреты Советской власти. Т. XIV. Апр. 1921 г. – М.: Археографический центр, 1997. С. 362. //Электронная библиотека исторических документов – URL.: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/13335#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 20.12.2021)
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов. В 16 т. (1917-1987 гг.). М. : Политиздат, 1967. Т. 1. 1917–1928 гг. С. 376–377.
7. СССР. Конституция (1936). Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : [Принята 5 дек. 1936 г.]. [Л.] : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 32 с – [Глава V, статьи 68б, 70].
8. Постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 29 декабря 1920г. Об электрификации России // Решения партии и правительства по хозяй-

- ственным вопросам : сборник документов: В 16 т. (1917–1987 гг.). М.: Политиздат, 1967. Том 1. 1917–1928 гг. С.195–196.
9. Введение к докладу восьмому съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России: Предисловие // План ГОЭЛРО (1 издание) : сборник /Научно-технический отдел ВСНХ. М.: Государственное техническое издательство, 1920 //Исторические материалы – URL: <https://istmat.info/node/29115> (дата обращения: 22.12.2021)
  10. Электрификация Западной Сибири // План ГОЭЛРО (1 издание) : сборник / Научно-технический отдел ВСНХ. М.: Государственное техническое издательство 1920 С. 20–23 [оцифрованный документ]. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/29115> (дата обращения: 22.12.2021);
  - 10.1 Российский государственный архив экономики – URL : http://opisi.rgae.ru/scripts/uis/rgae_any.php?base=mysql:rgae&list=16229&idObj=6658118 (дата обращения: 23.01.2022) URL: <https://www.kp.ru/daily/26033.5/2950329/> (дата обращения: 23.01.2022)
  11. Кржижановский Г. К 35-летию плана ГОЭЛРО //План электрификации РСФСР: Доклад 8-му съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. – 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. – С.5-10 с.
  12. Великий хозяйственный план // План электрификации РСФСР : Доклад 8-му съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955. С.11-28.
  13. Рамзин Леонид Константинович (1887-1948) //Канал Москва - Волга - URL: <http://moskva-volga.ru/ramzin-leonid-konstantinovich-1887-1948> (дата обращения: 23.12.2021)
  14. Исторические документы о ГОЭЛРО были оцифрованы в рамках проекта Минэнерго и Российской государственной библиотеки –URL: <https://minenergo.gov.ru/node/19675>
  15. Декрет Совета Народных Комиссаров, утвержденный IX Всероссийским Съездом Советов : 28 дек.1921 г.: Об электрификации //Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов : [в 16 т.]. – М. : Политиздат, 1967–1988. Т. 1: 1917–1928 гг. 1967. – С.290–292.
  16. ВКП(б). Съезд (15; 1927; Москва). XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: Партиздат, 1935. С.734-814.
  17. Резолюции XV съезда ВКП(б). 19декабря1927 г. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов : [В 16 т.]. М.: Политиздат, 1967–1988. Т. 1 : 1917–1928 г. 1967. – С. 661.
  18. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Первый пятилетний план и пространственное стратегирование для России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. №6. С. 9 – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36642388>
  19. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. В 3 т. М.: Плановое хозяйство, 1930 – С.11 // Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/41169> (дата обращения: 25.11.2021)

20. Премии и золотые медали имени выдающихся ученых //Российская Академия Наук - URL: <http://www.ras.ru/about/awards/medalsandprizes.aspx> (дата обращения: 12.12.2021)
21. Фельдман М.А. «Предвосхитившие работу, выполненную западными экономистами», или феномен журнала «Плановое хозяйство» // Вопросы теоретической экономики. 2021. №1(10). С.112–120. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=44693779> (дата обращения: 12.12.2021)
22. Международный сводный каталог русской книги (1918-1926) // Российская национальная библиотека : Электронные каталоги РНБ. URL: http://nlr.ru/nlr_visit/RA1812/elektronnyie-katalogi-rnb (дата обращения: 06.02.2022)

УДК 316.334

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Тихоньких Виктор Петрович
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Республика Хакасия, Россия
victor.tikhonkikh@mail.ru

Цель статьи – дать основные природно-географические характеристики пространства сибирского фронта как геополитического феномена Российской Федерации. Огромный материал темы и ограниченность объема статьи позволяют рассмотреть лишь часть наиболее существенных проблем. Прежде всего, природно-географические особенности и их влияние на отношения России с другими странами.

Ключевые слова: сибирский фронт, природный потенциал, природные комплексы, КНР, Япония.

NATURAL AND GEOGRAPHICAL COMPLEXES OF THE SIBERIAN FRONTIER AS A GEOPOLITICAL FACTOR

Tikhonkikh Viktor Petrovich
N.F. Katanov Khakass State University, Abakan, Republic of Khakassia, Russia
victor.tikhonkikh@mail.ru

The purpose of the article is to give the main natural and geographical characteristics of the Siberian frontier space as a geopolitical phenomenon of the Russian Federation. The huge material of the topic and the limited scope of the article allow us to consider only a part of the most significant problems. First of all, natural and geographical features and their impact on Russia's relations with other countries.

Key words: Siberian frontier, natural potential, natural complexes, China, Japan.

О фронтире как об особом термине (англ. *frontier* – «граница, рубеж, пограничье») и геополитическом феномене впервые заявил американский историк из университета в Висконсине Фредерик Дж. Тернер (1861-1932). На встрече Американской Исторической Ассоциации в 1893 г. он представил доклад «Значение Фронттира в американской истории». Фредерик Дж. Тернер увязывал «фронтир» с анализом процессов расширения Соединенных Штатов, считая его «мигрирующей географической зоной, в которой «цивилизация входит в дикость» [31, с. 12]. Фронтир означал территории в центре Северной Америки, которые интенсивно колонизировались белыми переселенцами. Фредерик Дж. Тернер понимал как фронтир территориальный, геополитический и ландшафтный феномен, свободный от населения, прежде всего европейского. В современном значении фронтир – малозаселенная и слабо развитая территория по сравнению с метрополией. До сих пор под фронтиром понимают различные явления, объединенные значением границы: территория между государствами; территория между заселенными и незаселенными пространствами; передовая часть чего-то, некий авангард. В литературе постепенно происходит размежевание понятий граница и фронтир. Фронтир понимается и как «подвижная» граница, находящаяся в процессе постоянных изменений.

Теория фронта Фредерика Дж. Тернера, отмечает сибирский ученый М.Я. Пелипась, применима не только к американской действительности. Ее можно рассматривать с точки зрения формирования нашей страны – освоения Сибири, Камчатки, Русской Америки и Дальнего Востока [20, с. 5-10], где в процессе колонизации возник сибирский фронтир [19, с. 39-52]. Возник он достаточно быстро, через 50-60 лет, после проникновения русских в сибирский регион в конце XVI в.. По замечанию В. О. Ключевского образования сибирского фронта способствовало, что: «русские границы на востоке не отличались резкой определенностью или замкнутостью: во многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали плотные политические общества, которые бы своей плотностью сдержали дальнейшее распространение русской территории» [13, с. 557].

Одним из первых историков, кто сформулировал свою точку зрения на определение особенностей сибирского фронта, стал иркутянин А. Д. Агеев, считавший, что особенности сибирского фронта определили климат, пространство и капиталы, которые вкладывали в развитие Сибири государство и промышленники. У него границы сибирского фронта проходят по «цивилизационному разлому» в северной части Тихого океана. Именно там встретились движения «русско-сибирского» и «американского» фронтиров [1, с. 30-31, 35].

На юге сибирский фронтир граничит с Казахстаном и Монголией, на Амуре и в Приморье – с Китаем. На Курилах, Охотском и Японском морях он соприкасается с Японией. Россия, изменяя свои границы, пришла в соприкосновение с различными по уровню развития государствами, цивилизациями и

культурами, на границах которых образовались геополитические точки напряженности. Помимо границ северной американской цивилизации, Россия вышла на границы с мусульманской мировой цивилизацией в Сибири и на Дальнем Востоке – с конфуцианской мировой цивилизацией [9, с. 91-99].

Исходя из пограничного положения с различными цивилизациями и особых природно-географических условий фронта Зауралья в его составе выделяют несколько крупных региональных фронтов: западно-сибирский; фронт восточной и южной Сибири; дальневосточный; центрально-азиатский, приамурский и Приморский. Они значительно отличаются в зависимости от географического положения, геолого-природных качеств и влияния культур сопредельных стран.

Длительное геологическое развитие территории сибирского фронта привело к образованию природно-географических комплексов со своими особенностями. Зональные комплексы характеризуются особенностями климата, почвы, растительности, животного мира; а зональные комплексы – геологическим строением и рельефом. В результате сложилась интегральная природная система от Урала до Тихого океана, занимающая обширные земли на севере Евразии.

А. Д. Агеев выделяет основное качество сибирского фронта – большая территориальная протяженность по параллели и наличие сложных географических ландшафтов, особенно крупных рек, текущих с юга на север, с многочисленными притоками, которые разливаются весной и осенью на огромные пространства. О суровости природы Сибири говорит и Д. С. Панарина: «Различия с Европейской частью России можно найти во многих сферах жизни: другая жизнь, иная природа, люди другого склада. Вместо спокойных полноводных равнинных рек путешественников в Сибири встречали бурные, суровые северные реки; вместо солнечных лесов – крепкая беспощадная тайга» [19, с. 40].

Сложные геологические условия препятствовали созданию сети коммуникаций, связывающих метрополию и сибирскую периферию. Отсюда сеть сибирских дорог, пишет А. Д. Агеев, отличается неразвитостью, что значительно тормозит социально-экономическое развитие региона [1, с. 30-31]. Казалось бы, Сибирь, пишет Д. Я. Резун, имела несомненные преимущества, непосредственно примыкая к метрополии, но в реальности транспорт здесь стал сдерживающим фактором социально-экономического развития. Потому главную роль в освоении Сибири сыграла правительственная колонизация, хотя имело место и вольно-народное освоение территорий [23, с. 9]. Строительство Великого пути (Транссиба) в 1891-1899 годах сделало относительно доступными связи Зауралья с Центральной Россией [29, с. 31-44]. Но не решало проблемы трудностей связей региона Сибири и Дальнего Востока с Европейской Россией и ее отдельными частями. Геополитические позиции сибирского фронта значительно усилились с вводом в строй БАМа. Такой же результат будет получен при окончании строительства Широтного хода. Однако проблема коммуникаций в Сибири в настоящее время остается весьма острой.

Обширность слабозаселенной территории привлекает внимание зарубежных стран. Во время глобализации и сближения между странами и народами прослеживается наличие между ними геополитической тесноты, которая усиливается с ростом населения и ростом экономического развития. Заполнение географических пространств идет чрезвычайно быстро. Одной из самых серьезных проблем становится дефицит территориального пространства и наличие необходимых для развития природных ресурсов. В западном, и не только, геополитическом мышлении все более основательно утверждается мысль, направленная на обоснование прав отдельных государств, на перераспределение географических пространств как сухопутных, так и морских. Китай в последнее время не заявляет официально о территориальных претензиях к России, но его сотрудничество с нашей страной на Дальнем Востоке говорит об ином. Территории становятся важнейшим ресурсом и вызывают желание получить их в свое распоряжение. Похоже, пишет Ю. Н. Голубчиков, что сегодняшний мир находится на грани нового грандиозного передела пространства [6,с.129].

Мотивы передела пространства, прежде всего российского, прослеживаются у многих западных государственных деятелей и политологов. Зигмунд Бжезинский в книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» заявляет, что результатом распада СССР стало то, что Россия утратила свободный доступ к внешнему миру» и стала уязвимой со стороны своих соседей [4, с. 108,118]. Этот американский теоретик геополитики мечтал видеть Россию не только ослабленной, но и расчлененной. Основание для реализации своего мифического плана З. Бжезинский усматривает якобы в отсутствии у России способности к эффективному освоению своего огромного пространства. Незаполненный вакуум, считает З. Бжезинский, необходимо заполнить «успешными» странами.

Территориальное пространство – одна из важнейших сторон национального богатства, оно вместилище всех других ресурсов, само по себе природный ресурс высочайшей ценности. Действительно, Россия в Азии располагает обширными территориями, которые притягивают взоры соседей и не только соседей, на Западе, Востоке и Юге. Площадь Сибири составляет 23,1 % площади Азии, 18,8 % – Евразии и 7,5 % – суши всей планеты. Основную часть этой территории – 89,9 % – занимают свободные, малоосвоенные и слабозаселенные земли. Плотность населения Сибири составляет лишь 2,5 человека на квадратный километр. Это меньше заселенности европейской части России в 11 раз и меньше среднего мирового показателя – в 20 раз [15,с. 25].

Одна из серьезных проблем региона к востоку от Урала состоит в том, что, занимая огромную территорию земель, пригодных для длительного проживания человека и ведения эффективного хозяйства, относительно немного. Проблема пригодности территории для ведения хозяйства, особенно сельского, и обитания населения – проблема всей России. Суровые природные условия определили малочисленность наиболее крупных населенных пунктов Русского Севера: Дудинка – 35,5 тыс. чел., Игарка – 18,2 тыс. чел., Анадырь – 13,5 тыс., Черский – 8,2 тыс., Тикси - 7,8 тыс., Тура – 6,1 тыс., Среднекалымск – 4,8 тыс.,

Нижнеянгск – 2,7 тыс. чел., Верхоянгск – 1,9 тыс. чел., Диксон – 1,6 тыс. чел. Наиболее крупным городом Русского Севера является город Норильск – 260 тыс. человек [6, с. 125-130].

В. В. Клименко считает, что Россия не подходит для проживания населения 11 млн. 57 тыс. кв. км. территории. Вывод он делает из того, что люди не могут жить там, где среднегодовая температура ниже -2°C , а высота суши над уровнем моря превышает 2000 метров [11, с. 71-80]. Большая часть такой территории приходится на Сибирь. Суровые климатические условия, требуя дополнительных затрат, всегда были тормозом заселения и интенсивного развития Сибири и Дальнего Востока. Отсюда одной из особенностей является слабая заселенность и даже безлюдность огромных территорий, которые не отягощены антропогенной и техногенной нагрузкой. На Севере в экономическом развитии задействовано всего 2,8 % территории региона [12, с. 161]. Для России это серьезная проблема.

По В. В. Клименко, нельзя жить в сибирской тайге, в Якутии, на Чукотке. На Камчатке можно жить, но только в южной части полуострова, на станции Озерная, где среднегодовая температура $+1,3^{\circ}\text{C}$. Населенных пунктов, где среднегодовая температура ниже -2°C , в Сибири и на Дальнем Востоке значительное число: Николаевск-на-Амуре (среднегодовая температура $(-2,4^{\circ}\text{C})$); Братск ($-2,6^{\circ}\text{C}$); Чита ($-2,9^{\circ}\text{C}$); Кызыл ($-4,5^{\circ}\text{C}$). Однако, утверждает Ю. Н. Голубчиков, используемая В. В. Клименко в качестве показателя суровости климата низкая среднегодовая температура воздуха отражает резко континентальный характер климата Сибири и большей части Дальнего Востока. При таком климате лето продолжительное, жаркое и обеспечивает относительно благоприятные условия для развития хозяйства и жизни населения. [6, с. 126-130].

В современной западной геополитике холодный климат Сибири используется для обоснования бесперспективности ее экономического развития. Высказываются соображения, противоположные фундаментальным идеям сохранения государственного и стратегического единства России, экономического развития, укрепления ее целостности и суверенитета. В 2003 г. вышла в свет книга сотрудников Института Брукинга в Вашингтоне Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское проклятье: как коммунистическое планирование забросило Россию в холод». Красной нитью через всю книгу следует тезис о том, что огромные холодные пространства Сибири являются тяжелым бременем для российской экономики и сильно тормозят ее рост. Основные выводы и рекомендации авторов заключаются в следующем: индустриализация Сибири была огромной ошибкой советского руководства и в современных рыночных условиях ее освоение экономически неэффективно. Поэтому из Зауралья в европейскую часть страны требуется переселить от 10 до 15,7 млн «избыточного» населения Сибири [3, с. 105-106], т. е. Сибирь должна обезлюдеть и не должна развиваться экономически.

Ф. Хилл и К. Гэдди советуют переселить, притом срочно, население Сибири и Дальнего Востока России в европейскую часть страны, так как эти регионы не пригодны для жизни нормальных людей, которые были насильственно

поселены в Сибирь по произволу советской власти. Их идеи очень тесно соотносятся с идеей З. Бжезинского [32].

Основная часть сибирской территории требует для экономического освоения повышенных энергетических затрат по сравнению с районами с умеренным и теплым климатом. И. Карнацевич в работе «Энергетические ресурсы климата – одно из главных богатств Сибири» пишет, что энергетические ресурсы, связанные с климатом конкретной территории, характеризуются годовым балансом тепла, поступающего от солнца летом и потерями накопленного тепла в холодное время года. Если учитывать сравнительно большее число безоблачных и малооблачных дней, а также продолжительность светлого времени суток летом, то Сибирь в этом отношении представляется сравнительно благополучной. Оценка энергетических ресурсов Сибири, ее климата, определяется не только суммой тепла, получаемой от Солнца, но и поступлением более теплых, чем земная поверхность региона, атмосферных потоков. К ним относятся зимние ночные потепления при прохождении циклонов, которые определяют суммарные теплоэнергетические ресурсы и среднегодовую температуру территории Сибири, обеспечивающие условия, хотя и сложные, но возможные для проживания и хозяйственной деятельности [8, с.5].

В Сибири, так же, как и на всей планете, весьма остро в силу особых природных условий стоит проблема глобального потепления. Но не все в этом вопросе однозначно. В течение последних 15 тыс. лет на Земле было четыре крупных потепления и четыре похолодания, не считая мелких [7, с. 32-37]. В настоящее время, по-видимому, начинается период нового естественного потепления. По данным прямых наблюдений температур в течение последних 200 лет, с конца малого ледникового периода, средние температуры на Земле повысились, однако причины такого повышения остаются предметом дискуссий. Окончание малого ледникового периода произошло в конце XIX века, поэтому повышение температуры в XX – начале XXI веков естественно. Вполне возможно, что антропогенный парниковый эффект имеет под собой лишь экономическую основу. Противники антропогенного влияния на климат утверждают, что современное потепление – это естественный выход из малого ледникового периода XIV–XIX веков, которое, возможно, приведет к восстановлению температур малого климатического оптимума X-XIII веков или даже Атлантического оптимума. По их мнению, нет ничего удивительного, что в начале XXI века среднегодовые температуры регулярно превышают климатическую норму, ведь сами климатические нормы были написаны под стандарты относительно холодного XIX в.

Значительная часть западных и российских ученых и особенно западных политиков связывает потепление климата с антропогенным воздействием, с чрезвычайно высоким уровнем выбросов CO_2 промышленных предприятий, работающих на ископаемых видах топлива, таких, как уголь и продукты нефтяной переработки. Для аргументации неизбежного потепления используется только один вид парникового газа – углекислого, который является продуктом работы предприятий, жизнедеятельности человека и животных. Практически

замалчивается естественное поступление в атмосферу метана, CO² и иных парниковых газов в результате деятельности вулканов и в местах тектонических разломов. При этом вопрос о фатальности тотального потепления климата не имеет длительных геологических временных научных доказательств и рядом ученых отрицается. Если следовать идеологии перехода к «зеленой энергетике» без учета ее негативных последствий, то это может привести к сложностям в развитии экономик. В Западной Европе в настроениях, связанных с глобальным потеплением климата, доминирует алармистская, негативная оценка результатов потепления, но должно быть и положительное в этом процессе. Особенно для Сибири с ее холодным климатом. Глобальное потепление может оказаться для России даже выгодным, климат станет более мягким. Повидимому, роль антропогенного влияния на климат завышена, но это требует серьезного объективного исследования и не снимает проблему потепления, которая используется для обоснования геополитической экспансии рядом западных стран в своих геостратических интересах, с целью затормозить экономическое развитие России и Китая.

В связи с проблемой глобального потепления изменилось отношение к значению самых обширных в мире сибирских болот. Если прежде их роль оценивалась негативно, они подлежали осушению, то опыт осушения болот в Московской области показал, что это нанесет серьезный вред природной среде. Помимо ценности уникальной болотной флоры и фауны, болота являются мощным природным консерватором атмосферного углерода. Накапливаясь в болотных отложениях органики, углерод почти полностью изымается из процессов биологического круговорота. Осушение великих болот Сибири усилило бы парниковый эффект и нарушило бы экологический баланс, складывавшийся миллионы лет.

Необходимо также учитывать, что тенденция потепления планеты, даже естественная, чревата особыми проблемами для Сибири, 2/3 которой находятся в зоне вечной мерзлоты, где расположено промышленное производство и города. Потепление неизбежно приведет к исчезновению в ряде районов Сибири вечной мерзлоты и в свою очередь к дезорганизации сложившейся хозяйственной деятельности. Основная территория вечной мерзлоты приходится на северные широты, где среднегодовая температура –18° С, а ночь длится полгода, там будет холодно всегда. Тем не менее уже сегодня необходимо разрабатывать и создавать соответствующие технологии по сохранению и восстановлению устойчивости самых разных объектов построенных в зоне вечной мерзлоты. Исследования в этом направлении ведутся главным образом на Западе, что ставит Россию и Сибирь в зависимое положение от иностранных компаний [7, с.32-37].

Сибирь располагает обширными лесами, имеющими планетарное экологическое значение. Тайга севера Евразии – один из важнейших стабилизирующих факторов климата земного шара. Общая площадь лесного фонда, являющегося основой лесопользования Сибирского федерального округа, составляет 371899 тыс. га. Площадь земель лесного фонда 296266 тыс. га, из них покры-

тых лесом – 273611 тыс. га, 187161 тыс. га приходится на хвойные леса, что составляет 30% общероссийской площади государственного лесного фонда. Лесистость сибирского округа составляет 53,2%. Самую высокую лесистость имеют: Иркутская (78%), Читинская (66%) области и Республика Бурятия (63%), самую низкую – Омская (18%) и Новосибирская (13%) области. В среднем на 1 жителя Сибири приходится 12,8 га лесопокрытой площади, а в наиболее лесистой Иркутской области – 21 га [21].

Леса Сибири ежегодно поглощают до 180 млн. т углерода, почти втрое превышая эмиссию антропогенного углерода на ее территории. Причем это поглощение при условии резкого повышения качества ведения лесного хозяйства и охраны лесов может достичь 500 млн. т. в год [22, с.649-650]. Именно сибирские леса дают основную массу кислорода, вырабатываемого растениями на суше нашей планеты. Тропические леса затрачивают кислород на обеспечение процесса гниения. Если взять США и Европу, то кислород, который вырабатывается их растительностью сжигается ими почти полностью. Неудивительно, что они стоят в авангарде утверждения так называемой зеленой энергетики.

При этом незаконные рубки леса особо ценных пород деревьев на российском Дальнем Востоке достигли критических масштабов. Уже давно WWF поднимал тревогу о нарастающем темпе незаконных рубок на Дальнем Востоке и предупреждал, что без жестких мер со стороны федеральных и региональных властей существует реальная угроза криминализации лесного сектора и истощения запасов ценной древесины [10, с.20].

К сожалению, прогнозы WWF реализовались в наихудшем варианте. Объем древесины монгольского дуба, экспортируемого в Китай, превысил объем разрешенного законодательством лесопользования в 4 раза. Незаконные рубки ведутся и в ареале обитания амурского тигра, угрожая его существованию. Вырубки характеризуются изъятием части наземной фитомассы, запасенной в стволах и в ветвях деревьев. При вырубке леса страдают и верхние слои почвы, подстилка, травянистый ярус и животный мир. Вырубка леса влечет за собой изменения и в водном режиме почвы. Корни вырубленных деревьев, оставшиеся в почвенном слое, отмирают и уже больше не поглощают воду. Влажность почвы увеличивается, грунтовые воды поднимаются кверху. В результате может произойти заболачивание территории. Аналогичное явление наблюдается и на пожарищах. На самозарастающих вырубках почвенный покров восстанавливается длительное время.

Лесохозяйственные ландшафты присваивающего типа формируются в районах, где товарная древесина на вывоз заготавливается по экстенсивному лесохозяйственному циклу. В них при вырубке леса не учитывают природные параметры естественного самовозобновления леса. При тотальных вырубках формируются ландшафты с преобладанием вторичных мелколиственных лесов, чередующихся вырубками на разных стадиях зарастания. Уничтожаются леса водоохраных и орехово-промысловых зон, природных заказников, которые в результате действия запрета на промышленные рубки еще сохранили значительные запасы высококачественной древесины. Чтобы решить эту проблему,

необходима политическая воля Правительства Российской Федерации по принятию неотложных мер по организации эффективного управления лесным хозяйством на Дальнем Востоке [17, с. 45]. Сейчас это особенно важно в связи с развернувшейся кампанией в Европе по борьбе с так называемым потеплением климата планеты, сопровождаемого политическим и экономическим давлением на Россию.

Необходимо отметить, что мнение о более благополучной экологической обстановке в Сибири по сравнению с центральной частью России, давно не соответствует действительности. Научная оценка устойчивости экосистем дает максимальную величину в центре страны, минимальную – на Севере, затем в южной части Сибири [28, с. 115-123].

Природные, климатические и географические условия, сибирского региона суровы и труднодоступны для освоения, но он привлекает внимание КНР, США, Японии и ряда стран Европы. Обострение борьбы за природные ресурсы и возросшие на базе научно-технического прогресса возможности освоения труднодоступных территорий сделали слабозаселенную, но богатую природными ресурсами Сибирь желанным призом для ведущих стран мира. Сибирь стала местом экономического, политического и территориального притязания акторов международной политики. Для такого вывода есть все основания: обширная территория и огромные запасы природных богатств необходимых для длительного биологического существования нации привлекают многих. Даже ставится вопрос об ограничении прав России на эти территории якобы неспособной рационально использовать выпавших на ее долю природных богатств [11, с.78-79].

Современная геополитика, испытывая тенденцию тесноты, следуя исторической традиции стремиться к расширению и перераспределению территорий. Основа для этого есть – дефицит экологически благоприятного для обитания пространства, истощение ряда месторождений полезных ископаемых, прежде всего редкоземельных металлов, необходимых для производства электроники, ветровых и солнечных электростанций, которые есть в Сибири.

На протяжении нескольких столетий русские присоединяли и осваивали территории Сибири. В результате чего к российскому государству были присоединены земли богатые полезными ископаемыми, значительная часть земель пригодна для занятия земледелием и скотоводством, а также для развития современной промышленности. Разведанные в Сибири запасы нефти составляют 77 % от общероссийских, газа – 85 %, угля – 80 %, меди – 70 %, никеля – 68 %, свинца – 85 %, цинка – 77 %, молибдена – 82 %, золота – 41 %, металлов платиновой группы – 99 % [15, с.25-26].

В сегодняшнем мире, как и в прошлые века, идет борьба за территориальный и экономический передел мира, за природные ресурсы и рынки сбыта. Как пишет Ю. Н. Гладкий, с Россией за Арктику борются Норвегия, США, Канада и Дания. На востоке Япония претендует на Курильские острова. Китай оказывает мощное демографическое, экономическое и криминальное давление на приграничные территории Дальнего Востока. К КНР от России уже отошли

острова Тарабаров, половина острова Большой Уссурийский, полностью остров Даманский. Даже в Монголии и Казахстане появились претензии к некоторым территориям России. Монголия считает, что ей исторически принадлежит Байкал, Казахстан также исторически обосновывает претензии на часть Омской области. М. Олбрайт и К. Райс будучи государственными секретарями США открыто заявляли об экспансионистских намерениях по отношению к Сибири. М. Олбрайт приписывают фразу, что Сибирь – это достояние всего мирового сообщества и ее принадлежность России не справедлива [5]. Хотя для таких заявлений нет никакой объективной почвы, но активные теоретические попытки обоснования западными учеными и политиками отторжения Сибири от России предпринимаются.

В ряде районов планеты стремительными темпами нарастают проблемы, обусловленные нехваткой водных ресурсов, загрязнением водных объектов. Не менее 40 % населения земного шара испытывают среднюю или острую нехватку воды («водный голод»), а к середине XXI столетия с ее дефицитом столкнется около двух третей населения планеты. В этих условиях особое внимание привлекают богатые водными ресурсами страны, в том числе Россия.

Основные водные ресурсы России сосредоточены в Сибири. К ним относятся многочисленные реки и озера. В том числе три крупнейшие реки России – Енисей, Лена и Обь, а также входящие в число 20 самых водоносных рек страны Алдан, Ангара, Колыма, Нижняя Тунгуска, Хатанга, Иртыш, Пясины, Витим, Олекма и Таз. К крупнейшим озерам страны относятся Байкал, запасы пресной воды которого составляют 23000 км³ – 20 % мировых запасов пресных вод. Таймыр содержит 13 км³, а Чаны – 4,3 км³ пресной воды. В водный фонд входят также около 3 тыс. ледников арктических островов и гор, болотные массивы площадью около 100 млн. га и подземные воды. Значительную долю водного фонда составляют водохранилища сибирских гидроэлектростанций. Гидроэнергетический потенциал Сибири составляет 1556 млрд. кВт. ч. среднегодовой выработки электроэнергии – 65 % общероссийской величины [2, с. 30-31].

В XXI веке на границах России появилась новая сверхдержава – КНР. Государственная граница между РФ и КНР приобрела современные очертания после окончательной демаркации в 2005 г. с территориальными уступками в пользу Китая. Ее протяженность составляет 4209,3 км, в том числе 650,3 км сухопутной, 3489,0 км речной и 70,0 км озерной. Российско-китайская граница распадается на два участка: длинный восточный и короткий западный, – около 50 км. Между ними находится Монголия, ограниченная Россией на севере и Китаем на юге. Российско-китайская граница имеет как речные, проходит по фарватеру рек Аргунь, Амур и Уссури, так и сухопутные участки [18]. Страна с самым многочисленным в мире населением граничит с российскими регионами – Южной Сибирью и Дальним Востоком, которые заселены слабо.

Наиболее напряженная обстановка сотрудничества с КНР сложилась на границе Приамурского фронта. Китай вкладывает деньги в развитие пограничных российских территорий, понимая их как свой фронт, который

необходимо подчинить себе и сделать частью своей территории. В обоснование этих, пока не официальных притязаний положены факторы низкой заселенности и слабого развития прилегающей к Китаю российской территории. Китайский исследователь Син Шуган эту мысль приводит в статье «Некоторые особенности обстановки в АТР», говоря о низком уровне развития Приамурья. При этом обращает особое внимание на природные богатства русского Дальнего Востока: «Однако для утверждения отношений, основанных на широком сотрудничестве, требуется, прежде всего, значительное экономическое развитие... В настоящее время экономическая база Дальнего Востока слаба... для ее развития не хватает средств, несовершенна инфраструктура. Вместе с тем здесь сосредоточены необычайно богатые природные ресурсы, и благодаря этому существует возможность строить экономические отношения этого региона» [27, с. 93-94].

Очевидно, Китай не заинтересован в развитии высокотехнологических производств в Приамурье, а заинтересован в широком использовании русских природных ресурсов. Китайской стороной финансируются в основном проекты быстрой окупаемости, связанные с эксплуатацией сырьевых ландшафтных ресурсов. Интенсивно вывозятся энергетические ресурсы, лес и полезные ископаемые. Сотрудничество России и Китая на современном историческом этапе не может быть равноправным, поскольку при контактах не равных институций главную роль всегда будет играть более мощная, крупная институция. Не стоит забывать, что у китайцев особый менталитет, особая культура и система ценностей, основанная на учении Конфуция. Каждая цивилизация строится на основе осевого идеала, который включает комплекс образующих систему ценностей и норм цивилизации, составляющих парадигму этой цивилизации. Китайцы прагматичны, трудолюбивы, терпеливы и готовы очень долго работать на конечный результат. Если мы живем десятилетиями, то китайцы живут столетиями. Такое соседство влияет на местные, национальные и региональные образы людей, углубляет эрозию национальной идентичности местного русского населения и приверженности своим ценностям, становым, этническим и национальным началам.

При этом оценка геополитических реалий приамурского фронта должна исходить из наличия высокого уровня политических отношений между РФ и КНР. Хотя именно здесь их геополитические отношения приобрели наиболее сложный характер. В этой связи сохраняет актуальность положение профессора Центрально-европейского университета в Будапеште Альфреда Рибера. Используя компаративистский подход, он заключает, что представление о границе, как о разделительной линии между «дикостью» и «цивилизацией» или как поступательного движения в «пустые земли», превратилось в концепцию границы как зоны взаимодействия, которую вовлечены два или более, ранее замкнутых обществ. Это разнообразные культурные и торговые «пограничные обмены». Для такой зоны контакта, которая была характерна для окраин Российской империи и для периферии Китайской империи, он ввел понятие «пористая граница». Здесь доминирует скорее тенденция к ассимиляции, нежели тен-

денция изгнания или уничтожения населения [24, с. 214]. Пористая граница России с Китаем после распада с СССР вновь приобрела реальные черты. В период Российской и Китайской империй доминировала Россия, теперь доминирует Китай. Вполне понятно, на чьей стороне инициатива ассимиляции.

Действительно современная граница Амурского фронта утрачивает линейный административно-географический рубеж государства. Фронт проявляет себя как явление между «своими» и «другими» с необязательными картографическими линиями границы.

Латентно Китай имеет претензии на Приамурье, поэтому китайские власти ревностно относятся к проблеме территориальной принадлежности Амурской области России. Геополитическая реальность на самом деле состоит в том, что Россия, «выйдя» на Амур в XVIII в., достигла своих «естественных» границ. В такой же степени это относится и к Китаю [26, с. 448-449]. В результате переговоров между Россией и Цинской империей в 1858 г. был подписан Айгунский договор, а в 1860 г. – Пекинский дополнительный договор, которые регулировали территориальные вопросы России с Китаем на Дальнем Востоке. Айгунский договор закрепил за Россией левобережное Приамурье, а Пекинский договор признал право России на Приморье [14, с.74]. Границы, установленные эти договорами, были частично изменены лишь в 2005 г. Китай в последнее время не заявляет официально о территориальных претензиях к России, но его сотрудничество с нашей страной на Дальнем Востоке говорит об ином. Хотя он официально признает границу с Россией по Амуру, но его реальное поведение наводит на мысль, что признание это формальное для выигрыша во времени. Выход Китая в число ведущих мировых держав не снимает наличия у него серьезных социальных проблем развития. По оценкам большинства экспертов рано или поздно Китай окажется перед проблемами демографического, экономического, экологического и сырьевого кризисов. Отсюда возрастает его интерес к территориям Сибири и Дальнего Востока как дополнительной природной базе существования.

Если понимать фронт как буферную территорию между двумя цивилизациями, то надо констатировать, что сейчас Россия в силу недостатка людских ресурсов и слабой экономики в регионе не имеет возможности полноценно осваивать амурские земли. Одна из причин – неравная численность фронтующих групп: изначально значительно меньшая на стороне России. Народонаселение Китая на своих приграничных территориях примыкающих к Приамурью в десятикратном размере превышает русское население на пограничных с Китаем землях Приамурья, находящихся в составе России. Такое состояние Китай в полной мере используется в свою пользу для успешного расширения своего влияния в Приамурье. Выходцы из Китая создают устойчивые гражданские сообщества на территории самой России. Нынешнее китайское руководство нельзя считать враждебным России, но это не может заслонить геополитической констатации наличия пространственных тяготений в сторону российских земель на Дальнем Востоке, осложненных комплексом «исторической несправедливости» [22, с. 98–102].

Все это влияет на развитие взаимовыгодных связей восточной части Большой Сибири, интеграции российского Дальнего Востока с экономикой АТР. Чтобы достичь успеха в этом направлении, справедливо указывает А. А. Сабадаш, необходимо уравновесить уровень развития европейской и азиатской части России. Особенно это касается численности российского населения в регионе [26, с.448-452]. Сибирский фронт должен исчезнуть. Необходимо жесткая политика Российского государства направленная на развитие Дальнего Востока. Иначе возможно окончательное превращение Дальнего Востока в сырьевой придаток северо-восточных провинций Китая, а также ряда префектур Японии и Южной Кореи. А это, в свою очередь, чревато возможностью потери политического и экономического контроля России над всем сибирским фронтиром.

Япония также активизирует попытки использования экономических и политических рычагов с целью отторжения от России островов Южно-Курильской гряды, считая их своими историческими землями. Русские территории, на которые имеет незаконные притязания Япония – это четыре острова Южной Курильской гряды: Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, площадью 5 036 кв. км. [33, с.152,155]. Проблема еще и в том, что Сахалин, Курилы Охотское море и относятся к сибирскому фронтиру, а Япония, к фронтиру американского Дальнего Запада.

Баланс геополитических сил в Северо-Восточной Азии за последние десятилетия изменился. Теперь здесь расположены высокоразвитые экономики мира Китая, Японии и Южной Кореи. В этой тройке с большим отрывом выделяется Китай. На этот регион приходится значительная доля мировой торговли и торговли Соединенных Штатов [16, с.122-130].

Есть и точки сотрудничества важные для Китая и России не только экономически, но и геополитически. С Китаем Россия имеет ряд серьезных общих геополитических интересов. Главный узел геополитических проблем лежит в сфере отношений Россия – Китай – США – Япония. В этой связке противоречий видно, что между Россией и Китаем возможно глубокое геостратегическое сотрудничество на основе общих интересов в регионе, которое противостоит интересам США и Японии. Государственная власть России исходит из необходимости прагматичного сотрудничества с Китаем, с которым на сегодня нет непримиримых противоречий и с которым у нас общий противник.

Огромная Сибирь обеспечивает России большую стратегическую глубину, потеря даже ее части значительно сократит гарантию государственной безопасности. Потенциально существует вероятность, что огромная и богатая природными ресурсами, но малозаселенная российская территория за Уралом из фактора национального могущества страны может превратиться в ее уязвимое место, особенно если соперничество в мире будет преобладать над сотрудничеством и обеспечением систем региональной безопасности [30, с.167]. Если Россия потеряет Сибирь, то она будет испытывать острую нехватку природных ресурсов и превратится в страну их импортера. В этом направлении на первое место выступает необходимость соотнесения положения сибирского фронтира,

его внутреннего потенциала и внешнеполитических перспектив с геополитическим положением и возможностями других государств этого региона, прежде всего Китая, Японии и США.

В наше время не осталось земель для пионерного освоения, которые были в XVIII–XIX веках. Сухопутные земли и значительная часть морских акваторий поделены между государствами. Поэтому считать огромную часть российской территории, пусть пока развитой экономически слабо и заселенной не так как Европа и Азия, фронтиром изначально открытой для освоения другими государствами нельзя. Фронтир – это окно овертона, которое, по сути, открыто для этнической и экономической экспансии соседних и не только соседних стран. Ведь, согласно теории фронта, любая малозаселенная территория должна быть кем-то заселена. Сибирский фронт должен исчезнуть и сделать это должна Россия собственными силами: заселить и развить экономически.

Россия в XXI веке вступила в эпоху новых геополитических напряжений и должна решительно отстаивать свои законные интересы. Только сильная и защищенная Россия, не оставит шансов для сил, вынашивающих планы нового геополитического передела мира и не станет подспорьем новой экономической парадигмы развития Запада и своих восточных соседей, основанной на расточительном использовании природных ресурсов территорий России.

Список литературы и источников

1. Агеев А. Д. Американский фронт и сибирский рубеж как фактор цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт -фактор границы в американской и сибирской истории», 4–6 октября 1996 г. Вып. 2. Томск, 1997. С. 30–36
2. Безруков Л. А., Гагаринова О. В., Кичигина Н. В., Кoryтный Л. М., Фомина Р. А. Водные ресурсы Сибири: состояние, проблемы и возможности использования // География и природные ресурсы. 2014. № 4. С. 30–41.
3. Безруков Л. А. Сибирский холод и экономика России//journal institutional studies (Журнал институциональных исследований). Том 3. 2011. № 1. С. 105–106.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы: М.: Международные отношения, 1998. 254 с.
5. Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география: научная экспликация. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. 663 с.
6. Голубчиков Ю.Н. Российский Север в современной геополитике// Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 125–130.
7. Добрецов Н. Л. Глобальные проблемы физики Земли и геологии // Наука на грани тысячелетий. Вып. 1. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 1997. С. 32–37.

8. Карнацевич И. Энергетические ресурсы климата - одно из главных богатств Сибири // Наука в Сибири. 1992. № 24. С. 5
9. Кобищанов Ю. М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 91-99.
10. Котлобай А., Птичников А. Нелегальные рубки на юге Дальнего Востока России. М.: WWF России, 2002. 20 с.
11. Клименко В. В. Россия: тупик в конце туннеля // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 71–80.
12. Клюев Н. Н. Эколого-географическое положение России и ее регионов. М., 1996. 161 с.
13. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2014. 448 с.
14. Советско-американские отношения в бассейне Тихого океана: прошлое и будущее / под общ. ред. В. П. Чичканова и Дж. Стефана. М.: Прогресс, 1997. 254 с.
15. Лосев К.С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI в. М.: Космо-Информ, 2001. 399 с.
16. Лэйни Д., Шеплен Д. Восточный закат Вашингтона // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 122–137.
17. Незаконные рубки на Дальнем Востоке: мировой спрос на древесину и уничтожение Уссурийской тайги: обзор / под общ. ред. Д. Ю. Смирнова. М.: WWF России, 2013. 39 с.
18. Общие сведения о стране. Географическое положение. Границы Архивная копия от 26 марта 2016 на Wayback Machine // Новая Российская энциклопедия (Россия. Электронный энциклопедический словарь). Вход 12.10.2021.
19. Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. Т. 2. 2013. №1. С. 39–52.
20. Пелипась М.Я. Влияние концепции фронта на формирование внешнеполитической стратегии США в XX в. // Американский и сибирский фронт. Томск, 2001. С. 5–10 .
21. Природа России: Сибирский ФО. www.priroda.ru. Дата обращения 07.10.2021.
22. Приходько Н. Фронтальная теория в геополитике на востоке России // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 98–102.
23. Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Сибирское отделение Российской акад. наук, Объединенный институт истории, филологии и философии, Институт истории. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.
24. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под. ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер,

- А. М. Семенова. Казань: «Центр Исследований Национализма и Империи», 2004. С. 199–222.
25. Романова А. П., Якушенков С. Н., Хлыщева Е. В., Васильев Д. В., Якушенкова Ок. С. [и др.] Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие. Астрахань, 2014. 236 с.
  26. Сабадаш А. А. Амурский вопрос: позиция китайских властей в проблеме пограничного размежевания с Россией в Приамурье в середине XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 448–452.
  27. Син Ш. Некоторые особенности обстановки в АТР // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 93–94.
  28. Соболева С. В. Демографический потенциал Сибири: настоящее и будущее // Человек, труд, занятость. Вып. 1. Новосибирск, 1996. С. 115–124.
  29. Стальное звено Транссиба: 100 лет Красноярской железной дороге. 1899 – 1999. / Красноярск: Книжное издательство, 1998. 464 с.
  30. Мамсуров Т. Особенности региональной безопасности Российской Федерации // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 163–174.
  31. Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / Ф. Дж. Тернер. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
  32. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.
  33. Чугров С. Россия – Япония: несостоявшийся прорыв // Россия в глобальной политике, 2005. Т. 3. № 1. С. 150–160.
  34. Швиденко А.З., Ваганов Е.А., Нильсон С. Биосферная роль лесов на старте третьего тысячелетия, углеродный бюджет и протокол Киото // Сибирский экологический журнал. 2003. № 6. С. 649–658.

УДК 82.09.03

ОТРАЖЕНИЕ ФРОНТИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Лопаткина Роза Станиславовна

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
roza-lopatkina@yandex.ru*

В статье рассмотрено отражение фронта в произведениях советской художественной литературы. Исследуются характерные для данного исторического периода тексты различных литературных жанров. Для анализа взяты произведения известных советских авторов.

Ключевые слова: русская литература, советская литература, фронт, фронтисмен, пограничье, территория, экспедиция, геолог, исследование.

REFLECTION OF THE FRONTIER IN THE FICTION OF THE SOVIET PERIOD

Lopatkina Rosa Stanislavovna
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
roza-lopatkina@yandex.ru

The reflection of the frontier in the works of Soviet fiction is considered. The texts of various literary genres characteristic of this historical period are investigated. The works of famous Soviet authors are taken for analysis.

Keywords: Russian literature, Soviet literature, frontier, frontiersman, frontier, territory, expedition, geologist, research.

В русской литературе прослеживаются давние традиции в изображении фронта как пограничных или окраинных территорий, часто малозаселенных или вовсе безлюдных. Создатели многих литературных произведений сами являются военными, исследователями, путешественниками, которые многие годы своей жизни посвятили освоению малоизученных районов Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера.

Так, в начале XIX века в русской литературе становится популярным сюжет о кавказском пленнике, остававшийся актуальным в течение двух веков. У трех русских классиков, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, есть произведение с одинаковым названием «Кавказский пленник». Такой устойчивый интерес к теме Кавказа и всему, что с ним связано, безусловно, объясняется историей присоединения данного региона к Российской империи.

После вхождения Восточной Грузии в состав государства (1801 г.) в общественном сознании происходит процесс осмысления феномена Кавказа. Русская литература включается в культурное освоение новой территории империи такими известными произведениями как «Путешествие в Арзрум» (1829 г.) А. Пушкина, «Письма из Дагестана» А. Бестужева-Марлинского (1832 г.), «Мцыри» (1838 г.) и «Герой нашего времени» (1840 г.) М. Лермонтова, «Казачьи» (1862 г.) и «Хаджи-Мурат» (1890-е гг.) Л. Толстого.

Кавказ оказался особенно притягательным для читателей. Условный Восток просвещения и классицизма сменил Восток романтизма с его интересом к местному колориту этническим описаниям народов других культур, экзотическим подробностям, увиденным путешественниками [1, с. 180].

Н. В. Гоголь в своей самой известной повести «Тарас Бульба» (1835 г.) воспевает романтику южного пограничья Руси (фронтир как территорию между разными государствами) – Дикое поле, Запорожскую Сечь (будущую Новороссию), где в XV–XVIII вв. и «завелось казачество» [2, с. 3].

В широком понимании фронтир не только граница территории, но и зона особых социальных условий. В строгом смысле фронтир – это зона освоения; точнее, территория, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения [3, с. 76].

Русского прозаика и драматурга Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912 гг.) по праву называют «Певцом Урала» за изображение промышленного освоения

богатых недр этого края в эпоху зарождающегося капитализма в России («Приваловские миллионы» (1883 г.), «Горное гнездо» (1884 г.)). О «золотой лихорадке» на Урале, о жизни уральских старателей его романы «Дикое счастье» (1884 г.) и «Золото» (1892 г.).

Территория фронта порождает или притягивает определенные типы личности, которые в той или иной степени становятся ее отражением, символом. Они превращаются в героев мифов и легенд. О них пишут книги и снимают фильмы. Они олицетворяют это пространство. Каждый фронт рождает свои образы, основанные на тех типах личности, которые являлись наиболее характерными именно для данного фронта [4, с. 67].

Люди фронта (фронтирsmены) в американской литературе – это охотники на Диком Западе, ковбои, старатели; в русской литературе XIX в. – это казаки, офицеры, служащие на Кавказе, торговцы, купцы-предприниматели; в советской литературе фронтный тип личности меняется на охотника-промысловика, ученого-исследователя, геолога-разведчика, геодезиста, топографа, проводника и т. п.

Одними из лучших произведений России среди географической и приключенческой литературы стали и книги В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала» и «В горах Сихотэ-Алиня». Они основаны на событиях исследовательских экспедиций Дальнего Востока 1906–1910 годов, которые были организованы с целью сбора военно-географических и военно-статистических данных на случай войны с Японией, а также колонизационно-экономических и, попутно, естественно-исторических данных.

В конце 1920-х г. властями Советского государства была поставлена задача разведки минеральных ресурсов для развития тяжелой промышленности. Кроме того, экспорт отдельных видов минеральных ресурсов (в первую очередь золота) был одной из важнейших статей дохода страны. Вырученная валюта давала возможность закупать необходимое оборудование и технологии для новых строящихся предприятий. Этими причинами было обусловлено особое внимание советского правительства к развитию геологических изысканий на всем пространстве СССР.

Геологи были в авангарде «освоителей» новых земель – они первыми приходили на место, на котором в зависимости от результатов их поисков в дальнейшем мог вырасти новый индустриальный комплекс. Промышленное освоение новых территорий требовало систематизации имеющихся сведений и сбора новой информации. Дореволюционные масштабы геологических изысканий были весьма скромными, причем Сибирь, Дальний Восток и Север страны оставались практически не исследованными в геологическом отношении. Начиная с 1918 г. и особенно активно после 1925 г. развернулось форсированное геологическое изучение (поиски и разведка полезных ископаемых, геологическая съемка, картирование) территории страны. Снаряжалось большое количество экспедиций, которые помимо решения научных задач, были призваны способствовать достижению геополитических целей, выполняя функцию форпостов власти: они олицетворяли претензии государства на конкретную местность и должны были способствовать усилению влияния новой власти на окраинах государства. В некоторые регионы научные экспедиции направлялись для того, чтобы продемонстрировать притязания СССР на спорные территории.

В 1950–1960-е гг. геологические экспедиции продолжают снаряжаться во все регионы страны. Масштаб геологических работ характеризует тот факт, что к 1950-м годам геологи Советского Союза составляли уже половину геологов всего мира [5].

Такое внимание к геологии не могло не отразиться в литературе. Геолог становится героем публичного дискурса (наряду с космонавтом и летчиком) и превращается в культовую фигуру. За 70 лет Советской власти были написаны и изданы десятки книг о работе различных экспедиций. Впечатления, полученные во время многомесячных скитаний в «глубоких безлюдных местах» [6] огромной страны, становились материалом для ярких, увлекательных историй. Многие ученые, геологи, горные инженеры, геодезисты стали впоследствии знаменитыми писателями.

Вероятно, первым геологом и писателем-фантастом был Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956). Участник многих научных экспедиций в Сибири, исследователь Азии, Монголии, Китая, он специализировался как палеонтолог. Является автором приключенческой книги «В дебрях центральной Азии». Самый известный его научно-фантастический роман «Земля Санникова» (1926 г.) повествует о загадочной земле в далеком Ледовитом океане, где нашло себе приют исчезнувшее племя.

За короткое время были написаны десятки произведений с интригующими названиями о жизни людей одной из самых романтических профессий. Это повести «Геологи идут на Север» (1957 г.), «Геологи продолжают путь» (1958 г.) Иннокентия Галченко о первых экспедициях на Колыму в 1930-х гг. Повесть «Новый перевал» (1951 г.) Юлии Шестаковой о комплексной экспедиции, организованной в 1946 г. Приамурским филиалом Географического общества, научно-популярная книга Дмитрия Щербакова «Предвидение геолога» (1964 г.), приключенческая повесть ученого-естествоиспытателя, писателя-путешественника Виктора Болдырева «Гибель Синего Орла» (1960 г.) о работе биологов в полярной тундре, роман «Плато доктора Черкасова» (1964 г.) Валентины Мухиной-Петринской об исследователях русского Севера и многие др.

Нельзя в перечне художественной литературы по теме фронта не назвать роман Вениамина Каверина «Два капитана» (1940 г.) – культовую книгу нескольких поколений советский людей – о поисках пропавшей экспедиции прошлого и повторении исследовательского подвига.

Литературное творчество начальника геодезической экспедиции Новосибирского аэрогеодезического предприятия Григория Анисимовича Федосеева, посвятившего свою жизнь изучению неисследованных районов Сибири, – это память о буднях советских инженеров-геодезистов, геологов, астрономов, проводников по трудным перевалам и заповедным тропам.

Советской классической прозой стали его книги «Мы идем по Восточному Саяну (Как Сибирь наносится на карту)» (1949 г.), «Смерть меня подождет» (1962 г.), «Злой дух Ямбуя» (1966 г.), «Последний костер» (1968 г.).

В понятие фронта входит еще и столкновение цивилизации, современности с традиционным укладом жизни населения удаленных, окраинных территорий. Часто это коренные народы с самобытной древней культурой и бесценный опыт выживания в трудных природных и климатических условиях, чьи будни сопряжены с ежедневной опасностью.

О необходимости согласия человека с природой и животным миром, о необходимости образования и сохранении традиционного воспитания (*учиться выживать в тайге*) размышляют герои книг Григория Федосеева.

Так, в повести «Злой дух Ямбуя» во время геодезических исследований Алданского нагорья участники экспедиции встречаются с племенем эвенков и близко знакомятся с образом жизни кочевников-оленеводов якутской тайги. Уже советская власть, но они еще верят в духов, уже пользуются плодами цивилизации, но стараются сохранить традиции предков.

Именно проводники из местных жителей, помогавшие работе многих экспедиций и стали связующим звеном между новым и традиционным в судьбе своих народов, стоящих на пороге больших изменений. У В. К. Арсеньева это лесной человек Дерсу Узала – охотник, нанаяц (гольд), всю жизнь проживший в Уссурийской тайге, у Г. А. Федосеева охотник-эвенк Улукиткан – его постоянный спутник и проводник.

Самым эпическим произведением крупной формы и одной из лучших книг данной тематики стал в 1970-е годы роман о золотоискателях одного из *тишущих геологов*, выпускника Московского геологоразведочного института, с характерным названием «Территория». Самое главное в романе Олега Куваева – это люди, характеры, отражение особого уклада жизни, выражение специфического мировоззрения людей Севера.

Таким образом, перечисленные книги советских авторов отражают жизнь на фронтире как приложение знаний, труда и таланта человека-созидателя. Не только борьба за выживание, история незаурядных, исключительных личностей, место столкновения характеров, но и научные открытия, увлеченность профессией, преданность делу, романтика исследований непознанного является в них выражением фронта.

Список литературы и источников

1. Багратион-Мухранели И. Л. Концепт кавказского пленника в русской литературе XIX в. / И.Л. Багратион-Мухранели // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 178-201.
2. Гоголь Н. В. Тарас Бульба [Электронный ресурс] URL: ilibrary.ru.
3. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки современность. 1998. № 5. С. 78–88.
4. Романова А. П. Люди фронта / А. П Романова // Журнал фронтальных исследований. 2016. № 1. С. 67–79.
5. Болотова А. А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР/ А.А. Болотова// Неприкосновенный запас. 2006. № 2. [Электронный ресурс] - magazines.gorky.media
6. Федосеев Г. А. Злой дух Ямбуя [Электронный ресурс]. – [mir-knig.com](http://mir-knig.com/read_237757-1)read_237757-1

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ФРОНТИРА

***Романов Алексей Александрович, магистрант 1 курса
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
office@sfu-kras.ru***

Теория фронта возникла на рубеже XX века в США. Автор теории Ф. Тернер утверждал, что своим развитием Соединенные Штаты обязаны людям, которые в порыве жажды наживы или же из-за нежелания заниматься повседневной рутинной шли на границу американских владений, исследуя новые земли, колонизируя их, принося тем самым прогресс и развитие для своей страны. На протяжении нескольких десятков лет данная теория была популярна в американских научных кругах. Однако, к 1930 гг. XX в. теория Ф. Тернера начала подвергаться критике. Главной причиной неприятия данной теории в исторических кругах являлось отсутствие четкого определения термина «граница». Лишь с течением времени возникло понимание, что под границей в теории фронта может подразумеваться как понятие географическое, так и эмоциональное. Пересекать границу возможно не выходя за пределы территории своего государства и даже дома.

Ключевые слова: фронт, Интернет, Фредерик Тернер.

THE INTERNET AS A SPACE OF THE MODERN FRONTIER

***Romanov Alexei Aleksandrovich, Graduate student of the 1st year
Siberian Federal University Krasnoyarsk, Russia
office@sfu-kras.ru***

Frontier is a theory that emerged at the turn of the XX century in the USA. The author of the theory F. Turner argued that the United States owed its development to people who, in a fit of greed for profit or because of their unwillingness to engage in daily routine, went to the border of American possessions, exploring new lands, colonizing them, thereby bringing progress and development for their country. For several decades, this theory has been popular in American scientific circles. However, by the thirties of the twentieth century, the theory of F. Turner began to be criticized. The main reason for the rejection of this theory in historical circles was the lack of a clear definition of the term "border". Only with the passage of time did it become clear that the frontier in frontier theory could mean both geographical and emotional concepts. It is possible to "cross the border" without leaving the territory of your state and even at home.

Key words: frontier, the Internet, Frederick Turner.

С появлением всеобщего доступа к сети Интернет теория Ф. Тернера приобрела еще большую актуальность. Виртуальное пространство позволило

людям объединяться по интересам, невзирая на географическое положение. Отсутствие у государств возможности полностью взять под контроль виртуальное пространство способствовало появлению сообществ, чьи интересы выходят за пределы политических интересов различных стран. Данный факт позволяет говорить о том, что институт государства начал терять монополию влияния на умы населения, что способствовало появлению людей, «уходящих за границу». Однако граница в данных случаях является понятием абстрактным, означающим выход за рамки привычного мышления. Если до появления в широких кругах сети Интернет, любое государство могло с легкостью избавиться от людей, которые «перешли» границу, то на данный момент это не всегда является возможным, потому что люди, культивирующие переход масс за границу привычного мышления зачастую находятся вне пределов доступа государственных институтов. Данная ситуация означает появление необходимости многих ведомств государства также переходить в виртуальное пространство, защищая свою границу.

Ярким примером пересечения границы в Интернете является агитация экстремистских сообществ. По данным Федерального агентства по делам национальностей, 80 % боевиков из Российской Федерации в рядах ИГИЛ (запрещенная в России организация) были завербованы через Интернет. По данным ФСБ, вербовке подвергаются не только жители регионов Кавказа, который традиционно является полигоном вербовки боевиков для террористических организаций, а также жители мусульманских республик Поволжья, в которых экстремистские настроения в массах остаются непопулярными. По сути, можно наблюдать факт смещения границы, который в своей теории описывал Ф. Тернер. Экстремисты, находящиеся в тысячах километрах от государственной границы РФ, распространяют свои радикальные взгляды на жителей государства по аналогии с колонистами, которые приносят свое видение мира на неизведанные территории. Только в отличие от XVIII–XIX веков и более ранних колониальных экспедиций, сейчас не требуется снаряжать команду для дальнего похода, экспансия, при должном умении воздействия на людей, возможна через Интернет, который на данный момент не всегда может контролироваться компетентными органами.

К политическим примерам пересечения фронта в Интернете может относиться идеологическая экспансия одних государств в отношении других, как правило, более мелких. В 2011 г. в арабских странах произошла серия революций, закончившаяся кровавыми гражданскими войнами в данном регионе. На сегодняшний день в политических, социологических и исторических кругах пришли к выводу, что огромную роль в осуществлении революций в арабских странах сыграли соцсети, в которых из-за рубежа разжигались протестные настроения [1]. Таким образом, события десятилетней давности служат ярким примером теории фронта, если подразумевать под ней идеологическую и культурную экспансию. Страны Запада осуществили переход границы, не входя на территорию арабских государств. После событий Арабской весны Интернет стал полноценным орудием для осуществления экспансии в руках крупных

политических игроков. Можно вспомнить события на Украине в 2013–2014 гг., когда США и РФ оказывали влияние на противоборствующие силы, что в итоге закончилось кровопролитием, можно вспомнить протестное движение в нашей стране, идеологически подогреваемое иностранными СМИ, прошлогодние события в Белоруссии также подогревались из-за рубежа. Все вышеперечисленные примеры можно отнести к теории границы, если понимать ее в идеологическом и политическом контексте.

Вне политики развитие Интернета также оказывает огромное влияние на смещение границы. Одним из трендов века Интернета является стирание границ для сотрудника и работодателя. Теперь необязательно ходить на работу в офис, который расположен по определенному адресу, когда можно работать в крупнейших компаниях, не выходя из дома.

По данным Росстата, в России за последние два года более чем в два раза выросло число фрилансеров [2]. По общему же количеству людей, работающих, не выходя из дома, наша страна уступает лишь США. Данная тенденция говорит о том, что для того, чтобы кооперироваться с людьми для заработка, необязательно находиться в одном помещении и даже в одной стране. Факт популярности фриланса может говорить о том, что теория фронта относительно Интернета в последние годы приобретает все большую актуальность. Люди, которых не устраивает рынок труда по месту жительства стремятся найти предложение за пределами своего города или своей страны. Интернет же позволяет пересекать границу, не выходя из своего дома.

В последнее десятилетие границы сместились в области валютно-денежных отношений. В 2021 г. нет ничего удивительного в том, что огромное количество людей производит денежные операции в криптовалюте, самой популярной из которых, является биткойн. Возможность быстро и анонимно переводить денежные средства без посредников, привлекла огромное количество Интернет-пользователей, относящихся к разным слоям общества.

Наибольшую популярность криптовалюта приобрела в кругах людей, занимающихся нелегальной деятельностью. Дело в том, что при электронных переводах денежных средств через банковские учреждения, банки выступают в роли посредника, которому известны личные данные, как адресанта перевода, так и адресата. Криптовалюта же позволяет переводить и хранить огромные суммы, сохраняя анонимность. МВД России обеспокоено возросшей активностью мошенников, которые используют криптовалюту для преступной деятельности, поэтому в нашей стране принимается ряд мер, которые позволили бы снизить уровень доверия среди населения к использованию криптовалют [3].

Повышенный интерес преступников к использованию криптовалюты, а также возросшее внимание к ней со стороны государства позволяет говорить о том, что данная денежная единица является инструментом для преодоления границы в руках различных слоев населения как преступников, так и обывателей. Ведь доступность личных данных для официальных средств перевода и хранения денег ограничивает человека в проведении различных финансовых

операций, будь то покупка запретных веществ через даркнет или же приобретение легальных, но способных вызвать чувство стыда, вещей.

Появление криптовалюты привело к тому, что в современном мире практически повторился классический пример теории фронта, а именно золотая лихорадка. Если в конце XIX в. люди со всех стран Европы стремились уехать в неизведанные части Америки ради быстрого обогащения и решения своих проблем, то на сегодняшний день некоторые категории людей стремятся к обогащению с помощью нового вида валюты. Человек с целью быстрого обогащения тратит свои сбережения на покупку компьютерных комплектующих, с помощью которых идет фарм криптовалюты. Новая золотая лихорадка, как и в XIX в. привела к переизбытку желающих быстро разбогатеть, что породило огромное количество случаев, когда майнер не мог окупить свои затраты на покупку оборудования или же вовсе банкротился. Однако множество людей, вложившихся в криптовалюту, смогли в короткие сроки разбогатеть, что в соответствии с теорией Ф. Тернера, породило новый класс или же новую ментальность людей, которые пересекли границу.

Пандемия коронавируса также внесла свои коррективы в смещение границ в сети Интернет. Из-за введенных ограничений в 2020 г. практически все образовательные учреждения России ушли на дистанционное обучение. Современные Интернет-сервисы позволили обеспечить школьникам и студентам образовательные услуги практически в тех же объемах, в каких проходит обучение очно.

Данный факт стирает территориальные границы не только в масштабе города, но и в масштабах регионов и даже государств. Студенты получили возможность присутствовать на занятии, которое проводится за сотни километров. В связи с данным фактом, в последний год все чаще идут разговоры о том, что в будущем все образование может перейти в дистанционный формат. Несмотря на то, что полный переход на дистант на данный момент лишь является объектом обсуждения, можно предположить, какие последствия это повлечет за собой. Помимо стирания географической границы, переход на дистанционное образование может отодвинуть в прошлое такое понятие, как коллектив. Устойчивая группа с межличностными отношениями вряд ли возможна в условиях Интернета. Поэтому факт потенциального полного перехода на дистанционное обучение приведет не только к возможности получать образование в лучших учебных заведениях, не выходя из квартиры, т. е. не пересекая географическую границу, но и к стиранию коллективного взаимодействия внутри класса или группы.

Рассматривая данный факт в контексте Теории границы, можно прийти к выводу, что соответствие мнению Ф. Тернера, стирание границ в обучении, помимо положительных последствий, может вести и к отрицательным. Ведь в оригинальной концепции для развития общества нужно пересекать границу и искать новые «места под солнцем», дистанционное образование способствует обратному процессу – замыканию человека в границах своей собственной квартиры, что ведет к потере взаимодействия со сверстниками, а также потере воз-

возможности живого общения с преподавателями, которые дистанционно не смогут передать студенту свои навыки и знания в полном объеме.

Исследовав примеры проявления теории границы в Интернет-пространстве, можно прийти к следующим выводам: во-первых, анонимность Интернета и возможность любого человека высказать свое мнение, может напрямую влиять на общественную и политическую жизнь в реальном мире. Во-вторых, стирание пространственных границ, происходящее в Интернете, напрямую влияет на процесс получения образования, делая его более доступным, однако, в большинстве случаев, менее качественным. В-третьих, в интернете сместилась граница в сфере труда. Те профессии, которые раньше подразумевали обязательное нахождение в офисе, благодаря развитию технологий, могут реализовываться дистанционно. В-четвертых, Интернет сместил границу в области финансов. Помимо онлайн-переводов в привычной валюте, появилась возможность пользоваться платежными средствами, не привязанным ни к одному банку, что позволяет совершать анонимные транзакции, что может быть использовано как для легальных, так и для нелегальных целей.

Выводы, сделанные в ходе исследования, позволяют говорить о том, что интернет может являться пространством для современного фронта. Отличием от стандартной теории конца XIX века является лишь то, что границы, которые пересекают люди в поисках пространства для жизни, заработка и удовлетворения своих потребностей сместились в Интернет, который является неотъемлемой частью современного общества.

Список литературы и источников

1. Желтов В. В., Желтов М. В. Интернет, протестные движения и арабская весна. Владивосток; Изд-во ВГУЭС, 2014. С. 189–204.
2. https://www.gks.ru/bgd/free/B00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/I000040R.HTM
3. Долгиева М. М. Практические основы противодействия преступлениям в сфере оборота криптовалюты // Вестник экономики, права и социологии, 2018. №3.

СЕКЦИЯ 2. ФРОНТИР КАК ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА

УДК 94(510:520)

СОВЕТСКИЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАЧАЛЕ АНТИЯПОНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ⁷⁰

***Дацышен Владимир Григорьевич
Институт востоковедения РАН, Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия
office@sfu-kras.ru***

Работа посвящена проблемам истории антияпонского сопротивления на территории провинции Цзилинь на начальном этапе японской агрессии в Северо-Восточном Китае. Специфика событий определялась приграничным с Советским Союзом положением данного района. Проблемы истории приграничных с СССР районов Китая в силу комплекса факторов слабо изучены в российской науке и мало известны общественности. Однако в силу того, что события в приграничье напрямую затрагивали интересы Советского государства, советские спецслужбы и партийно-государственные структуры проявляли к ним особый интерес. Таким образом, в фондах российских архивов отложились документы, отражающие антияпонское сопротивление в провинции Цзилинь.

Ключевые слова: антияпонское сопротивление, советско-китайская граница, 1932 г., сообщения Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю.

SOVIET ARCHIVAL MATERIALS ON THE BEGINNING OF ANTI-JAPANESE RESISTANCE IN THE BORDER AREAS OF JILIN PROVINCE .

***Datsyshen Vladimir Grigorievich.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
office@sfu-kras.ru***

This work is devoted to the history of anti-Japanese resistance on the territory of Jilin province at the initial stage of Japanese aggression in the North-Eastern China. Specificity of the events was determined by the position of this region bordering with the Soviet Union. Problems of the history of the areas bordering on the USSR, owing to a complex of factors, are poorly studied in Russian science and little known to the public. However, the events near the border were in the interest of the Soviet state. Because of that, the Soviet security services and party-state structures were

---

⁷⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (грант № 19-18-00017).

very interested in these problems. Thus, the fonds of Russian archives contain documents that reflect the anti-Japanese resistance in the Jilin Province.

Key words: anti-Japanese resistance, Soviet-Chinese border, 1932, reports of Plenipotentiary Representation of OGPU in East-Siberian territory.

Японская агрессия в Северо-Восточном Китае началась с так называемого Мукденского инцидента 18 сентября 1931 года. 2 января 1932 г. японские войска захватили Цзиньчжоу, куда эвакуировалось бывшее Мукденское правительство, тем самым прекратив существование прежней гоминьдановской власти на территории Северо-Востока. В начале 1932 г. почти вся территория Северо-Восточного Китая оказалась под властью японцев. Лишь на границе с Советским Союзом сохранилась власть китайских генералов, сохранявших своеобразный нейтралитет в японо-китайском конфликте. Китайские войска в провинции Цзилинь, не признавшие японскую власть, стали называться старо-гиринцами, в отличие сторонников японской власти, названных ново-гиринцами. Бывший командующий китайскими войсками в провинции Цзилинь Си Ця стал министром финансов Маньчжоу-го. Генералы Дин Чао и Ли Ду создали на основе охранных железнодорожных войск «Армию самообороны Гирина», начавшую борьбу с оккупантами. Японским войскам потребовался целый месяц (с 5 января по 6 февраля 1932 г.) для захвата города Харбин, защищаемого старо-гиринцами. После поражения китайские войска отступили на восток и вниз по реке Сунгари, к границе Советского Союза. В начале 1932 г. в Цзилине появляется новый лидер антияпонского сопротивления. Им стал бывший командир 3-го батальона 7-го полка 3-й бригады Гиринской армии Ван Дэлинь, который объявил о создании «Народной национальной армии спасения».

События в провинции Цзилинь нашли отражения в сообщениях находившего в Иркутске Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю (ПП ОГПУ по ВСК). Эти сообщения были предназначены для высшего партийного и советского руководства сибирских регионов. В архивных фондах также отложились материалы Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине. Основу содержания этих сообщений составляли материалы из выходивших в Северо-Восточном Китае в 1932 г. различных газет.

В советских документах была представлена картина начавшегося весной 1932 г. масштабного сопротивления агрессорам в приграничных районах Северо-Восточного Китая. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 5 апреля говорилось: «Начиная с 31-го марта в районе Тунбина северо-восточнее Имяньпо происходят бои Японских войск, ново-гиринцев с одной стороны со старо-гиринцами и партизанами с другой. Потери японских войск достигают четырехста человек, на станции Уцзимихе учрежден лазарет, куда ежедневно прибывают раненые. Пять самолетов ежедневно отправляются из Уцзимихе для бомбардировки противника. 2 апреля вечером партизаны разобрали путь КВЖД на 1225 километре на перегоне Ханшин, Хайлин, что вызвало крушение Японского бронепоезда, три платформы сошли с рельс, человеческих жертв не было. Одновременно по-

езд был обстрелян партизанами с обеих сторон полотна. Выехавший из Хандаохецзы рабочий поезд был вынужден вернуться, ввиду сильного обстрела на месте крушения. В связи с этим движение всех поездов на участке Хандаохецзы – Муданцзян было временно приостановлено. Сегодня партизаны отцепили прибывший рабочий поезд, очистив путь, движение восстановили. В Уцзимихе, Имяньпо наблюдается скопление значительных частей старо-гиринцев, перешедших под контроль японского командования, которое эшелонами отправляет их в Харбин. В японских кругах указывают, что с Динчао достигнута полная договоренность, генерал Лиду также склоняется к соглашению. Нынешнее выступление старо-гиринцев возглавляется полковником Вын, бывшим начальником конвойного полка Чжанцзочана. По сведениям прессы, штаб Дивизии из Уцзимихе будет переведен в Лунзин, при чем намечается поход в Сансин. В японских кругах слухи о походе в Сансин опровергаются. Участок Муданцзян Имяньпо наводнен отрядами хунхузов, нападающих на поселки, станции КВЖД. Отряд хунхузов до трех тысяч человек при двух пулеметах, оттеснил охранные войска на станцию Шицзаохецзы, захватил поселок, поджег с двух сторон, забрал в плен триста китайцев. Огнем уничтожено более трех тысяч домов. При перестрелке случайно пострадали двое детей Совграждан...» [1, л. 86].

Картина событий дополнялась другим сообщением ПП ОГПУ по ВСК: «Харбин 5 – Бой Японских войск со старо-гиринцами, также с партизанскими частями в районе Фанчжена по тракту на Сансин... продолжается. По сообщению Харбинской «Дуншенбао» направившийся в Тяншин Японский аэроплан был сбит Старо-Гиринцами частями» ...» [1, л. 129]. В апреле 1932 г. антияпонским войскам удалось сохранить за собой значительную часть территории Цзилинь. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 5 апреля говорилось: «Весь район по Восточной линии КВЖД от станции Шинцзаухецзы до Пограничной находится в руках старо-гиринцев» ...» [1, л. 126].

В конце апреля 1932 г. ПП ОГПУ по ВСК вновь сообщало о боях в провинции Цзилинь: «24 Апреля 1932 г. Положение на Восточном участке: весь район Пограничной до Имяньпо занят старо-гиринцами – войсками Ванделина, Люкуайтуй... С ново-гиринцами, при участии японцев происходят постоянные бои, старо-гиринцами на этот участок брошены силы, имеется артиллерия, бронепоезд. Железнодорожное движение с Харбином прервано... В район Кандо прибыло около двух тысяч Японских солдат, пехоты, кавалерии, артиллерии, кроме охраны ведут бои с мелкими отрядами Ванделина в большинстве случаев неся потери» ...» [1, л. 125].

К лету 1932 г. японским войскам не удалось подавить китайское сопротивление. Наоборот в конце мая старо-гиринцы перешли в наступление. В материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине говорилось: «28/V – ночью 3000 солдат Яна внезапно повели наступление на Ачэн, оборонявшийся ново-гиринскими охранными войсками. Ново-гиринские войска оказали упорное сопротивление и отбили атаку. Однако, ночью 29/V старо-гиринцы вторично пошли в атаку. В это время боеприпасы ново-

гиринцев иссякли. Старо-гиринцы, воспользовавшись благоприятным случаем...» [2, л. 19 об]. В середине июня ситуация повторилась, прояпонские газеты сообщали: «Некий военный орган в Харбине получил донесение из А-чэна о том, что вокруг А-чэна, радиусом в 15-20 ли, расположились крупные старо-гиринские части, которые выжидают благоприятный момент для атаки» [2, л. 32 об].

В материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине от 1 июня 1932 г. со ссылкой на газету Южно-Маньчжурской железной дороги «Маньчжурия Дэйли Ньюс» говорилось: «Силы Ван Дэ-линя в настоящее время достигают огромных размеров, так как в последнее время к ним присоединились отряды «больших мечей» и «красных пик» в районе «Дунхуа». К Ван Дэ-линю примкнул также майор Лью с отрядом в 3000 человек и 100 корейских повстанцев, майор Лью проявляет в настоящее время активность в уезде Ми-шань, выступая совместно с частями Дин-чао, Ли-ду и Цзин-тяня. Повстанцы утверждают, что, когда их силы достигнут 20.000 человек, они разрушат все водокачки и телеграфные провода на восточном участке КВЖД» [2, л. 15 об].

В документах советских спецслужб отражается сложная и противоречивая картина событий лета 1932 г.: «...Находящиеся Уцзимихэ красные пики выразили готовность подчиниться Мачжуго. Для переговоров отправились в Японскую часть, которая 25 июля подверглась вероломному обстрелу. Происходит ожесточенный бой и потери красных пик огромные, из японцев 1 убит... 24 июля япотряд в районе Шиваньху нанес большой урон многочисленному отряду мятежников. Япчасть в районе Ваньчжэнзаны нанесла громадный урон группе мятежников, имевший несколько бомбометов. Сегодня в Шияго-дия почтовые учреждения, перешедшие в ведение Манчжуго, работают нормально...» [1, л. 89]. В сообщении ПП ОГПУ ВСК от 22 июля со ссылкой на харбинские газеты говорилось: «Сообщают, что в результате самовольных действий старогириинцев занявших Ханьдаохецзы произошло большое крушение двух воинских эшелонов, шедших навстречу друг другу... Администрация станции доносит, что хунхузы не дают послать вспомогательный поезд на место крушения, Японская часть 8/VII около Дун-Хуа имела жестокий бой с отрядом личной гвардии Ма 1000 чел. Подробных данных о потерях противника нет, они огромны. Японцы потеряли 10 убитых, 40 раненых. 7/VII в районе Ке-Шаня Япчасти разбили мятежный отряд 300 чел., бежавшие оставили 50 трупов» [1, л. 92–93].

Собранные советскими дипломатами в Харбине и спецслужбами по Восточной Сибири материалы свидетельствовали о массовой борьбе различных слоев китайского населения против японцев. В Материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине от 1 июня 1932 г. со ссылкой на газету «Маньчжурия Дэйли Ньюс» говорилось: «Хунхузы, уведшие 3-х японцев из конторы Дахушаньских рудников, в настоящее время находятся в Да-гу-ся, в 20-ти ли от Шан-ши-цзяо-цзы, к югу от Дахушаня... Хунхузы под-

чинены Чан-шэну и Го-туну, которые, в свою очередь, подчиняются бандитскому главарю Пэй-го» [2, л. 15 об].

В сообщении ОГПУ под заголовком «Обзор харбинской прессы за 12/VI» говорилось: ««Харбинское время». В участке «Имяньпо-Хандаозецзы продолжается разгул бандитизма шаек япон. командования в июле отравило со ст. Имян броневик, впереди броневика шли 2 бронедрезины, бандиты бывшие из Гаолинцзы пустили на встречу 2 груженных углем американских вагона, вагоны наскочили на первую дрезину и разбили ее в щепы, убиты 2 шофера. В перегоне Шитоухецзы – Яблонная разобран путь...» [1, л. 93].

В материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине от 5 августа говорилось: ««Маньчжурия Дэйли Ньюс» сообщает, что Ван Дэлин организовал в своей базе в Дун-нине (Нингута) арсенал, наняв около 300 русских инженеров и рабочих. В настоящее время они заняты производством русских винтовок и патронов, используя в качестве рабочей силы 300 маньчжур» [3, л. 3].

В передаваемых советскими спецслужбами сообщениях харбинской прессы указывалось, что советские служащие на КВЖД симпатизировали антияпонскому сопротивлению в провинции Цзилинь. В документах отмечалось: «Сообщается о... действиях ревизора движения восточной линии Белоколенова и Начальника станции Ханьдао-хэцзы Иванова, чинящих препятствия самоохране, в то же время благосклонно смотрящих на появление на линии дороги хунхузлов. Белоколенов ревизором движения был назначен секретарем Харбинского Совконсульства недавно ездившим на Восточную линию с целью ориентировки положения. Характерно, в момент поездки секретаря нападений на линию не было» [1, л. 106]. Харбинские газеты сообщали и об участии русских служащих КВЖД в борьбе с японской агрессией. Например, в июне 1932 г. были арестованы несколько молодых русских служащих по обвинению в организации крушения японского эшелона [1, л. 117].

Война против японцев шла в приграничных районах с СССР, не случайно в регионе ходили слухи о якобы идущей со стороны СССР помощи войскам Ван Дэлиня. В материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине от 13 июня 1932 г. опубликована выдержка из японской газеты на китайском языке газеты «Шэнцзин шибао»: «Владивостокский комитет по военным делам решил оказывать тайную помощь Ван Дэ-линю, установив связь между ним и отрядами деморализованных войск и коммунистов, рассеянных в районах Янь-бяня и Хун-чуня, после чего активно повести антияпонскую кампанию. Одновременно комитет решил поднять волнения в Янь-бяне, используя их для большевизации края. В середине мая комитет для Ван Дэ-линю согласие на изготовление во Владивостоке оружия и боеприпасов, из которых Вану уже переданы 3 пулемета и 200 шт. 5-ти зарядных винтовок» [2, л. 3 об].

Советская сторона с самого начала 1932 г. констатировала участие китайских коммунистов в антияпонской борьбе. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от

29 февраля 1932 г. говорилось: «неизвестными распространялись коммунистические листовки с призывом бойкотировать новое правительство» [4, л. 15].

В марте 1932 г. в сообщении ПП ОГПУ по ВСК говорилось: «Северо-Маньчжурский комитет Китайской компартии опубликовал воззвание к трудящимся Маньчжурии в связи с полугодием оккупации, в котором говорится – «...Компартия призывает рабочих, крестьян, солдат подняться с оружием для изгнания из Маньчжурии Японского империализма, для уничтожения независимого правительства, для ликвидации остатков правительства Чжан-Сюэ-Ляна, создать Советское правительство» [1, л. 131]. Из передаваемых ОГПУ материалов и в дальнейшем следовало, что китайские коммунисты были в числе организаторов антияпонской борьбы в Цзилине: «по слухам «Северо-Маньчжурская коммунистическая партия» организовала в районе Ханьдаохэцзы и Хайлин коммунистический отряд 1000 человек готовящихся нести дезорганизационную работу в тылу Японских войск» [1, л. 112].

Несмотря на неравенство сил, «старогирицы» имели военные успехи. В материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине от 31 августа говорилось: «Вся территория уезда Юйшу занята отрядами «пикачей». Местные жители принуждаются вступать в братство красной пики и затем используются главарями мятежников Фын Чжан-хаем и Гун-Чан-хаем. Численность их отрядов превышает 400 чел. Они располагаются в районе Саньхэтуня, что лежит к югу от Учана в углу слияния Лалинхэ и Худинхэ, и в район Чжучихэ. Город Юйшу 27-го Августа занят отрядом больших мечей» [3, л. 36]. В сообщении Особого отдела полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю от 5 октября 1932 г. говорилось: «Чан-Чуньская газета сообщает: «По подсчетам некоего учреждения в пограничном с Кореей районе в августе 140 бандитских выступлений с участием 7200 человек, уведено в плен 188, убито 55». В киткругах считают цифры значительно преуменьшенными. По сообщению Дабэйсины положение Шуан-Ченпу Южлинии критическое вокруг города снова свыше 200 бандитов и 5 красных пик» [1, л. 79].

В течение декабря 1932 г. японские войска провели подготовку для генерального наступления на силы сопротивления, возглавляемые генералами Дин Чао, Ли Ду, Лю Венкуем, Ван Дэлинем и другими, оперировавшими в Цзилинь. В начале января 1933 г. подразделения 10 и 14 японских дивизий при поддержке кавалерии, бронепоезда, авиации нанесли удар по повстанческим силам. Ряд генералов, в том числе Гуань Цинлу и Дин Чао, предпочли пойти на переговоры с японцами и решить вопрос о почетной сдаче в плен. 5 января 1933 г. части 10 японской дивизии без боя заняли Пограничную.

Лишь генералы Ли Ду и Ван Дэлинь и несколько более мелких военачальников продолжили борьбу. Согласно донесениям светской разведки: «Войска Лю-Вен-Куя отступают в беспорядке, разбрасываясь по селам, производят ограбления, от которых крестьяне убегают в глубокие села. Войска Ли-Ду отступают в Хулин. Два полка Ван-Де-Лина и Пи-Кай-Чи сосредоточились на ст. Бадахедзе, подготавливаются к бою. Отдельные мелкие группы войск Ван-Де-Лина уходят в направлении Санчагоу и к северу от железной дороги. Охрана

туннеля ушла в разные стороны. 2 января в 5-6 километрах западнее Личучженя произошел бой между японцами и войсками Лю-Вен-Куя. Последние отступили в Циняньчжень с намерением двигаться в Мишань. Ли-Ду, опасаясь приближения Лю-Вен-Куя выбросили из Мишаня части 9-й бригады с целью заставить Лю прекратить отступление» [5, л. 13]; «3 января... Одновременно с отправкой отряда в Пограничную, Ван выбросил из Санчагоу 200 штыков с бомбометами... в Мишане заметна паника, тамошние части готовятся к отступлению в Хулин. Совконсул Пограничной Егоров получил от японского командования уведомление об отсутствии агрессивных намерений против Советского Союза... Местный генерал Лю-Му-Фы 1-го января командировал группу офицеров на прииски Тайпиньгоу, с целью собрать все имеющееся там золото и вывести огнеприпасы и войска в Любей» [5, л. 114].

Наиболее яростное сопротивление японцам оказали подразделения Ван Дэлиня. На протяжении 9–10 января его части вели бои с японцами в районе перевала Ваньлугоу и города Саньчагоу, на границе с советским Приморьем. В этом районе Ван Дэлинь сосредоточил части четырех своих бригад общей численностью до 5 тысяч бойцов при 10 орудиях и 15–20 пулеметах [5, л. 65]. Против его войск японцы бросили пехотный полк, два эскадрона кавалерии при шести орудиях, десяти автомашинах и два танка [6, л. 15].

В сообщении Полномочного представительства ОГПУ в Восточно-Сибирском крае говорилось: «Засадой частей Ван-Де-Лина в 35 клм от Санчагоу в местности Ванлунгоу 9 января в 17 часов первое наступление японцев было отбито, причем Ван-Де-Лином захвачено 30 человек японцев, остальные отступили в направлении Пограничной. 10 января в 12 часов японцам вторичным наступлением удалось прорваться через засаду... Китчасти Ван-Де-Лина в количестве шестьсот штыков сосредоточились в непосредственной близости от границы в 3 клм. от Санчагоу. Японские части, подтянув свои силы при поддержке трех бронемашин заняли селение Тахуер (15 клм. северо-западнее Санчагоу) [1, л. 44]. Однако после полудня 10 января японская конница обошла с востока позиции Ван Дэлиня на перевале Ваньлугоу, вышла в долину р. Суйфун. В сообщении ПП ОГПУ отмечалось: «Среди частей Ван-Де-Лина отмечается паника, части отступают на юго-запад от Санчагоу, и незначительные силы, оставшиеся в городе занялись грабежом [1, л. 44]. К 18 часам японцы заняли город Саньчагоу и захватили в плен до 200 китайских солдат.

Советская разведка внимательно следила за военными событиями на границе с Приморьем. Благодаря сохранившимся в иркутском архиве документам ОГПУ можно частично восстановить ход событиям в Маньчжурии. В январе сообщалось: «Войска Ли-Ду отступают в Хулин... Ли-Ду, опасаясь приближения Лю-Вен-Куя выбросили из Мишаня части 9-й бригады с целью заставить Лю прекратить отступление» [5, л. 13]. В сообщении от 11 января говорилось: «Положение в Мишани и его районе без перемен. Из Пограничной японские части в большинстве сняты, осталась одна рота и эскадрон. Основные силы брошены в Санчагоу. Командир бригады Гуань и его солдаты арестованы японцами и 9 января с конвоем направлены в Чаньчунь» [1, л. 44].

Развязка в противостоянии наступила 9–10 января 1933 г. 9 января в 14 часов японский отряд атаковал г. Хулинь, в котором разместились генерал Ли

Ли Ду и штаб его армии. После слабой попытки оказать сопротивление китайцы «общей численностью 156 человек в составе 33 офицеров, в том числе Ли Ду со своим штабом, 96 унтер-офицеров и рядовых и 27 членов семей» под давлением японцев перешли на советскую территорию и сдали оружие [5, л. 64]. Армия Ван Дэлиня так же начала переход на советскую территорию. В сообщении Полномочное представительство (ПП) ОГПУ в Восточно-Сибирском крае говорилось: «Ван-Де-Лину со штабом по выходе из боя удалось прорваться на нашу территорию на участке заставы Полтавка. Отступающие части Ван-Де-Лина, двинувшиеся на юг от Санчагоу, также имеют целью прорваться на нашу территорию» [1, л. 44].

С переходом войск Ли Ду и Ван Дэлиня на советскую территорию сопротивление японским агрессорам в приграничных районах провинции Цзилинь не прекратилось. В материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине за февраль 1933 г. говорилось: «1/II К востоку от Харбина, в Хуаншаньцзуйцы, появилось 200 бандитов. Высланы япономаньчжурские войска... 2/II На востлинии возле Самохвалово потерпел крушение товарный поезд вследствие разрушения пути бандитами.... В уезде Бинсян, в районе Мяо-лина, оперирует 14 банд, численностью от 20 до 200 человек каждая... 5/II Восстание в 3-м взводе 1-й роты 4-го батальона отряда особого назначения в Чинхэ (пригород Харбина)... Нападение на запокрестности ст. Пограничной. Увезено в плен 11 человек... Бой в Тайпиншане, в районе Чанчуня между япоотрядом и восставшей самообороной... 7/II Анти-маньчжурские войска Дэн Те-мэйя и Лью Тун-сяня атаковали район Таншаньчэна в уезде Аньдун... 10/II Анти-маньчжурские войска Ван Фын-гэ атаковали и заняли уездный город Фусун...» [7, л. 42-Об-43]. Вообще, согласно этим материалам, в Северо-Восточном Китае, и в первую очередь в провинции Цзилинь, фиксировалось по несколько боев восставших против японских агрессоров и их союзников.

После ухода в СССР в начале 1932 г. армий Ли Ду и Ван Дэлиня антияпонское сопротивление в провинции Цзилинь ослабло, изменился его характер. Вследствие этого изменилась военно-политическая ситуация на советско-маньчжурской границе, что повлияло и на содержание и характер советских документов, отражающих антияпонское сопротивление в Маньчжурии.

Список источников и литературы

1. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198
2. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1012.
3. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011
4. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а.
5. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 394.
6. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 533. Л. 15.
7. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1021.
8. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. 327 с.

9. Дацышен В. Г. Интернированные, депортированные и военнопленные: неизвестные страницы истории китайской миграции в России // Восток (Oriens). 2010. №4. С.45–58.
10. Лю Юн-ань. К истории партизанского движения на Северо-Востоке Китая в 1931–1945 г. // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 85–95.
11. Мировицкая Р. А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (1920–1930-е г.). Москва: Наука, 1990. 234 с.
12. Силонов С. М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 199 с.
13. Федоров Н. Героическая борьба манчжурских партизан // Оккупация Манчжурии и борьба китайского народа / под ред. Г. Войтинского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 108–121.

УДК 94 (571)

КИТАЙСКИЕ И КОРЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ НА ЧЕРНОГОРСКИХ УГОЛЬНЫХ КОПЯХ В 1930-Е ГГ.

***Кискидосова Татьяна Александровна
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, Абакан, Россия,
tak_74@mail.ru***

Статья посвящена повседневной жизни интернированных китайцев и корейцев, оказавшихся в 1930-е гг. на Черногорских угольных копях. Основное внимание уделяется проблеме материально-бытового и культурного обслуживания рабочих на руднике. Недостатки материально-бытового обеспечения интернированных вызывало недовольства с их стороны и негативно сказывалось на производительности труда. Проведение культурно-массовой работы и вовлечение иностранцев в общественную жизнь рудника помогало им постепенно адаптироваться к суровым и необычным для них условиям.

Ключевые слова: Хакасия, Черногорские угольные копи, рабочие, шахта, китайцы, корейцы

CHINESE AND KOREAN WORKERS AT THE CHERNOGORSK COAL MINES IN THE 1930S.

***Kiskidosova Tatiana Alexandrovna
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia
tak_74@mail.ru***

The article is devoted to the daily life of interned Chinese and Koreans who found themselves in the Chernogorsk coal mines in the 1930s. The main attention is

paid to the problem of material, household and cultural services of workers at the mine. The lack of material and household support for internees caused dissatisfaction on their part and negatively affected labor productivity. Carrying out cultural and mass work and involving foreigners in the social life of the mine helped them gradually adapt to harsh and unusual conditions for them.

Key words: Khakassia, Chernogorsk coal mines, workers, mine, Chinese, Koreans

История интернированных в Сибирь китайских армий и гражданских лиц, длительное время проживавших в Сибири, а также бывших китайских солдат изучена в ряде работ сибирских ученых [1, 2, 3, 4, 5 и др.]. Значительное внимание отводилось таким вопросам, как переход китайских отрядов на советскую территорию, взаимоотношение корейцев и китайцев с местным населением, отношение к труду, судьба интернированных и т. д. Важное значение имеет проблема адаптации интернированных рабочих к советским условиям жизни. В статье предпринята попытка рассмотреть материально-бытовое и культурное обслуживание китайцев и корейцев на Черногорских угольных копях в 1930-е гг. При рассмотрении вопроса были использованы документы комиссий Черногорского рудоуправления и Хакасского ВКП (б) Национального архива Республики Хакасия.

В первой половине 1930-х гг. через территорию Сибири прошло более 10 тыс. интернированных китайцев. Среди военных китайской армии были также представители корейской национальности. Местами их компактного расселения стали Нарымский округ, Томск, Прокопьевск, Ачинск, Красноярск и поселок Черногорские копи [2, с. 17]. В начале 1930-х гг. на Черногорских угольных копях в условиях текучести рабочей силы возникла острая нехватка трудовых ресурсов. Данная проблема на предприятии была решена после того, как советское правительство отправило группы интернированных корейцев и китайцев на юг Сибири. В первой половине 1930-х гг. на Черногорские угольные копи прибыли группы иностранных рабочих из Маньчжурии. В марте 1933 г. приехали 340 чел. (65 семей) и 21 чел. (холостяков). Через два месяца 17 семей предпочли покинуть рудник, в Черногорском поселке осталось 235 чел. (48 семей). В период лета 1933 г. с рудника сбежали 64 чел. Однако часть сбежавших семей вернулись обратно в Черногорку. В 1933 г. из заболевших дизентерией умерли 28 чел., из них 18 детей. В мае 1934 г. на руднике трудились 118 корейских рабочих, из них 91 чел. – мужчины и 27 чел. – женщины. Согласно статистике, на шахте № 8 работали 70 чел., на шахте № 3 – 3 чел., на строительных участках – 20 чел., в пригородном хозяйстве – 20 чел. Вместе с корейцами специально с просветительскими задачами приехали 5 педагогов и ликвидаторов безграмотности. В момент прибытия у корейцев не было квалифицированных рабочих, в основном они работали лесоносами, навалщиками, чернорабочими, крепильщиками, контролерами [6, л. 28].

В 1934 г. в поселок Черногорка прибыла следующая партия интернированных – китайцы. Эта группа включала 200 китайцев, однако вскоре

сбежали 8 чел. (3 взрослых и 5 подростков). Из общего количества прибывших китайцев к ограниченно трудоспособным (раненые и инвалиды) относились 6 чел. Все остальные прибывшие 186 чел. не имели ограничений к труду и их привлекли к работам на руднике [6, л. 29]. К 1935 г. общая численность интернированных составляла от 300 до 400 чел. [1, с. 90].

Состав интернированных китайцев выглядел неоднородным, прибывшие относились ко всем возрастным группам (самому старшему исполнилось 66 лет), они являлись выходцами из разных социальных слоев, отличались по роду занятий, были городскими и сельскими жителями разных провинций, но в основном из провинции Шаньдун. В поселке Черногорка китайцы работали штукатурами, плотниками, откатчиками, лесоносами, землекопами, чернорабочими [1, с. 90]. Вместе с ними прибыли учителя (ликвидаторы безграмотности) и портной, т. е. лица, ответственные за культурно-бытовое обслуживание работников [6, л. 29].

В условиях жилищного кризиса не представлялось возможным обеспечить иностранных рабочих отдельными благоустроенными квартирами. Интернированных корейцев расселили в четырех бараках на тех же условиях, какие были у местных шахтеров. Предоставленные дома без электричества были малоприспособлены для проживания, находились в антисанитарном состоянии и требовали проведения капитального ремонта. Не во всех комнатах имелись печи, было холодно. Предполагалось, что в отдельных квартирах расселят корейские семьи, а в комнатах общежития разместятся холостые корейцы. Однако отдельных квартир всем семьям не хватило и пришлось членов семей распределять в комнатах общежития. Обычно в одной комнате проживали по 2–3 чел. Корейские семьи оказались в крайне стесненных условиях. Комнаты отличались аскетизмом, обставленные самой необходимой мебелью и предметами быта: кроватями, топчанами, табуретами, столами, постельными принадлежностями. Практически все холостые корейцы получили матрасы, одеяла и подушки. Однако обеспечить всех интернированных постельными принадлежностями не представлялось возможным, а Ким-ден-сан из барака № 10 вообще не получил ничего. Многие корейцы, ожидавшие лучших условий жизни, остались неудовлетворены материальным обеспечением на Черногорском руднике. Несмотря на невозможность создать нормальные бытовые условия для иностранцев, одновременно предполагалось проводить с ними культурно-досуговую работу. В будущем планировали провести радио в каждую комнату и квартиру [6, л. 29 об.].

Для прибывших китайских семей выделили три саманных барака. При неудовлетворительном состоянии жилищного фонда площадь предоставленных комнат была настолько мала, что жильцам едва удалось там разместиться. О скученности и тесноте в комнатах можно судить по тому, что расставленные топчаны и кровати не позволяли вместить столы, тумбочки и табуреты. Прибывшие китайцы находились в крайне бедственном положении. Они не имели теплой одежды, приличной обуви и белья. Руководство рудника получило инструкцию Хакасского обкома ВКП (б) о проявлении

внимательного отношения к прибывшим иностранцам. Согласно указанию администрации, в срочном порядке им выдали 120 пар ботинок в счет зарплаты, для пошивки белья передали 490 метров ткани в пошивочную мастерскую. Топчанами удалось обеспечить всех китайцев, однако в связи с нехваткой постельного белья возникли трудности, так как одеял в наличии имелось только 50 штук. Тем, кто остался без постельного белья, некоторое время приходилось спать на голом топчане и ожидать поставки. Согласно санитарным нормам требовалось обеспечить бараки дополнительным количеством умывальников, мыла и полотенец.

Жилищные условия и снабжение бытовыми предметами между рабочими были неравномерными. В лучшем положении находились рабочие третьей и шестой шахт. При проверке комнат комиссия отметила, что жилища «чистые и просторные». Практически у каждой семьи были кровати, матрасы, подушки, одеяла. В то же время часть рабочих не имела удобных жилищных условий и необходимого инвентаря. Работники восьмой и девятой шахт жили в неблагоустроенных и тесных квартирах. Для их расселения требовалось строительство дополнительных общежитий. Следует учитывать, что в 1930-е гг. неустроенный быт был у всех рабочих Черногорских копей. Практически все горняки жаловались на отсутствие хорошей бани и возможность привести себя в порядок после смены. Шахтерам вместо положенной ежедневной нормы выдавали только 50 % пайков с питанием [8, л. 35].

В результате проверки бытового обслуживания рабочих в отношении иностранцев специальная комиссия установила, что постельные принадлежности, выданные корейцам, находились в антисанитарном состоянии. Местные власти не реагировали на жалобы жильцов на скученность в общежитиях. Корейцы выражали недовольство по поводу того, что их задействовали в дополнительной нагрузке, тогда как они прибыли с определенной целью – работать на шахте, но вместо этого их привлекли к работам на огороде в парниках и в теплице. Также поступила жалоба от корейцев и китайцев на то, что их обеспечивали питанием в общей столовой с русскими и при этом не учитывали особенности национальной кухни. [7, л. 32].

Недостаточное устройство материально-бытового обслуживания вызвало недовольства со стороны иностранных рабочих, которые надеялись на лучшие условия проживания. Среди интернированных корейцев, занятых на шахтах, стали устойчивыми настроения бежать на Дальний Восток. Корейцев, ожидавших лучшую жизнь на руднике, не устраивали холодные и грязные жилища, плохое снабжение, частые обшеты в магазинах, неуважительное отношение к ним со стороны русского населения, полное отсутствие литературы на родном языке и т. д. Хакасский обком партии ВКП (б) поручил руководству Черногорского районного комитета в самое короткое время ликвидировать недостатки в культурно-бытовом обслуживании корейских рабочих. Однако в минимальные сроки разрешить все проблемы не представлялось возможным, что и стало доказательством того, что Черногорское управление рудника не справилось с обязательствами [7, л. 8]. В

качестве протеста некоторые корейцы стали пропускать рабочие смены. В 1933 г. средний показатель ежемесячного выхода одного человека на работу составил в августе – 20,9 выходов, в сентябре – 19,5 выходов [8, л. 42].

В свою очередь китайцы также выражали недовольство предоставленными им материально-бытовыми условиями. В знак протеста часть из них решила саботировать рабочий процесс. Например, 15 китайских строителей из девятой шахты не явились на свое рабочее место, решив остаться в общежитии. В качестве причин невыхода на работу они называли либо болезнь, либо невыдачу костюма для работы. В то же время некоторые китайцы не поддерживали недовольных, они выступали против уравниловки при оплате труда и упрекали постоянных прогульщиков: «Будешь работать – получишь костюм» [7, л. 32].

Часть интернированных китайцев и корейцев пожелала принять советское гражданство. Иностранцы, оказавшись на территории СССР, где с 1932 г. вводилась паспортная система, изъявили желание получить советские паспорта. С иностранными рабочими проводилась разъяснительная работа, однако основной целью некоторых интернированных в ближайшие сроки стало получение советского гражданства, и оно продолжало сохраняться. Это стремление объяснялось тем, что у них появлялась возможность получить бесплатное образование. Поэтому для интернированных вопрос о принятии советского гражданства оставался актуальным с начала их пребывания в стране Советов [7, л. 28].

В докладной записке помощника секретаря Хакасского обкома партии Ананьева об устройстве интернированных на Черногорских коях отмечалось: «Основной массе корейцев, несмотря на плохое знание русского языка, удалось освоиться и обжиться на новом месте. В производственном отношении они не отличаются от остальных рабочих. У них есть прекрасные ударники, которые проявляют производственную и политическую активность. Политические настроения корейских рабочих в основном хорошие, они втянуты в работу профсоюзных и хозяйственных организаций, их допустили в предвыборную компанию Советов в 1934 г., они имели в Совете своего представителя» [7, л. 8].

Руководство угольных шахт, заинтересованное в выполнении плана по добыче угля, предпринимало меры поощрения лучших шахтеров, в том числе и иностранных работников. Поощрительная политика касалась всех рабочих, проявивших добросовестное отношение к труду. Лучшим работникам выплачивали денежные премии, выдавали разнообразные бытовые вещи (которые очень ценились в условиях тотального дефицита). Китайским рабочим третьей и восьмой шахт, чью работу признали удовлетворительной, предоставили хорошее жилье рядом с шахтами.

Необходимо учитывать, что прибывшие интернированные корейцы и китайцы были не подготовлены к работе шахтеров в суровых сибирских условиях. Практически никто из них не имел рабочей специальности. Первоначально к интернированным рабочим прикрепляли наставников из

опытных рабочих, которые инструктировали их. Позднее при комбинате организовали курсы по повышению квалификации, туда направили 40 корейцев. Благодаря специальной подготовке, они освоили некоторые специальности и стали бурильщиками, забойщиками и др. Иностранные рабочие активно включились в работу и среди них появились передовики производства. Перевыполнить норму (от 101 до 189 %) удалось 54 чел. В 1935 г. премировали 150 лучших угольщиков (к ним отнесли всех тех, кто имел 100 и более выходов на работу). В качестве премии им выдали хлопчатобумажные костюмы и обувь. Среди китайцев рабочую норму перевыполнили 13 чел.: Ма-юн-ха, Ма-юн-хва, Чи-чан-хе, Ли-ин-дю, Са-вен-су, Ян-бо-чин, Юфа-сян и др. За выполнение производственного задания и качественную работу премировали 19 корейских рабочих. Они также получили денежные премии и бытовые вещи. В основном в качестве премий выдавали необходимую теплую одежду (пальто, сапоги, брюки, рубашки и т.д.). В 1935 г. бурильщик Ким-дан-хо получил пальто и шапку, отбойщик Чан-юн-ен – пальто, сапоги и часы, земленоски Ли-хим-сук – платье, Ким-хан-не – два платья, Ким-дьян-хай – сапоги и пальто и т. д. Особой ценностью у всех рабочих считались наручные часы, которые являлись признаком респектабельности. Считалось, что выданные премии будут стимулировать иностранных рабочих трудиться и добиваться более высоких результатов. В то же время выдача вещевых премий являлась показателем острого дефицита жизненно важных товаров, недоступных в свободной продаже [7, л. 29 об.]. Как правило, на работу корейцы ходили в рабочей одежде, во внерабочее время они переодевались в чистую одежду. В Черногорке им удалось приобрести костюмы, ботинки, пальто и шапки. Молодежь предпочитала носить костюмы и галстуки. Многие из корейцев сумели быстро выучить русский язык и обходились без переводчика. Когда черногорские рабочие их спрашивали, «где им лучше живется в Маньчжурии или в СССР», они с большим воодушевлением отвечали, что «в СССР им несравненно жить лучше» [8, л. 43].

Наряду с материально-бытовым обеспечением большое значение отводилось культурно-просветительскому развитию иностранных рабочих. В духе советского времени в сознание иностранцев внедрялась идеология коммунизма. Одновременно проводилась работа по политическому просвещению рабочих, с этой целью создавались национальные кружки. Активисты принимали участие в агитационной и пропагандистской работе среди своих земляков. Организатором проведения культурно-массовой работы у корейцев выступил коммунист Ан-ин-ха. Он окончил шестимесячные краевые курсы актива и один год обучался в Комвузе. Ему поручили организовывать и проводить собрания и производственные совещания. Однако мероприятия проходили нерегулярно и бессистемно. На собраниях, проводившихся на корейском языке, обсуждались вопросы трудовой дисциплины, повышения квалификации, снабжения спецодеждой и промтоварами, борьбы с прогулами, развертывания соревнования и т.д. Отдельно проводились женские собрания, посвященные темам гигиены,

воспитания детей, женского равенства, положения женщин в Китае и СССР, празднования Октябрьского праздника революции. С мая по ноябрь 1934 г. было проведено 10 женских собраний [8, л. 43].

Корейский клуб организовал специальный кружок по проработке решений XVII съезда ВКП (б). В результате к 1935 г. кружку удалось охватить около 70 % рабочих. Также в корейском клубе устраивали интернациональные вечера, где обсуждались вопросы производства и т. д. В клубе имелась разнообразная литература на корейском языке (около 500 экземпляров). Специально для корейцев выписывали 25 экземпляров газеты «Авангард». Однако революционно настроенные корейские угольщики остались недовольны организацией культурно-массовой работы и пожелали, чтобы на проведение подобных мероприятий отводилось больше времени. Важную роль в политическом просвещении масс играли «красные уголки». «Красный уголок» оформлялся в соответствии со всеми необходимыми по тем временам требованиями, только тексты регулярно выпускавшейся стенгазеты подготавливали на корейском языке. В свободное от работы время все рабочие рудника посещали разнообразные кружки по увлечениям. Корейцы стали участниками кружков самодеятельности, клубов, общественных организаций. В частности, Осоавиахим охватил 98 чел., МОПР – 80 чел., ОДН – 68 чел. Представители корейской диаспоры организовали собственный драмкружок и представили несколько постановок. На семейных вечерах устраивались просветительские лекции по гигиене. [7, л. 30].

В отличие от корейцев у китайцев гораздо хуже была поставлена политико-просветительская работа. Китайские рабочие оказались более инертными и пассивными в политическом плане, они не интересовались вопросами международной политической обстановки, идеологии коммунизма, общественного строя страны Советов и т. д. Они не настаивали, как корейцы на проведении специальных политических лекций и дискуссий и проявили полное равнодушие по поводу отсутствия специального помещения для «красного уголка». У них не было ни газет, ни журналов на родном языке. Даже радио было не доступно многим китайцам, проживавшим в общежитии. Казалось, что интернированные китайцы находились в изолированном состоянии от внешнего мира. Заведующий отделом школ и культпросвет учреждений Хакасского обкома партии ВКП (б) Э. Б. Абрамсон в отчете о культурно-просветительской работе среди китайцев предупреждала, что «люди представлены сами себе, а может вражескому влиянию» [7, л. 31].

Беспокойство вызывали межнациональные отношения между русскими и китайцами. Периодически между ними возникали конфликты на национальной почве. Корейцы и китайцы жаловались на проявлении шовинизма со стороны русских рабочих, что являлось основной причиной для столкновений. На почве национализма произошли две крупные драки в столовой между русскими и китайцами. В то же время нельзя утверждать, что рабочие разных национальностей постоянно враждовали друг с другом. Китайцы стремились выучить русский язык, с целью более быстрого овладения русским языком они

просили пригласить в свои общежития русских комендантов. В смешанных общежитиях наблюдались случаи дружеских взаимоотношений между русскими и китайцами.

Проявлением недовольства со стороны китайских рабочих стал несчастный случай, произошедший 16 мая 1934 г. на угольной шахте № 7, когда на отбойщика Ян-бо-дина обрушилась крыша. От полученных травм он скончался через три дня в больнице. В день похорон 21 мая 1934 г. китайские рабочие отказались выходить на работу. На следующий день рабочие трех шахт (22 чел.) вновь пропустили рабочую смену. Только после проведенной с ними специальной беседы они приступили к трудовой деятельности.

Одним из крупных потрясений, произошедших 4 мая 1934 г. на Черногорских коях, когда в степи за поселком был обнаружен труп китайского рабочего, бывшего полкового командира Чун-ди-чуна. Что стало причиной для жестокой расправы над ним? Расследованием уголовного преступления занялась местная прокуратура. В ходе следствия возникло несколько версий убийства видного военного деятеля. Серьезным основанием для расправы над ним стало то, что он пошел на сближение с русским населением, обсуждалась его предстоящая женитьба на русской женщине. В ходе следствия арестовали невесту, ее мать и еще трех человек. Выдвигалась версия, что убийство было совершено по причине шовинизма. Расправа над китайским военным грозила перейти в антирусское выступление иностранных рабочих на руднике. Возникла реальная угроза международной огласки происшествия. Для нормализации обстановки руководство рудника провело предварительные беседы с китайскими рабочими. Другая версия предполагала, что гибель Чун-ди-чуна была связана с его политической деятельностью. До приезда в СССР он активно боролся против оккупации Маньчжурии, и его убийство организовала японская контрразведка. Похороны китайского командира прошли спокойно и без провокаций. Его похоронили со всеми воинскими почестями, как полагалось по статусу. В организации похоронного мероприятия приняли активное участие как русские, так и китайцы. После проведения похоронной панихиды китайские рабочие приступили к работе.

После несчастных случаев, произошедших с китайскими рабочими, партийное руководство стало проявлять больше внимание материальным и культурным проблемам интернированных рабочих. По указанию первого секретаря Хакасского обкома партии С. Е. Сизых руководству рудника требовалось провести комплекс мероприятий по улучшению культурно-бытового обслуживания китайских рабочих. Он сам лично трижды проверял, как осуществляли поставки для китайских рабочих. По воспоминаниям современника, «постепенно в настроении китайцев происходил наглядный перелом. Внешне они были в веселом и бодром настроении, с их стороны не было брюзжания, жалобы на шовинизм не поступали» [2, л. 32].

Несмотря на многочисленные недостатки в материальном и культурном обеспечении интернированных рабочих и их семей, партийное руководство Черногорских угольных копей проводило ряд мероприятий с целью улучшения

их повседневной жизни. Положительной стороной можно считать то, что их включили в систему «Ликбез» (борьбы с всеобщей неграмотностью), которая активно проводилась по всей стране. Они обучались не только основам грамоты, но и смогли получить профессиональную квалификацию, опыт работы на рудниках. В целом, для многих китайцев и корейцев работа на Черногорских угольных рудниках оказала положительное воздействие, учитывая, что многие из них являлись выходцами из маргинальных слоев населения и были безграмотными. С развернутой всесоюзной борьбой с неграмотностью особое внимание уделялось обучению грамоте взрослых корейцев и китайцев. На 20 корейцев приходилось 11 неграмотных, т.е. более половины не владели основами грамоты. Основной задачей стало обеспечение учебниками прежде всего безграмотных. У интернированных китайцев доля неграмотных была еще больше, из 186 китайских рабочих насчитывалось 133 неграмотных, т. е. 71,5 %. В интернат на обучение отправили 20 корейских детей. Районный отдел народного образования обеспечивал общественным питанием интернатских воспитанников: для детей-сирот ежедневная норма составила 600 г хлеба, воспитанникам, имевшим родителей – 300 г хлеба [8, л. 44].

Интернированные рабочие, поступив в Черногорское горно-промышленное училище, смогли получить квалифицированную рабочую профессию. В 1935 г. выпускниками училища стали 28 русских, 22 хакаса, 20 корейцев, 7 китайцев. Училище занималось подготовкой профессиональных забойщиков, электрослесарей, электромехаников, врубмашинистов и т. д. [9, с. 149].

В рабочем поселке для китайских и корейских рабочих и их детей открылись специальные национальные школы. В корейских семьях насчитывалось 58 детей школьного возраста, из них в школе учились 46 чел. Корейских школьников разделили на четыре группы. Дети, которые не посещали школу, были отправлены в пригородное хозяйство. В целом, руководству рудника удалось на должном уровне организовать корейскую школу: посещаемость учеников составляла 95 %, успеваемость – 99,3 %. В школе преподавали три корейских учителя. Существенным недостатком являлась острая нехватка учебников. Ученикам не достались учебники по следующим дисциплинам: естествознание, обществоведение, родной язык (для всех групп, кроме первой). Всего в школу доставили 586 экземпляров учебников. Отсутствие переведенной литературы с русского языка на корейский осложняло учебный процесс [8, л. 44].

Несмотря на постепенную адаптацию к сибирским условиям, многие интернированные стремились вернуться на родину. Однако в 1937 г. прекратилась подготовка к репатриации, и начались массовые политические репрессии интернированных. Иностранцы обвинялись в связях с японской разведкой. По подсчетам В. Г. Дацышена, на территории Хакасии репрессировали около 330 китайцев, в том числе 123 чел. из числа интернированных [1, с. 92].

Таким образом, в 1930-е гг. в условиях острой нехватки трудовых ресурсов на Черногорских угольных коях корейцы и китайцы стали действенной рабочей силой. Предоставленные материально-бытовые условия не удовлетворяли запросы иностранных рабочих и порой вызывали с их стороны недовольство. Постепенно интернированные смогли адаптироваться к реалиям на руднике. Важную роль сыграло включение интернированных в систему «Ликбеза», создание специализированных школ, привлечение педагогов, распространение культурных и просветительских идей.

Список литературы и источников

1. Дацышен В. Г. Интернированные китайцы в Приенисейском крае (1932–1938 г.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 4 (12). С. 86–93.
2. Силонов С. М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е г.): автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2013. 23 с.
3. Силонов С. М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск: СФУ, 2015. 170 с.
4. Силонов С. М. Интернированные китайцы в Сибири (на материалах Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История. Филология, 2007. Т. 6. Вып. 4: Востоковедение. С. 27–31.
5. Потапова Н. А. Корейская диаспора в СССР в 1930-е гг. // Вестник Евразийского национального университета. 2021. № 2 (135). С. 48–62.
6. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 173.
7. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 293.
8. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 222.
9. Очерки истории Хакасии советского периода 1917–1961 г. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963. 419 с.

УДК 94:314.843(599)"1896"

ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ НА ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВАХ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1896 Г.

Уметбаев Тимур Шамилевич

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

kolbakty@mail.ru

В статье кратко анализируется содержание докладной записки Фелькерзама о группах населения на Филиппинских островах накануне революции 1896 г.

Ключевые слова: Филиппины, группы населения, испанская колония, революция 1896 г.

POPULATION GROUPS IN THE PHILIPPINE ISLANDS ON THE EVE OF THE REVOLUTION OF 1896

Umetbaev Timur Shamilevich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
kolbakty@mail.ru

The article briefly analyzes the content of Felkerzam's report on population groups in the Philippine Islands on the eve of the revolution of 1896.

Key words: Philippines, population groups, Spanish colony, revolution of 1896

Возможно, что в начале мая 1905 г., когда контр-адмирал Дмитрий Густавович фон Фелькерзам умирал на корабле «Ослябя», находясь сравнительно недалеко от Филиппинских островов, он возвращался памятью к тому времени, когда ему с помощниками волею морского ведомства предстояло стать одним из первых русских военных исследователей этой страны. Судьба оказалась немилосердной к этому старому моряку, который 10 мая 1905 г. умер на корабле «Ослябя» в составе II Тихоокеанской эскадры, а во время Цусимского сражения его тело вместе с кораблем навсегда ушло на дно Японского моря.

Филиппины были одновременно и западным и восточным форпостом Испании. Названные в честь Филиппа II, они представлялись своего рода символом незыблемости колониальной империи. Именно эта земля давала немалый повод говорить о том, что в этой великой державе никогда не заходит солнце. Даже когда власть испанской монархии пошатнулась, а потом начала стремительно разрушаться в Латинской Америке, плодя новые цитадели независимости, острова в Восточной Азии будто продолжали спать, сохраняя невозмутимость в вихре революционных потоков XIX века.

История этой страны по-своему интересна и уникальна. Это единственная страна в Азии, где господствовала католическая церковь; она занимала стратегическое положение, контролируя, с одной стороны, мусульман Индонезии, с другой, подходы с юга к восточноазиатским Китаю, Японии и Корее; изначально мало кто предполагал, что растущие стремления американского империализма наденут на освободившийся народ новое колониальное ярмо.

Отечественные исследователи не избаловали Филиппинские острова своим вниманием. Ведущий советский исследователь Юго-Восточной Азии А. А. Губер обращался к вопросам взаимодействия филиппинской революции и американского империализма [1, с. 4]. Впоследствии появилась и история Филиппин, принадлежащая перу крупного исследователя этой страны Ю. О. Левтоновой, которая обратила внимание на события, предшествовавшие филиппинской революции 1896 г.

Разрушение испанской латиноамериканской империи в XIX в. стало важным этапом общемирового революционного процесса, который привел к возникновению новых буржуазных наций. Во многом этот процесс стимулировали наполеоновские войны и революционное движение в самой метрополии. Рево-

люция 1868 г. оказала существенное влияние на становление революционного движения в Филиппинах. Многие представители филиппинской молодежи были связаны с метрополией, схватывали революционные идеи и проецировали их на свою страну. К слову сказать, литератор и революционный деятель Хосе Рисаль обучался в Испании, побывав также во Франции и Германии, поскольку революция в Испании 1808–1814 гг. открыла представителям смешанных филиппино-испанских семей дорогу в европейские университеты [2, с. 120]. Именно в Берлине появился его первый роман «Не прикасайся ко мне», ставший классикой национальной литературы. Словно призыв прозвучали слова Ибарры, направленные против священников: «Слушайте меня, вы, священники, – судьи, возомнившие себя людьми особого рода и присвоившие себе особые права! Мой отец был честным человеком; спросите об этом народ, чтящий его память... Он был добрым христианином: он всегда делал добро и никогда не притеснял слабого, не угнетал бедного... Отец открывал этому человеку двери своего дома, сажал его за стол и называл другом» [3, с. 248].

В 1896 г. грянули события, получившие название Филиппинской революции. Фелькерзам не ожидал особого задания, когда его к себе вызвал начальник тихоокеанской эскадры контр-адмирал Евгений Иванович Алексеев. Последний и приказал капитану 1 ранга во главе эскадренного миноносца «Николай I» направиться на Филиппины, чтобы изучить обстановку на месте. Фелькерзам выполнил распоряжение, представив достаточно обстоятельную докладную записку, которая была незамедлительно направлена руководителю морского ведомства Великому Князю Алексею Александровичу (подробнее об этих событиях см.: Уметбаев Т. Ш. Филиппинская революция в донесении Д. Г. Фелькерзама. Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 3. С. 106–114).

Филиппинские острова входят в структуру Малайского архипелага, занимающая его самую северную часть. В силу исторических и географических условий они оказались разделены на два мира: с одной стороны, мир язычников, находившийся под властью католической церкви; с другой, мир более непримиримый, сопротивляющийся, где мусульмане одерживали верх.

На севере, где находится остров Люсон и прилегающие к нему острова, проживали туземные племена, большая часть которых приняла христианство. Это особый мир, который независимость предпочитал подчинению. И он сохранил эту независимость в повседневной жизни. Тем более что, в отличие от Латинской Америки, испанцы на Филиппинах не допускали рабства, инквизиции, насильственной христианизации. Их количество достигало 6,8 млн человек. И эти люди сопротивлялись злоупотреблениям администрации. Одним из последних крупных предреволюционных выступлений было восстание в г. Кавите, поднятое на волне крестьянского движения против повышения налога и правительственных монополий [2, с. 127].

Миру севера противостоял мир юга, мусульманского или языческого. Их было не так много (1,4 млн. человек), но они оказывали яростное сопротивление испанцам, бороздили море на своих лодках, нападали на корабли и грабили их. Поэтому испанцы были вынуждены содержать на островах военно-морскую

эскадру из шести крейсеров, семнадцати канонерских лодок и трех транспортов [4, л. 6].

В связи с близостью к Филиппинам Китая и необходимости в достаточно трудной портовой и торговой работе на островах, особенно на о. Люсон, значительную роль играла китайская диаспора, часть которой (175 тысяч) видела в островах только временное пристанище, а часть (360 тысяч) была уже местными жителями, родившимися от браков китайцев с аборигенками. И, как отмечала русская экспедиция, китайцы наиболее старательные и трезвые жители колонии. Они обосновались на Филиппинах со времен галионной торговли, когда испанцы на галионах привозили на острова серебро, скупали у китайских купцов шелк и направляли его для перепродажи на рынки Мексики [5, с. 30]. Уже тогда китайцы строили в Маниле каменные дома. Но они были наиболее незащищенной частью жителей, а в период начала революции многие из них были убиты [4, л. 5].

Наиболее активную, энергичную часть общества составляли полукровные и метисы, которые были потомками туземцев, испанцев и китайцев. Но, уже давно являясь частью этого мира, они владели латифундиями, занимались торговлей, но не имели никаких политических прав. Их было около 400 тысяч. Но они были творцами национальной идеи, когда этноним тагальцы стал символом, объединившем борцов за свободу Филиппин.

Самих испанцев вместе с другими европейцами на островах было не так много – около 16 тысяч человек, они не были постоянными жителями островов, приезжали сюда заработать, были не богаты в отличие от «метисов» и поэтому особого значения за исключением служащих высшего ранга (администрации и офицеров флота) не имели, что верно подметила и экспедиция [4, л. 3]. Но с каждым годом росло значение немцев.

Благодаря распространению католицизма среди местного населения и религиозной монополии наибольшее влияние приобрело духовенство, представители целого ряда орденов – доминиканцы, иезуиты, францисканцы, августинцы, риколеты (беглые Августины). Их не так много – всего около 1200 человек [4, л. 2 об]. Ими, отмечали участники экспедиции, «посеято и развито все хорошее и дурное». Но многие из них были близки народу, понимали его чаяния, а когда вспыхнул мятеж в Кавите, некоторые из них (Пардо де Тавера, Хосе Баса, Рехидор-и-Хурадо) разделили со своими соратниками смертный приговор [2, с. 127].

Докладная записка Фелькерзама в целом достаточно объемно охарактеризовала основные группы населения на Филиппинских островах. Командир русского миноносца и его помощники добросовестно собрали всю имеющуюся информацию, используя как рассказы местных жителей и чиновников, так и материалы периодической печати. Они постарались кратко проанализировать сложившуюся обстановку, способствовавшую началу революционных событий.

Революция на Филиппинских островах практически совпала по времени с испано-американской войной. Революционеры победили. Но результатом их победы воспользовались американцы. Как сказал президент США Мак-Кинли: «нам не остается ничего иного, как взять под свое покровительство Филиппинские острова целиком, с божьей помощью просветить, возвысить и цивилизо-

вать филиппинцев, привить им христианские идеалы, ибо они наши собратья по человечеству, и Христос принял смерть и за них также. После этого я лег в постель и заснул крепким сном» [цитируется по: 6, с. 39].

Список литературы и источников

1. Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. Москва: Госполитиздат, 1961. 508 с.
2. Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. Москва: Наука, 1979. 296 с.
3. Рисаль Х. Не прикасайся ко мне. Роман. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 483 с.
4. РГАВМФ. Ф. 511. Оп. 1. Д. 11. Листы 1–14.
5. Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии / под ред. Г. И. Левинсон. Москва: Наука, 1986. 285 с.
6. Абайя, Э. Нерассказанная история Филиппин / Э. Абайя. Москва: Прогресс, 1970. 381 с.

УДК 93/94

ИЗ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГАЗЕТЫ «РАБОЧИЙ ПУТЬ» (1922–1938 гг.)

Кулебякина Дина Евгеньевна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
On-ics@mail.ru

Статья посвящена истории газеты «Рабочий путь», издаваемой на китайском языке на территории Дальневосточного края в период с 1922 г. по 1938 г. Изучен путь становления, функционирования, а также трансформации газеты в качестве культурно-просветительского и агитационно-идеологического инструмента, направленного на китайское население, проживавшее в начале XX века на территории Дальнего Востока СССР. Сделан вывод о роли газеты «Рабочий путь», в качестве ценного исторического источника. Статья подготовлена на материалах Государственного архива Хабаровского края (ГАХК).

Ключевые слова: газета «Рабочий путь», китайцы на Дальнем Востоке, китайский язык, издательство и распространение, идеология.

FROM THE HISTORY OF THE FAR EASTERN NEWSPAPER "WORKING WAY" (1922-1938)

Kulebyakina Dina Evgenievna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
On-ics@mail.ru

The article is devoted to the history of the newspaper "Working way", published in Chinese on the Far Eastern Territory in the period from 1922 to 1938. The

way is studied of formation, functioning, as well as transformation of the newspaper, as a cultural, educational and agitation-ideological tool, aimed at the Chinese population, who lived in the Far East of the USSR at the beginning of the twentieth century. The conclusion is made about the role of the newspaper "Working Way" as a valuable historical source. The article was prepared on the materials of the State Archive of the Khabarovsk Territory (ГАНК).

Key words: the newspaper "Working way", Chinese in the Far East, Chinese language, publishing and distribution, ideology.

Общественно-политическая газета «Рабочий путь» (кит. 工人之路, Gōngrén zhīlù, «Гун жень чжи лу») издавалась на территории Дальневосточного края СССР в период с 1922 по 1938 г. Газета издавалась на китайском языке, с переводом некоторых колонок на русский. Такой подход был, направлен на культурно-просветительскую и пропагандистско-идеологическую работу с китайским населением, проживавшем в начале XX в. на Дальнем Востоке СССР. По данным всесоюзной переписи населения за 1926 г., количество китайских рабочих, мигрировавших с приграничных территорий, составляло около 50200 человек, или почти 40 % от общей численности населения Дальневосточного края [1]. В основном, китайские мигранты были неграмотны, русским языком не владели, вследствие чего, руководством Советского Союза был взят курс на общественно-политическое взаимодействие с данным слоем населения. Одной из составляющей такого взаимодействия являлась газета «Рабочий путь», первый номер которой вышел в марте 1922 г. в г. Чита [2].

Первично «Рабочий путь» издавался при помощи литографического оборудования, данный способ печати давал низкий тираж, вследствие же увеличивающейся потребности в газете, в 1923 г. было принято решение о переводе редакции в г. Владивосток, где использовались типографическое оборудование, что позволило значительно увеличить тираж [10, л. 24]. По состоянию на 1927 г. тираж газеты «Рабочий путь» составлял 1600 экземпляров, газета печаталась 1 раз в неделю, а также входила в список периодических изданий Книжной Палаты Дальневосточного края [9, л. 36].

Материал, печатавшийся в газете, освещал политические, экономические и социальные темы событий, происходивших как внутри страны, так и за ее границами. Отдельной колонкой шла информация о строительстве социализма, данные статьи обычно писал главный редактор газеты, а проверяли сотрудники Далькрайкома ВКП (б) [9, л.37].

Газета отличалась разговорным стилем изложения, что объяснялось, не только низким уровнем владения русским языком среди китайского населения, но также и сложностями с чтением на китайском языке: не все умели читать по-китайски. Газетную полосу экономии, что было связано с особенностью типографского оборудования, используемые шрифты имели крупный размер, поэтому все новости разделяли на 2 подраздела, «В СССР» и «В Китае». Отдельно следует отметить тот факт, что объявления в газете почти не печатали, это объ-

ясняется плотным проживанием китайской общины и отсутствием необходимости в подаче объявлений [9, л. 38].

Тем не менее издание газеты «Рабочий путь» на территории Дальнего Востока СССР было эффективно, об этом свидетельствует постановление, принятое на заседании отдела агитации и пропаганды Далькрайкома ВКП (б) от 1926 г.: «сеть нацменовских газет оставить без изменений, среди прочих и китайская газета «Рабочий путь» [5, л. 41].

Исходя из сохранившихся протоколов заседания президиума Дальневосточного краевого совета профессиональных союзов, представляется возможным проследить экономическую составляющую газеты, согласно утвержденной смете на второе полугодие 1928 г., расходы на издание составили 7187 рублей 64 копейки, в том же полугодии газете поступила дотация в размере 2500 рублей, что говорит о заинтересованности в работе газеты руководящего состава страны [11, л. 327].

Осенью 1928 г. редакция газеты «Рабочий путь» переживает очередной переезд, теперь уже из г. Владивосток в г. Хабаровск, о чем свидетельствует протокол заседания секретариата Далькрайкома ВКП(б) от 1 сентября 1928 г., «Поручить Владивостокскому ОК подготовить переброску редакции в г. Хабаровск», а также провести ряд мероприятий, среди них: переименование газеты в орган ДКК ВКП(б), назначение товарища Тинь Шана на должность главного редактора, укрепление аппарата редакции газеты наиболее подготовленными газетными работниками китайцами и разработка мероприятий по увеличению тиража» [6, л.165].

Причиной переезда явилось обустройство в г. Хабаровск восточной типографии с использованием новоприобретенного типографского оборудования – «наборнобуквенных машин из Японии», что позволило значительно повысить тираж, а также упростить процесс набора текста на китайском языке [6, л.169].

Как следует из протокола заседания президиума Далькрайисполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 3-го созыва от 30 августа 1930 г., в связи с ликвидацией округов, ряд нацменовских газет Дальнего Востока претерпели реорганизацию или ликвидацию, но газету «Рабочий путь» изменения не коснулись, есть указание «сохранить китайскую газету, тираж повысить» [12, л. 59]. В 1933 г. тираж газеты составляет 7000 экземпляров, к 1935 г. уже 8000, газета выходит 2 раза в пятидневку [7, л.50].

Несмотря на принятые постановления Далькрайкома ВКП (б) об увеличении тиража присутствовали значительные проблемы с распространением газеты «Рабочий путь», в особенности на территории Дальневосточного края СССР.

Как отмечалось на совещании о работе китайских трудящихся за март 1935г., «дело с распространением газеты «Рабочий путь» на территории Дальневосточного края, обстоит плохо». Контрольная цифра по распространению составляла 6000 экземпляров, на практике выходило 4700. Лучшее дело обстояло в г. Владивосток, по подписке – 1298 экземпляров, по рознице – 1800; г. Хабаровск, по подписке – 455 экземпляров, по рознице - 300, при этом китай-

ских трудящихся – 1000 человек; в Уссурийском районе по подписке – 211 экземпляров, по рознице – 100, китайских трудящихся – 450 человек, выходит, что «3 газеты на 4 человека» [8, л. 10].

Как видно из статистики, существовала проблема доставки, поэтому ситуацию пытались улучшить например, назначить в штат редакции специального инструктора по распространению газеты, проводить такие мероприятия, как личный объезд работниками краевого отделения областей и районов для проверки качества доставки газет подписчикам, также каждому работнику редакции, помимо своих прямых обязанностей по работе в газете, предписывалось обращать самое серьезное внимание на «продвижение национальной печати» [8, л.11].

Несмотря на ряд предпринимаемых мер, распространение газеты «Рабочий путь» среди китайского населения, проживающего на Дальнем Востоке СССР, было недостаточным, что в свою очередь явилось одной из ключевых причин снятия газеты с печати в 1938 г [8, л.12].

Дальневосточная газета «Рабочий путь» создавалась как инструмент влияния среди китайского населения, в культурно-просветительских и агитационно-идеологических аспектах, данный подход был весьма эффективен, но в связи со сложностями в практической работе и вскоре начавшейся общесоюзной кампании по депортации китайского населения с территории СССР, необходимость в издании данной газеты утратила актуальность. Однако важно отметить историческую ценность газеты «Рабочий путь», издававшейся на китайском языке, что в современных реалиях позволяет переосмыслить глубокие трансформационные процессы и события, происходившие в начале XX века не только на территории Дальнего Востока, но и всего Советского Союза.

Список литературы и источников

1. Библиографическое описание Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. Москва, 1927–1929. 10 т.
2. Газеты СССР, 1917–1960: Библиографический справочник. Том 4. П–Я (Краевые, губернские, областные, окружные, уездные, районные, городские, транспортные, военные и другие газеты). Москва: Книга, 1980. 492 с.
3. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года / под общ. ред. чл. корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2). – Владивосток : Дальнаука, 2018. 656 с.
4. Залесская, О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.) / О. В. Залесская. Владивосток: Дальнаука, 2009. 381 с.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.П-2. Оп.1. Д.10. Т.2. Л.41-43, Л.153, Л.158.
6. Там же. Д.95. Л.165-169.
7. Там же. Д.430. Л.50.
8. Там же. Оп.11. Д.193. Л. 10-12.

9. Там же. Д.404. Т.2. Л.36-38.
10. Там же. Ф.Р-902. Оп.1. Д.1а. Т.2. Л.327.
11. Там же. Д.4а. Л.59.
12. Там же. Д.7. Л.25об.

УДК 93/94

***СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ (1946-1991 ГГ.): ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ
ДОГОВОРОВ И СОГЛАШЕНИЙ***

***Суржко Антон Валерьевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
surzhkoanton@yandex.ru***

Проанализировали основные советско-монгольские договоры и соглашения, регламентирующие двустороннее взаимодействие в вопросах высшего образования в период с 1946 по 1991 гг. Раскрывается их основное содержание и значение для развития дружественных отношений между СССР и МНР. Формирование основной нормативно-правовой базы, регламентирующей эту сторону межгосударственного взаимодействия было завершено в начале 1970-х гг.

Ключевые слова: СССР, МНР, советско-монгольские отношения, высшее образование, МонГУ, высшие учебные заведения.

***SOVIET-MONGOL COOPERATION IN THE SPHERE OF HIGHER
EDUCATION (1946-1991): CHARACTERISTICS OF BASIC
AGREEMENTS AND AGREEMENTS***

***Surzhko Anton Valerievich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
surzhkoanton@yandex.ru***

The main Soviet-Mongolian treaties and agreements regulating bilateral interaction in higher education in the period from 1946 to 1991 are analyzed. Their main content and significance for the development of friendly relations between the USSR and the Mongolian People's Republic are revealed. The formation of the main regulatory framework governing this aspect of interstate interaction was completed in the early 1970s.

Key words: USSR, Mongolia, Soviet-Mongolian relations, higher education, Mongolian State University, higher educational institutions.

Говоря о советско-монгольских отношениях, подавляющая часть исследователей и специалистов отмечает их традиционный тесный, доверительный и

союзнический характер, а также наличие большой идеологической составляющей. На протяжении всего периода своего существования МНР принимала всестороннюю помощь советского «старшего брата» и во многом перенимала его модель развития [1, с. 98]. Одной из наиболее продуктивных областей двустороннего сотрудничества в послевоенный период стала сфера высшего образования, поскольку советские вузы стали поставщиками достаточно квалифицированных специалистов для МНР, многие до сих пор трудятся на благо монгольского государства [2, с. 269].

Несмотря на то, что после распада СССР эпоха массового обучения монголов в российских вузах завершилась, российско-монгольские отношения продолжают развиваться в духе всеобъемлющего стратегического партнерства, а потому сохраняется возможность возобновить активное двустороннее сотрудничество в сфере высшего образования. Особенно важным нам это представляется в связи с тем, что подобное сотрудничество может значительно обогатить деятельность вузов, расширить сферы учебно-методической работы, а также способствовать приобщению студентов к мировой истории и культуре [3, с. 351]. Кроме того, с точки зрения политики мягкой силы, это может привести к повышению престижа российского образования в АТР.

В связи с этим видится необходимым изучить опыт советско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования, проанализировав основные договоры и соглашения, регламентирующие эту сторону межгосударственного взаимодействия. Несмотря на то, что корни самого этого сотрудничества уходят еще в 1920-е гг., хронологические рамки настоящего исследования ограничиваются 1946–1991 гг., т.е. тем периодом, когда двусторонние отношения переживали пик своего развития и носили максимально тесный и глубокий характер.

27 февраля 1946 г. советско-монгольские отношения вышли на новый этап своего развития. В этот день были заключены два важных документа, ставшие основой двустороннего взаимодействия – «Договор о дружбе и взаимопомощи» и межправительственное «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве». Согласно второму документу стороны соглашались развивать и укреплять уже существующее сотрудничество в областях народного хозяйства, культуры и просвещения [4, с. 136].

12 мая 1948 г. заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин и посол МНР в Советском Союзе Н. Идамжаб заключили «Соглашение об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР и содержании их» [4, с. 151–153]. В соответствии с ним, советская сторона предоставляла в своих вузах 30 мест для монгольских граждан, назначала им стипендию в размере 500 руб. и предоставляла жилье, при этом монгольская сторона была обязана возместить СССР половину фактических расходов на обучение. Обязательным условием для поступления была сдача приемных экзаменов. Это соглашение сыграло большую роль в подготовке национальных кадров для экономики и культуры МНР, поскольку с момента его заключения количество монгольских студентов в СССР стало ежегодно увеличиваться.

Постепенно возникла необходимость конкретно определить условия и порядок обучения, а также порядок возмещения расходов на содержание и обучение граждан МНР в высших учебных заведениях СССР. Для решения этой задачи 30 апреля 1952 г. было заключено новое межправительственное «Соглашение об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР», которое автоматически заменяло предыдущее [4, с. 192–195]. Отныне количество монгольских студентов, поступающих в СССР не было строго регламентировано, а ежегодно согласовывалось министерствами высшего образования СССР и просвещения МНР. Другим новшеством стало введение подготовительного курса русского языка для монголов, недостаточно им владеющих (срок подготовки варьировался от шести месяцев до года). Также уточнялся размер стипендий – если для студентов она продолжила оставаться в размере 500 р., то аспирантам назначалась выплата в 900 р.

Важной вехой развития советско-монгольских отношений стало заключение «Соглашения о культурном сотрудничестве» от 24 апреля 1956 г. (своими подписями его скрепили заместители министров иностранных дел СССР и МНР Н. Т. Федоренко и Н. Идамжаб) [4, с. 230]. Статья 2 данного документа закрепляла договоренность обмениваться опытом и достижениями в различных областях, в том числе в вопросах высшего образования, путем взаимного направления делегаций, аспирантов, студентов и практикантов, а также путем предоставления информации и соответствующих материалов (конкретнее эти мероприятия оговаривались в ежегодных планах культурного и научного сотрудничества). Это соглашение предопределило заключения ряда иных советско-монгольских договоренностей в сферах культуры, науки и высшего образования.

К их числу относилось очередное межправительственное «Соглашение об условиях взаимного обучения студентов и аспирантов в высших гражданских учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях» от 3 октября 1960 г. [4, с. 385-390]. Исходя из названия документа становится очевидно, что отныне речь шла не об одностороннем приеме монгольских студентов в СССР, а о взаимном приеме обучающихся. Для советских студентов в Монголии также были предусмотрены подготовительные курсы монгольского языка. Ничего в данном соглашении не говорилось о размерах стипендий обучающихся и условиях их содержания, расходы на которое на себя полностью возлагала принимающая сторона.

15 января 1966 г. был заключен новый основополагающий документ, определяющий характер советско-монгольских отношений – «Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи», заменивший собой соответствующий договор 1946 г. [5, с. 1]. Новый договор декларировал дальнейшее укрепление «нерушимой традиционной дружбы» народов СССР и Монголии и развитие всестороннего сотрудничества и «братской взаимопомощи».

Углубление советско-монгольского сотрудничества постепенно вело к тому, что заключение различных конкретных договоренностей и соглашений постепенно смещалось на более низовой уровень – от правительств и мини-

стерств к конкретным вузам. Так, в самом конце 1969 г. соглашение о сотрудничестве заключили МГУ им. М. В. Ломоносова и МонГУ [5, с. 116–118]. В соответствии с ним стороны обязывались осуществлять тесное сотрудничество и оказывать друг другу помощь в учебно-методической и воспитательной работе. К числу осуществляемых мероприятий относили взаимный обмен чтениями лекций и проведением конференций, практикантами, учебной и методической литературой, установление тесных связей между партийными, профсоюзными и молодежными организациями университетов. Кроме того, МГУ обязывался ежегодно принимать на курсы повышения квалификации своих монгольских коллег.

Подобные формы взаимодействия не обошли стороной и региональные высшие учебные заведения. Так, в феврале 1970 г. в Улан-Баторе аналогичное соглашение с МонГУ подписал Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова [6, с. 2]. Одним из основных направлений сотрудничества являлась подготовка и повышение квалификации монгольских научно-педагогических кадров.

Другим ярким свидетельством углубления двусторонних связей в сфере высшего образования можно назвать межправительственный «Протокол об эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий», подписанный 24 сентября 1970 г. [5, с. 200]. Данная мера закрепила де-юре давно сложившееся положение дел и в значительной степени усовершенствовала и упорядочила вопросы сравнимости соответствующих уровней образования, ученых степеней (кандидата и доктора наук) и ученых званий (доцента и профессора) двух государств.

В начале 1970-х гг. нормативно-правовая база советско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования была сформирована окончательно [7]. Это ознаменовалось заключением соглашения о культурном и научном сотрудничестве от 20 июля 1971 г. [5]. Статья 4 данного документа детально прописывала обязательства сторон в области высшего и среднего специального образования, просвещения, профессионально-технического обучения. К числу таковых относилось установление и углубление непосредственного сотрудничества между вузами в области учебно-воспитательной и научной работы и внедрение наиболее современных методов обучения, содействие обмену преподавателями и научными работниками вузов для повышения квалификации, чтения лекций и докладов, проведения консультаций, сбора научных материалов и т. д. Помимо этого, стороны брали на себя обязательства сотрудничать в области подготовки научных кадров, взаимно признавать дипломы об окончании университетов и вузов, расширять обмен студентами, поощрять преподавание языка, литературы, истории и географии другой стороны, оказывать друг другу необходимую методическую и практическую помощь.

Наконец, 14 сентября 1973 г. министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин и председатель Госкомитета Совета министров МНР по высшему и среднему специальному образованию Д. Цэвэгмид заключили межведомственное соглашение о непосредственном сотрудничестве

в области высшего и среднего специального образования [5, с. 282]. Состоящий из восьми статей документ содержал довольно подробное описание двустороннего сотрудничества, главными направлениями которого являлись координация деятельности обеих сторон по проблемам перспективного развития и совершенствования высшего и среднего специального образования, а также согласование и координация деятельности по проблемам планирования, содержания и организации учебного процесса в учебных заведениях.

Несмотря на то, что в советско-монгольских отношениях СССР был явной доминирующей стороной, содержание рассмотренных выше договоров и соглашений носило равный, взаимовыгодный характер. Ведущая роль Советского Союза просматривалась лишь в том, что он оказывал значительную помощь Монголии в организации системы высшего образования и подготовке кадров. Основные направления сотрудничества заключались во взаимном обмене теоретическими и практическими навыками и опытом, обучении студентов и повышении квалификации уже готовых кадров.

В качестве вывода стоит отметить, что сотрудничество СССР и МНР в области высшего образования было достаточно продуктивным, а заинтересованность в его всестороннем развитии проявляли обе стороны. Была на это направлена и нормативно-правовая база, которая старалась учитывать интересы как советского, так и монгольского государств. При поддержке СССР в Монголии создавалась и развивалась целостная многоуровневая государственная система высшего образования, сотни советских преподавателей работали в вузах МНР по контракту, а десятки тысяч монгольских юношей и девушек окончили вузы СССР [8, с. 290]. В свою очередь, Советский Союз значительно укреплял свои стратегические позиции в Азии и на практике подтверждал эффективность отечественной системы образования.

Список литературы и источников

1. Батунаев Э. В., Григорьева Ю. Г. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства // Известия Восточного института. 2019. № 3 (43). С. 98–109.
2. Лиштованный Е. И. Россия и Монголия в XX в.: региональный опыт взаимоотношений. На материалах Восточной Сибири: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998. 430 с.
3. Цехла С. Ю. Роль высшего образования в международном сотрудничестве // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Вып.1. Ч. 2. Москва, 2018. С. 347–351.
4. Советско-монгольские отношения: 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М.: Международные отношения, 1979. 560 с.
5. Советско-монгольские отношения: 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. М.: Международные отношения, 1979. 616 с.
6. Иркутский университет. 1977.

7. Эрдэнэбаяр Г. Взаимодействие России и Монголии в области образования и науки // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. 2017. № 2. С. 184–193.
8. Яскина Г. С. История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

УДК 93/94

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ – ТЕРРИТОРИЯ ФРОНТИРНОГО ОСВОЕНИЯ

Гайдин Сергей Тихонович

Бурмакина Галина Александровна

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
gaydinsergey@rambler.ru*

В статье рассмотрено отношение российского государства как актора модернизации к освоению гигантской территории Красноярского края. Выявлены основные этапы в развитии Красноярского края, связанные с решением стратегических задач государства в 1940–1980-е гг. XX в. Особо крупные масштабы хозяйственного освоения края в 1970–1980 е гг. позволяют рассматривать край, как территорию фронтального развития.

Ключевые слова: фронт, освоение Сибири, Енисейстрой, Ангаро-Енисейский промышленный район, территориально-промышленный комплекс, ТПК, топливно-энергетический комплекс.

KRASNOYARSK KRAI – THE TERRITORY OF FRONTIER DEVELOPMENT

Gaidin Sergey Tikhonovich

Burmakina Galina Aleksandrovna

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
gaydinsergey@rambler.ru*

The article examines the attitude of the Russian state as an actor of modernization to the development of the gigantic territory of the Krasnoyarsk Territory. The main stages in the development of the Krasnoyarsk Territory associated with the solution of strategic tasks of the state in the 40–80s of the twentieth century are identified. Especially large-scale economic development of the region in the 70s-80s allows us to consider the region as a territory of frontier development.

Key words: frontier, development of Siberia, Yeniseistroy, Angaro-Yenisei industrial district, territorial-industrial complex, ТПК, fuel and energy complex.

Концепция фронта была разработана сто лет назад американским исследователем Ф. Тернером для изучения процессов колонизации и освоения Америки, но позже американский историк Д. Тредгольд предложил использовать ее для изучения русского заселения Сибири.

Академик В. В. Алексеев считал возможным использование концепции фронта для исследования процессов освоения и развития Сибири, как окраинной территории. Одним из его аргументов было то, что государство выступило ведущим актором ее заселения и хозяйственного освоения [1, с. 11, 14]. В докладе на одной из недавних конференций, известный специалист в области фронтальных исследований Н. Ю. Замятина показателем фронтального характера исследования назвала вовлеченность государства в процессы освоения природных ресурсов отдаленных территорий и высокие темпы их вовлечения в хозяйственный оборот.

В начале статьи мы хотели бы особо подчеркнуть, что в освоении Сибири, как гигантской территории с различными природными зонами от южных степей до полярной тундры, с экстремальным климатом и крайне малочисленным населением, всегда была высока роль государства. Государство производило заселение региона служилыми людьми, ссыльными или избыточным сельским населением, высвобождаемым в европейской части страны в процессе проведения ее модернизации.

В императорский период оно видело в Сибири источник пушнины, затем золота, со временем оказалось, что здесь имеются мощнейшие гидроэнергетические ресурсы и в недрах скрыта вся таблица Менделеева.

В качестве поставщиков пушнины государство рассматривало коренные народы Севера, проживавшие в зоне тайги, полярной и заполярной тундры, где с трудом адаптировалось русское население.

Министр финансов императорской России С. Ю. Витте считал, что целенаправленное хозяйственное освоение Сибири нужно было начинать со строительства широтной железной дороги круглогодичного действия, так как речные и гужевые перевозки носили здесь только сезонный характер.

По его мнению, государству не надо было делать ставку на получение немедленной прибыли от затрат на железнодорожное и другое транспортное строительство, их нужно было рассматривать как государственные вложения в развитие региона [2, с. 56].

С. Ю. Витте утверждал, что прокладка железной дороги даст импульс развитию хозяйственной деятельности в сибирском регионе, создаст условия для формирования сибирского рынка и участия Сибири в общероссийском и международном разделении труда [2, с. 41, 56, 74].

Как показала практика, для реализации крупных транспортных проектов в Сибири необходимо было создание специализированных управленческих структур, отвечавших за планирование всего комплекса работ строительства, переселения населения, обустройства переселенцев. Для решения этих проблем в 1893 г. был создан Комитет Сибирской железной дороги, который историк А. В. Ремнев считал временным по характеру, но высшим специализированным государственным органом по выработке правительственной политики в отношении Сибири [3].

Прокладывая транспортные коммуникации, государство определяло вектор хозяйственной специализации Сибири как региона зернового хозяйства, а

по утверждению известного историка А. А. Николаева, введением Челябинского перелома, оно добилось его перепрофилирования на молочное животноводство и производство сливочного масла, которое стало основным продуктом сибирского экспорта [4, с. 38, 39].

Председатель Совета Министров Российской империи П. А. Столыпин после поездки в 1910 г. в Сибирь, совместно с начальником Главного управления землеустройства и земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ А. В. Кривошеиным писал, что Сибирь еще долго будет аграрной территорией, так как для промышленного развития здесь нет ни людей, ни капиталов [5, с. 115].

В СССР в 1930-е гг. XX в. интерес государства к Сибири был связан с продвижением индустриализации на Восток, реализацией Урало-Сибирского проекта и разработкой Ангаро-Енисейской проблемы. Индустриальное развитие Красноярского края сдерживалось нехваткой рабочей силы. Поэтому, планируя размещение в крае предприятий союзных и российских республиканских наркоматов, крайисполком рассчитывал на завоз в 1938–1942 гг. рабочей силы в количестве 930 тыс. человек из других регионов страны [6].

Но государство в силу определенных обстоятельств сделало выбор в пользу первоочередного решения на его территории стратегических задач государства. Мы выделили три очевидных этапа, связанных с реализацией вышеназванного подхода.

Первый этап был связан с разработкой накануне Второй мировой войны, Норильского месторождения полиметаллических руд, чтобы обеспечить независимость страны от зарубежных поставок никеля и других металлов в период критического развития международной обстановки.

Второй этап был связан с превращением Красноярска в годы Великой Отечественной войны в крупный промышленный центр оборонного значения, где производились оружие, боеприпасы, средства связи, паровозы, оборудование для металлургической и химической промышленности страны.

Третий этап, с 1949 по 1953 г., был связан с тем, что Красноярский край был выбран в качестве одного из плацдармов форсированного развития цветной металлургии и создания атомной промышленности СССР.

Следует отметить, что на каждом из указных этапов создавали чрезвычайные органы центрального управления для решения вышеназванных проблем, которые находились вне юрисдикции краевых органов власти и управления. В частности, в июле 1934 г. управление предприятиями союзного значения к северу от 62-й параллели было передано Главному управлению Северного морского пути (ГУСМП) при СНК СССР.

В годы Великой Отечественной войны основные предприятия края подчинялись отраслевым наркоматам и находились под контролем ГКО.

А в 1949-1953 гг. управление значительной частью производственного комплекса Красноярского края было передано «Главному управлению МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае» («Енисейстрою» МВД

СССР) [7]. Это была мощная организация с геологической службой, научными подразделениями, строительными организациями, исправительно-трудовыми лагерями системы ГУЛАГ, в которых содержалось более двадцати двух тысяч заключенных [8]. Будучи закрытой организацией «Енисейстрой» работал в режиме строжайшей секретности, и краевые органы управления были лишены возможности самостоятельного выхода в ЦК КПСС, советы Министров СССР и РСФСР, отраслевые министерства и ведомства.

Главное управление Северного морского пути СНК СССР и Енисейстрой МВД СССР, являясь управленческими структурами общесоюзного уровня, смотрели на край через призму особых, определенных государством, интересов.

После ликвидации «Енисейстроя» краевым органам управления пришлось выходить из искусственно созданной для него изоляции в догоняющем режиме, заново выстраивать отношения с плановыми органами страны, Академией наук, использовать разные способы возвращения отраслевых министерств на территорию края.

После XIX съезда КПСС в 1952 г., который поставил задачу ускоренного развития производительных сил Сибири, Красноярский край был превращен государством в гигантскую строительную площадку. На слабозаселенной территории с уникальными природными ресурсами, можно было с чистого листа быстрее и с меньшими затратами, чем в районах старого освоения, создавать индустриальный мир с новыми городами и более высокими стандартами уровня жизни.

Так как естественный прирост населения Сибири в середине 1950-х гг. не покрывал растущие потребности региона в рабочей силе, то, по мнению специалиста в области демографической истории М. М. Ефимкина, органы управления могли использовать практику «организованной накачки Сибири миграционными потоками» [9, с. 12, 13].

После начала строительства в 1955 г. самой мощной в стране Красноярской ГЭС было положено начало развитию экономики края на мощной гидроэнергетической основе в рамках общесоюзного разделения труда.

Реализация на территории края особых экономических и оборонных интересов государства, развитие гидроэнергетики, тепловой энергетики, цветной металлургии, лесной и деревообрабатывающей промышленности обусловила самые высокие темпы увеличения валового производства в крае, как по отношению к стране, так и ко всему Восточносибирскому региону. Если рост валового производства страны к 1959 г. по отношению к предвоенному 1940 г., составил 428 %, то рост валового производства в Красноярском крае за этот период составил 670 %, в Иркутской области – 527 %, в Бурятской АССР – 275 % и в Читинской области – 205 % [10, с. 68].

Высокие темпы развития края, структура его хозяйственного комплекса, формирование мощной энергетической базы, побудило союзные и республиканские органы управления приступить в начале 60-х гг. к разработке государственных программ освоения природных ресурсов Красноярского края.

Помимо дешевой электроэнергии, край обладал такими благоприятными факторами развития промышленного производства, как высокая водообеспеченность, относительно развитая сеть транспортных коммуникаций. Наряду с широтной Сибирской железной дорогой здесь функционировали Ачинско-Минусинская железная дорога, дороги Абакан – Новокузнецк, Абакан – Тайшет, велось строительство дорог Ачинск – Лесосибирск, Красная Сопка – Кия-Шалтырь, Камышта – Саяно–Шушенская ГЭС. Речные перевозки производились по Енисею и его притокам, доставлялись грузы по Северному морскому пути.

XXII съезд КПСС, принявший «программу построения коммунизма», поставил задачу в течение 20 лет в Восточной Сибири завершить строительство Братской и Красноярской ГЭС, построить Саянскую, Усть-Илимскую, Богучанскую, Енисейскую, Осиновскую, Нижне-Тунгусскую гидроэлектростанции. В районе Канско-Ачинского угольного бассейна в 1961–1980 гг. – построить сверхмощные Итатско–Боготольскую и Тайшет–Ирша-Бородинскую тепловые электростанции [11].

Научно-исследовательским и проектным институтам было поручено разработать программы комплексного освоения природных ресурсов края. О масштабах этих программ можно судить по материалам обсуждения Проектов районной планировки Ангаро-Енисейского промышленного и Причулымского промышленного районов, рассмотренных на заседании краевой плановой комиссии в феврале 1968 г.

По проекту районной планировки Ангаро-Енисейского промышленного района на территории нижнего течения Ангары и среднего течения Енисея площадью 270 тыс. кв. км. предлагалось разместить Енисейско-Маклаковский лесопромышленный узел с населением 120–140 тыс. человек; Средне-Енисейский энергопромышленный узел (на основе Средне-Енисейской ГЭС) на 150 тыс. человек; Нижне-Ангарский горнопромышленный район на 80 тыс. человек; Богучанский лесопромышленный узел (на основе Богучанской ГЭС) на 60–100 тыс. человек. Городское население Ангаро-Енисейского промышленного района предполагалось довести до 450–500 тыс. человек [12].

На территории района Причулымского промышленного района предлагалось построить угольные разрезы мощностью 300–500 тыс. т. угля в год, разместить 10–22 ГРЭС мощностью 55–100 млн кВт., Боготольский завод слесарного инструмента, нефтеперерабатывающий завод на Критовской площадке возле Ачинска и довести городское население района до 1,5 млн человек.

Как показала практика реализации крупных хозяйственных проектов на территории Красноярского края, отраслевые министерства, как правило, исходили из приоритета собственных интересов перед интересами других министерств и особенно интересами административно-территориальных образований, на территории которых они занимались выполнением своих производственных программ.

Эти проекты были нацелены на быстрое вовлечение природно-сырьевых ресурсов края в хозяйственный оборот, но масштабы изменения природной

среды под воздействием водохранилищ гидроэлектростанций и гигантских карьеров с открытой добычей угля были сопоставимы с изменениями геологического характера.

Краевая плановая комиссия как орган крайисполкома проводила экспертизу всех заявленных проектов. Некоторые из них в рамках своей компетенции она отклоняла и почти по всем проектам требовала доработки или переработки. Однако в годы 8-й пятилетки (1966–1970 гг.), когда в СССР еще не было жестких требований к охране окружающей среды, край совершил мощный индустриальный рывок. За годы пятилетки в крае было сдано в эксплуатацию более 100 крупных предприятий и производств, в том числе Ачинского глиноземного комбината, самого северного в стране газопровода Мессояха-Норильск, за Полярным кругом завершилось строительство Хантайской ГЭС [13].

Объем промышленной продукции, выпущенной в крае в 1970 г., оказался сопоставим с объемом продукции, выпущенной за годы всех пяти первых пятилеток. Причем прирост производства электроэнергии, никеля и платиновых металлов в стране, происходил за счет увеличения их производства в Красноярском крае [14, с. 229–235]. Но по мере экономического роста все более очевидными становились противоречия территориальных и отраслевых интересов и ущерб, который наносили предприятия разных отраслей промышленности природным комплексам края.

В целях более тщательного согласования отраслевых планов работы на территории региона на долговременной основе, Центральный научно-исследовательский экономический институт при Госплане РСФСР, по поручению правительства, разработал «Схему развития и размещения производительных сил Восточно-Сибирского экономического района на 1971 – 1980 г.» [15].

Учитывая особо крупные масштабы хозяйственного освоения Красноярского края, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в феврале 1971 г. принял Постановление № 65 «О мерах по дальнейшему Комплексному развитию в 1971–1980 годах производительных сил Красноярского края». Оно предусматривало: довести выработку электроэнергии до 73–76 млрд квт.ч, добычу угля до 47–50 млн т, производство кормовых дрожжей – до 200 тыс. т, бумаги – до 300 тыс. т, целлюлозы до 600 тыс. т и т.д. [16].

В крае в годы первой красноярской десятилетки было развернуто строительство пяти крупнейших ТПК: Центрально-Красноярского, Саянского, Северо-Енисейского, Нижне-Ангарского, Канско-Ачинского ТЭК. Энергетическим ядром каждого из них, за исключением КАТЭКа, сориентированного на развитие теплоэнергетики, являлась либо действующая, либо строящаяся гидроэлектростанция.

Формирование в крае территориально-производственных комплексов и промышленных узлов позволило за 1971–1980 гг. увеличить производство промышленной продукции в 2–3 раза. За второе пятилетие первой красноярской десятилетки в эксплуатацию в крае были введены 5 агрегатов Саяно-Шушенской ГЭС, стали выпускать продукцию объединение «Абаканвагонмаш», Красноярский завод автомобильных прицепов, заводы Минусинского электротехнического комплекса. В ходе реализации заданий первой десятилетки был накоплен опыт, необходимый для выполнения задач второй краснояр-

ской десятилетки, сформулированных в постановлении Совета Министров РСФСР от 25 февраля 1981 г. «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1981–1990 годах производительных сил Красноярского края» [17].

Проблема усугублялась тем, что сдвиг промышленности на север с хрупкими экологическими системами, где работали Норильский горно-обогатительный комбинат, Усть-Хантайская ГЭС, газопровод Мессояха – Норильск и другие требовали создания для жителей заполярных городов и рабочих поселков продовольственной базы в районах, пригодных для сельского хозяйства. Норильский комбинат, по данным природоохранных органов, своими, на расстоянии 400 км по господствующему направлению ветров, не только уничтожил оленьи пастбища, но и нанес удар по важнейшей отрасли традиционного хозяйства коренного населения [18].

Возмещение угодий, утрачиваемых при затоплении водохранилища Богучанской ГЭС, предусматривалось в Иланском и Нижнеингашском районах. Но эта проблема могла до крайности обостриться в случае строительства проектируемых ГЭС. Тем более что велось активное освоение территории, пригодной для производства сельскохозяйственной продукции, Красноярского промышленного района, на который приходилось почти 40 % производства промышленной продукции Красноярского края и 10,8 % его сельскохозяйственной продукции.

Природоохранные службы страны, РСФСР, Красноярского края в конце 80-х гг. опубликовали данные о радиоактивном загрязнении Енисея водами проточного охлаждения реакторов по производству оружейного плутония; о нарушении водного режима из-за добычи угля и железной руды открытым способом; об истощении лесных ресурсов на притрассовых территориях; о загрязнении воздушного и водного бассейна края; об ухудшении экологических условий жизни и значительном росте заболеваемости.

В экономическом отношении платой за дешевые природные ресурсы, стало удорожание их добычи в связи с расходами на поддержание экологического равновесия. В социальном отношении временный рост экономики в восточных районах страны обернулся опасным для жизни людей загрязнением окружающей среды.

Приведенные нами данные дают возможность отнести Красноярский край к фронтальным территориям. Он долгое время являлся площадкой для решения особо значимых общесоюзных проблем с особым управлением. Многие проблемы, в том числе экологические, стали осознаваться в процессе развития.

В СССР, несмотря на многочисленные эксперименты, не удалось найти оптимальную модель сочетания отраслевых и территориальных интересов, которая бы минимизировала издержки индустриального развития и работала на решение социальных проблем населения страны и региона.

Но, несмотря на серьезные издержки развития, в 1950-х – первой половине 80-х гг. XX в. удавалось поддерживать экономический рост и решение социальных проблем. Однако в условиях так называемой перестройки руководство страны отказалось от прежнего курса на создание ТПК и промышленных узлов на территории Сибири и Красноярского края. Последующий расчет на то, что рынок все отрегулирует, не оправдал себя в условиях Сибири.

Список литературы и источников

1. Алексеев В. В. Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 11,14.
2. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900 – 1902 гг. Санкт-Петербург, 1912. С. 56.
3. Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) // Историческая энциклопедия Сибири. 2009.
4. Николаев, А. А. Как Сибирь в начале XX в. оказалась в центре мировой торговли маслом // ЭКО. 2016. № 6. С. 38–39.
5. Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Санкт-Петербург, 1910. С. 115.
6. Баланс рабочей силы г. Красноярска на период с 1937 по 1942 гг. в рамках решения Ангаро-Енисейской проблемы. ГАКК. Ф.Р – 1478. Оп.1. Д. 689. Л. 13.
7. Приказ от 18 апреля 1949 г. № 00349. «Об организации «Енисейстроя МВД СССР» - Главного управления МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае» ГАКК. Ф.Р-1929. Оп.3. Д.4. Л.26.
8. ГАКК. Ф.Р - 1478. Оп. 3. Д. 324. Л. 4-10.
9. Ефимкин М. М. Сибирский демографический вектор: ретроспектива и современность // Гуманитарные науки в Сибири. 2010 №.4. С. 12, 13.
10. Козлов А. И. Природные и экономические ресурсы и перспективы развития народного хозяйства Читинской области // Развитие производительных сил Восточной Сибири. Общие вопросы развития производительных сил / отв. ред. В.С. Немчинов. – Москва, 1960. – С. 68.
11. Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС» // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962. С. 93-131.
12. 13. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп 3. Д. 907. Л. 4, 55, 61.
13. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 1004. Л. 4, 48.
14. Выступление товарища В.И. Долгих // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1971. С. 229 – 235.
15. ГАКК. Ф.Р - 1478. Оп. 3. Д. 970. Л.16-20.
16. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совет Министров СССР от 1 февраля 1971 г. N 65 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971 – 1980 годах производительных сил Красноярского края»// http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7477.htm
17. Постановлении Совета Министров РСФСР от 25 февраля 1981 г. «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1981–1990 годах производительных сил Красноярского края» http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196006971&empire=1
18. ГАКК. Ф.Р - 1478. Оп. 3. Д. 1292. Л. 56.

СЕКЦИЯ 3. ЖИТЕЛИ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 621.3.04

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР В ДИНАМИКЕ ФРОНТИРОВ XVII – XX вв.

Дроздов Николай Иванович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ivanov@mail.ru

Андюсев Борис Ермолаевич

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

andjusev@mail.ru

Административное, хозяйственное и социокультурное освоение Сибири являлось зонами фронтиров взаимной адаптации локальных групп русских с факторами экстремальной среды и автохтонных культур. Результатом стало формирование локальных социоэкосистем «Русской Сибири» как «месторазвитий» отдельных конвуксий субэтнуса русских старожилов Сибири. Субэтнос русских старожилов обладал двойным субэтническим и этническим самосознанием, культурно-исторической и территориальной идентичностью, локальными формами и типами жизнедеятельности, традиций, опыта, идеалов и ценностей. Процесс адаптации завершился эволюцией русского этнического характера в сибирский субэтнический характер. Социологические исследования доказывают идентификацию сибирского характера у 90 % современных респондентов. Мы считаем, что сибирский характер, территориальное самосознание, идентичность как психологические факторы, становятся условиями возрождения экономического, социокультурного и этноментального потенциала Сибири.

Ключевые слова: социоэкосистемы «Русской Сибири», фронтиры взаимной адаптации, социокультурные фронтиры общин, конвуксии, субэтнос русских старожилов, самосознание, идентичность, сибирский характер.

SIBERIAN CHARACTERISTICS IN THE DYNAMICS OF THE FRONTIERS IN THE XVII – XX CENT.

Drozdov Nikolay Ivanovich

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ivanov@mail.ru

Andusev Boris Yermolaevich

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

andjusev@mail.ru

Administrative, economic and socio-cultural development of Siberia represented zones of mutual adaptation fronts of local groups of Russians with the

factors of extreme environment and autochthonous cultures. The result was the formation of local socio-ecosystems "Russian Siberia" as a "place of development" ("place of development") individual beliefs of subethnos of Russian old-timers of Siberia. Subethnos of Russian old-timers had dual subethnic and ethnic self-awareness, cultural-historical and territorial identity, local forms and types of life activity, traditions, experience, ideals and values. The process of adaptation culminated in the evolution of the Russian ethnic character into a Siberian subethnic character. Sociological studies prove the identification of "Siberian character" in 90% of modern respondents. We believe that the Siberian character, territorial self-consciousness and identity as psychological factors, become conditions for the revival of economic, socio-cultural and ethnic potential of Siberia.

Key words: socio-ecosystems of «Russian Siberia», frontiers of mutual adaptation, socio-cultural frontiers of communities, convixia, sub-ethnos of Russian old-timers, self-consciousness, identity, «Siberian character».

Процесс непрерывного расширения, хозяйственного и социокультурного освоения Сибири проходил первые полтора столетия в рамках взаимной адаптации русских «засельщиков» с факторами экстремальной среды и автохтонной культуры на окраинах традиционного ареала жизни русского этноса. Присоединение новых земель сопровождалось конфликтами фронтального типа, в центре которых были пограничные отличия социально-политической сферы, общественного бытия, самосознания, культуры, психологии автохтонов и русских. Русскому движению на восток противостояла социозэкосистема присваивающего типа цивилизационного развития. Этническая культура русских пришла здесь к осознанию, что для создания кормящего ландшафта на основе производящего хозяйства, необходима трансформация образа жизни и традиций ради выживания в среде экстремальных факторов. Нетрадиционные для Центральной России условия способствовали изменению хозяйственных умений и навыков, социальных связей, культурных традиций. Результатом его стало новое качественное состояние социума «Русской Сибири» и изменение всех элементов социозэкосистемы края [1, с. 225].

Исходя из актуализации проблемы ставим целью обобщение алгоритма общего генезиса субэтнического характера русских старожилов с позиций динамики локальных сибирских фронтиров XVII – начала XX вв.

В контексте результатов адаптации русских переселенцев мы выделяем в качестве предмета нашего сообщения феномен сибирского характера в динамике адаптации к «вызовам» фронтиров вплоть до XX в.

Актуальность и новизна работы очевидна с позиций оценки фронтиров в Сибири как локально рассредоточенных зон взаимодействий вызовов и ответов в разных вариациях, динамично и качественно меняющегося с каждым столетием. Мы высказываем сожаление, что в сибиреведении не закрепился вывод об итогах локальных адаптационных фронтиров в новой ментальности,

самосознании и идентичности, субэтнического характера у русских старожилов.

Как известно, в оценках фронта первый подход основан на территориальном подходе, где фронт – определенная линия укреплений, установленная зафиксированная граница между русскими и коренными жителями Сибири или соседними государствами. Во-первых наше прежнее изучение вопроса показало, что фактически в Сибири было множество локальных фронтов от прямой конфронтации русских и автохтонов, до состояний взаимных икультураций. Во-вторых, локальная фронтность связана с вариациями сочетаний экстремальных факторов среды, различных автохтонных этносов и культур. В этой связи нам близка позиция Н. Ю. Замятиной о том, что фронт – это «зона особых социальных условий..» [2, с. 75]. При этом наш красноярский коллега, исследователь фронта А. С. Хромых расширил понимание данного подхода, сказать что «можно определить фронт как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества».

Далее, он говорит о динамике фронта в течение ряда столетий: «Целесообразнее говорить не о видах, а о стадиях фронта, так как они последовательно сменяли друг друга. И тогда, внешний фронт – это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением... Внутренний фронт – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. В условиях внутрицивилизационного фронта формируется новое сообщество или особый вариант старой общности на основе различных типов взаимодействия» [3]. Наши исследования показали наличие фронтов на границах локальных старожильческих общин (обществ) и растущего потока переселенцев из Европейской России.

Процесс преобразования враждебной окружающей среды в «свою» среду в ходе адаптации, т. е. процесс «о-свое-ния» был в значительной степени непредсказуемым и качественно иным, чем простое воспроизводство старорусской системы хозяйствования, социальных отношений и культурных традиций на новых землях.

Коренная специфика локального адаптационного фронта подразумевает «способность системы для самосохранения приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой». Поэтому фронт как среда взаимодействия культур включал на одном полюсе традиционную культуру русского этноса, прежний опыт освоения Восточной Европы в IX–XIV вв., опирающиеся на Российское государство. На другом полюсе взаимодействия были комплексы локальных социоэкосистем Сибири от Урала до Тихого океана. Составные компоненты социоэкосистемы в системности содержали сочетание местных природно-климатических факторов, исторические судьбы автохтонных этносов, культур, особенности

хозяйственного уклада и источников присваивающего типа догосударственных сообществ.

Естественно, факторы адаптационных фронтиров в их локальных вариантах вырабатывали общую для сибиряков устойчивость иммунитета, культуру закаливания, формирование стойкости, выдержку, самообладание. Результаты взаимной адаптации человека и природы были представлены в комплексном научном исследовании «Русские старожилы Сибири» 1964 г.: «Свойственные сибирским популяциям по преимуществу коренастое сложение, средняя длина тела и, может быть, сравнительно большая ширина лица сложились в отдаленном прошлом как приспособление к большой затрате физических сил, которая требовалась для освоения новых земель в условиях сибирского климата» [4, с. 165–166].

Показателем преодоления фронтальной «инакости» от противостояния к позитивному образу Сибири в компонентах этнических констант русских в первой половине XIX в., является вывод генерал-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова. «Бесспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, к которой привязаны более внутренних обывателей (т. е. жителей Европейской России), что они с излишеством ценят ее изобилия и удобства» [5]. При этом местные автохтонные народы также во взаимной адаптации с русскими «о-своили» элементы русской одежды, пищи, жилищ, обычаев и христианской религии. Психологическое единение русского и автохтонного населения шло и по линии формирования единой шкалы нравственно-этических ценностей.

Таким образом, согласно учению А. Тойнби о концепции «вызова» и ответа [6, с. 106–141] на рубежах фронтиров XVII – XVIII вв. разнородные консорции русских переселенцев нашли общую цель не в покорении края, а гибкой адаптации к факторам окружающей среды. Мы утверждаем, что для русских Сибирь была не объектом покорения, завоевания, аннексии, но территорией формирования нового «кормящего ландшафта». Вторым этапом «о-свое-ния» стало осмысление сибирского края в качестве «месторазвития» в единстве природно-климатической среды и социума русских старожил.

Процессы наращивания новаций в виде микроаномалий в традициях, поведении, элементах культуры, уклада жизни, в сознании новых поколений русских сибиряков сопровождалась переходами количественных накоплений новаций в новое качество сибирского старожильческого субэтнуса. В этой связи обращение к публицистическому и научному наследию виднейших сибирских исследователей прошлого и настоящего позволит нам по-новому взглянуть на особенности генезиса этнотипа русского сибиряка и субэтнического характера сибирского старожила.

Первые описательные сочинения о Русской Сибири и ее населении выходят в течение всего XVIII в., но попытки изучения края с позиций отличительных особенностей можно выделить в работах декабристов и редких представителей сибирской интеллигенции первой половины XIX в.

Во второй половине XIX в. в трудах публицистов и общественных деятелей А. П. Щапова, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева находим комплексное

изучение итогов адаптации русских в Сибири. Так, Афанасий Прокопьевич Щапов попытался установить взаимосвязь социоэтнических факторов с эволюцией культуры, сознания и поведения русских сибиряков. Эмпирически он выделил русское старожильческое население в «особую русско-сибирскую народность» [7; 8; 9; 10]. С позиций учения о фронтире «по Щапову», русские Сибири – это смешанная этническая «народность», явившаяся результатом консолидации и взаимной ассимиляции русского и аборигенного населения. Мы знаем, что в локальных регионах «глубинной» Сибири вполне воероятно было смешение на первом этапе освоения края, но данное явление нельзя считать исторически закономерным. Видные публицисты Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин поддержали тезис о самобытном культурно-психологическом генезисе русских Сибири, но акцент внимания перенесли на факторы «особого влияния» климата [11; 12; 13]. Дальнейшие описания адаптированных традиций и особенностей характера сибирских старожиллов находим в работах М. Ф. Кривошапкина, Н. В. Латкина, А. А. Макаренко. Считаю важным отметить книгу П. М. Головачева «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь», в которой введено понятие «характер сибиряков» [14].

Исследователи советского периода 1930–1950 гг. иногда возвращались к описанию этносоциальных характеристик старожиллого населения Сибири, но в контексте общих черт культуры русского народа и тиражируемых критических оценок этнической истории и дореволюционных выводов в целом в истории русской Сибири.

Качественный прорыв в изучении русских Сибири был сделан в ходе проведения полевых этнографических и медико-антропологических исследований 1960–1964 гг. Результаты были систематизированы в работе «Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк». Отбросив описательную эмпирику А. П. Щапова и его последователей, участники комплексных исследований доказали наличие локальных особенностей в культуре и вариациях физического типа русских старожиллов. В очерках описаны антропологические типы 12 локальных конвексионных групп сибиряков. Факторами изменений названы места выхода переселенцев, локальные особенности климатической адаптации, роль изоляции, варианты метисации русских и автохтонного населения. [4].

В конце 1980-х гг. историк М. В. Шиловский, а затем в 1992 г. группа ученых РАН вне идеологии, на научной основе согласовали позиции об этносоциальных особенностях русских сибиряков. Предметом исследований историков, социальных историков, историков культуры, этнологов стали этнические процессы, структуры самосознания, эволюция форм культуры, прежде всего повседневно-бытовой, гендерные и семейно-возрастные связи. Ученые сделали вывод, что вплоть до конца XIX – первой четверти XX вв. в целом для России характерен непрерывный, не прекращавшийся процесс образования новых локальных групп этноса. Также были выявлены в динамике изменения самосознания, идентичности, социальных приоритетов и ценностей в различных регионах Сибири [15; 16].

В соответствии с итогами наших исследований последних лет, в Сибири с 1960-х гг. XVIII в. формировалось в ряде поколений сообщество, осознававшее себя отдельной частью русского этноса за Уралом: «На Сибири – мы сибиряки». Одновременно в локальных вариантах формировались местные различия, выражавшиеся в особенностях ведения хозяйства, технологиях земледелия и скотоводства, бытовом укладе, традициях и обычно-правовых нормах, общинном устройстве, установках поведения населения. Мы выявили, что формирование общерегионального, преимущественно русского, субэтноса «сибиряков» завершилось к середине XIX в. [1].

Сибирь в идентичности эндотерриториальных самоуправляющихся локальных общин замыкается в границах своих ценностей, традиций, норм обычного права, локальных укладов, правил и предписаний внутриобщинной организации. На основе взаимных противоречий центра и локальных регионов формируются новые внутренние социокультурные фронтиры в зонах различий в культуре и самосознании представителей русского этноса и субэтноса старожилов («Мы – они», «рассейские» и «сибиряки»).

Самосознание старожилов опиралось на обилие земель, свободу и достоинство личности в отсутствии крепостного права, общинный демократизм, отстраненность от властных структур Европейской части страны. [17, с. 19]. Одновременно современники отмечали, что локальные различия уступают место общесибирскому единению. «Шла великая нивелировка, стирались взаимно острые углы – национальные, религиозные. Постепенно создавалась особая атмосфера Сибири, складывались новые обычаи, нравы, вкусы, верования, обычное право, костюмы, манеры питания, быт, язык» [18, с. 18].

Таким образом, позиция таксономической единицы внутри русского этноса» лежит в плоскости этнокультурной классификации внутренних структур этноса, прежде всего ментально-психологических. Согласно тезису Ю. В. Бромлея субэтнические группы отличаются своеобразием культуры и языка и обладают самосознанием, считая себя одновременно представителями и субэтноса и этноса. Отсюда сибирский старожильский субэтнос – такая единица этноса, которая самовыделяется по признакам двойного самосознания отдельной группы, ее культурных традиций, обычаев, особенностей языкового диалекта в идентичности русских и сибиряков-старожилов [19, с. 53]. При этом концепция двойного сибирского самосознания взаимосвязана с концепцией А. С. Хромых о том, что фронтир есть некоторая зона «особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества». Здесь фронтир – это зоны взаимодействия культур и идентичностей русского этноса и субэтноса сибиряков.

По факторам структурирования идентичностей самосознания различных групп русского населения Сибири в XIX в. можно выделить следующие:

1. «Мы – старожилы». В документах того времени самосознание тех, кто называл себя коренными русскими сибиряками. Это потомки чалдонов

русского Севера, самоходов, казаков, старообрядцев. Это и сознание тех, кто по обычному праву причислен к старожилам, прожив здесь более 25 лет.

2. «Мы – новожилы». Так дистанцировали себя те, кто прожил в Сибири от 10 до 25 лет. Новожилками их считало в общине и старожилое население. По прошествии четверти века они вполне по хозяйственному благосостоянию, семейно-родственным связям, по самосознанию «писались старожилами».

3. «Мы – новоселы». И далее в идентификации следует место выхода (Были мы: тамбы, ре(я)заны, смоляки, вятские, могыли, витебшане). Будучи принятыми в общину, они занимают хронологически верхний слой в динамике «укорененности» в течение первых 3–10 лет. Сибиряки именуют их поселъгой, лапотонами, лапотошниками [20, с. 339].

4. «Мы будем из переселенцев расейских (малороссийских, поволжских, белорусских...)). Данная категория жителей в первые три года проживания в селении еще не приняты в общину. Они обустроиваются, трудятся по найму, арендуют пашни и жилье, строятся, обзаводятся личными связями, ведут себя согласно традиций и стереотипов поведения мест выхода.

Жизнедеятельность общины, внутренний уклад, определяются правилами и традициями старожилов, заветами стариков. На этом строился весь процесс адаптации в общинный мир от новожилков до переселенцев. Один из идеологов изучения сибирской идентичности А.О. Бороноев пишет, что «регионально-территориальная идентичность является чисто культурно-исторической и территориальной идентичностью, которая социально и духовно конструирует и солидаризует население. Территориальная идентичность подчеркивает пространственную, хозяйственную и психологическую обособленность населения, т. е. наличие самостоятельных форм и типов жизнедеятельности, традиций, опыта, идеалов и символов, которые необходимо оберегать, защищать и развивать» [18, с. 18].

Наши многолетние исследования внутреннего мира крестьянской общины Сибири и традиционного сознания старожилов Приенисейского края позволили нам сделать вывод о некоем наборе общепринятых правил поведения, нормах коммуникации, выраженных стереотипных чертах личности старожила. Данные характеристики вполне соизмеримы с качествами, которые именуются чертами национального характера. Поэтому для русских старожилов важным результатом адаптации к факторам Сибири считаем наличие у них сибирского характера. «Сибирский характер – это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт представителей сибирского субэтноса, определяющих привычную манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к социально-бытовой среде, окружающему миру, труду, своей и другим этническим общностям» (Авторская дефиниция – Б. А.).

К аналогичным выводам о качественных изменениях в чертах русского этнического характера у представителей русских сибиряков пришли другие исследователи. Современного социологического исследования по изучению отдельных сторон сибирского характера провела Н. В. Сверкунова. Она выявила, что 77,7 % сегодняшних сибирских жителей утверждают, что и ныне существует сибирский характер, и почти 90 % из них идентифицируют себя с людьми, имеющими этот характер. Из всех опрошенных 58,5 % утверждают,

что они обладают сибирским характером. По мнению респондентов проведенных исследований, в культурно-историческом автостереотипе и внешнем стереотипе основу характера сибиряков составляет самоуважение; особое место занимают такие качества, как выносливость, упорство, честность, расовая непринужденность, демократизм, коллективизм, терпимость [21, с. 21].

Будучи в большинстве оценок категориями публицистическими, «не научными», понятия «национальный харатктер», «этнический характер», «субэтнический характер», могут быть переведены в разряд научных при условии методологического аппарата его изучения. Мы выдвигаем ряд условий научного подхода в изучения сибирского характера на основе:

а) определения методов и способов исследования и выявления набора устойчивых психологических черт сибирских старожил;

б) выявления причинно-следственной взаимосвязи психологических черт и привычной манеры поведения представителей сибирского социума («как должно вести себя»);

в) взаимосвязи психологических черт и установок действий (алгоритмов);

г) исследования полного набора ценностных оценок сибиряков во всех нюансах их отношения к объектам и субъектам внешнего мира.

Разработка психологических характеристик старожил Приенисейского края с позиций понятия субэтнического характера потребовала от нас обратить внимание на изучение темперамента сибиряков, склада ума, чувств и настроений, традиционной культуры в стереотипах поведения. Методами междисциплинарного подхода в изучении субэтнического характера у представителей старожил прошлых веков с долей осторожности можно исследовать тексты исторических и этнографических источников архивов. Характеристики современных жителей Сибири возможно выделить и обобщить в результатах полевых этнографических, социологических, психологических исследований.

Таким образом, на основе многолетнего опыта изучения вопроса, мы полностью поддерживаем мнение профессора А. О. Бороноева, что настало время углубленного изучения феномена русских старожил Сибири как особого этнографического типа и сибирского субэтнического характера. Психологический фактор становится важнейшим для возрождения потенциала Сибири: «Возрождение духа сибирства, сибирской идентичности, менталитета, т. е. сибирского патриотизма и достоинства «Мы – сибиряки». «Сибирь это частица России, но особая по многим параметрам жизни, традициям и мировоззрению» [18, с. 24].

Список литературы и источников

1. Андюсов Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожил Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции. Красноярск, 2004. 247 с.
2. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.

3. Хромых, А. С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и "фронтир" в изучении истории Сибири. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-176783.html>
4. Русские старожилы Сибири. М., 1973. 189 с.
5. Цит. по: Очерки общественного движения в Сибири // Вестник знаний. – Санкт-Петербург, 1908. № 5. С. 608.
6. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. 736 с.
7. Щапов А. П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Русское Слово. 1865. № 1–3.
8. Щапов А. П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Известия Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического Общества. 1872. № 3.
9. Щапов А. П. Историко-географические заметки о Сибири // *ibid.* 1873. № 2.
10. Щапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // *ibid.* 1873. Т. 4,5. и др.
11. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.
12. Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 16-23.
13. Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 17.
14. Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. 300 с.
15. Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX века. Новосибирск, 1989. 145 с.
16. Этнопсихологические сюжеты: из отечественного наследия (Лад, мир, согласие, consensus). М., 1992. 201 с.
17. Болонев Ф. Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири. Новосибирск, 1998. С. 16–37.
18. Бороноев А. О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сборник научно-практической конференции «Российская ментальность: опыт изучения, результаты, достижения». СПб., 2002. С. 18–24.
19. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1984. 393 с.
20. Бережнова М. Л. Группы русских Сибири // История. Культура. Общество: Междисциплинарные подходы. В 2 ч. М., 2003. С. 332-353.
19. Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. 192 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНЕННОГО
ПУТИ Э.Г. КОЛЕСНИКА**

Дворецкая Анна Павловна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
advoreckaya@mail.ru
Суржко Антон Валерьевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
surzhkoanton@yandex.ru

На материалах интервью многолетнего сотрудника Красноярского государственного университета, кандидата исторических наук Эдуарда Григорьевича Колесника рассмотрели пример формирования кадрового потенциала опорного вуза Красноярска в 1980-1990-е гг. Также в статье рассмотрены особенности создания, становления и функционирования исторического факультета КрасГУ, отображена роль заведующего кафедрой истории КПСС (затем – истории России) В. В. Гришаева в этих событиях. Приводятся некоторые сравнительные характеристики научно-образовательной жизни Красноярска и советской Украины.

Ключевые слова: Э. Г. Колесник, КрасГУ, В. В. Гришаев, исторический факультет, Красноярск, Харьков.

**FORMATION OF HUMAN RESOURCES IN THE HISTORICAL FACULTY
OF THE KRASNOYARSK STATE UNIVERSITY ON THE EXAMPLE
OF THE LIFE WAY E.G. KOLESNIK**

Dvoretzkaya Anna Pavlovna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
advoreckaya@mail.ru
Surzhko Anton Valerievich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
surzhkoanton@yandex.ru

Based on interviews with a long-term employee of Krasnoyarsk State University, Candidate of Historical Sciences Eduard Grigorievich Kolesnik, an example of the formation of personnel potential of a flagship university in Krasnoyarsk in the 1980s-1990s. In the article, the features of the creation, formation and functioning of the history faculty of KrasSU, the role of the head of the department of history of the CPSU V.V. Grishaeva in these events. Some

comparative characteristics of the scientific and educational life of Krasnoyarsk and Soviet Ukraine are given.

Key words: E.G. Kolesnik, KrasSU, V.V. Grishaev, Faculty of History, Krasnoyarsk, Kharkov.

Высшее образование в Красноярском крае начинает развиваться достаточно поздно, только в 1930-е гг. Классическое университетское образование – еще позднее, в конце 1960-х гг. Фронтное значение территории существенно сказывалось на формировании университетских кадров, когда значительная часть ведущих специалистов пребывала по распределению из центральных регионов страны. Сюда мы отнесем не только Москву или Ленинград, традиционно поставлявшие кадры в Сибирь, но и Украину. Представления о центре ассоциировались у сибиряков с европейской культурной традицией, ученостью и образованностью. Выходцы центральных регионов страны являлись создателями культурных образцов. В жизни Красноярска, как и целого ряда других провинциальных городов, центральные города России играли особую, патерналистскую роль. Диалог центра и периферии порождает трансформацию сибирского социума, значительно изменял код местности, расширял и обогащал сферу образования и культуры [1].

С момента основания Красноярского государственного университета в 1969 г. в его стенах работало и продолжает работать большое количество преподавателей и ученых самого высокого уровня. Одним из таких специалистов, можно назвать историка Эдуарда Григорьевича Колесника. С 1988 по 2020 гг. его профессиональная деятельность была неразрывно связана с опорным вузом Красноярска несмотря на то, что сам он не только не был красноярцем, но и уроженцем Сибири в принципе. В этом контексте представляется интересным проанализировать трудовой путь Э. Г. Колесника в качестве примера формирования кадрового потенциала КрасГУ, который во многом послужил ядром при создании Сибирского федерального университета.

Основным источником данной статьи послужило интервью Э. Г. Колесника, которое он дал в 2017 г. Историческое интервью в настоящее время является одним из самых необходимых и востребованных методов гуманитарных исследований. Именно на интервью основывается такое направление научной мысли как устная история. Несмотря на характерный для них субъективизм подобные источники представляют невероятную ценность для исследователей. Они позволяют раскрыть аспекты ментальной истории, истории повседневности, семейной истории и т. д. Качественным отличием интервью от мемуаров является то, что в его создании непосредственное участие принимает сам исследователь, которые может вести беседу в нужном русле, задавать уточняющие вопросы, видеть эмоции респондента и т. д.

Эдуард Григорьевич Колесник родился 14 июня 1947 г. в русско-украинской семье в городе Мерефа Харьковской области советской, Украины. Именно с Харьковом связано становление Эдуарда Григорьевича как историка.

Здесь в 1970 г. он окончил исторический факультет Харьковского государственного университета, а десять лет спустя защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность партии большевиков в годы Первой мировой войны по воспоминаниям активных участников событий. Июль 1914 – февраль 1917 гг.». Преподавательскую карьеру Эдуард Григорьевич также начал в Харькове, в государственном институте коммунального строительства.

В 1988 г. Э. Г. Колесник переехал в Красноярск, перейдя на работу в Красноярский государственный университет. Столь дальнему переезду предшествовало знакомство с многолетним заведующим кафедрой истории КПСС КрасГУ Василием Васильевичем Гришаевым. Судьбоносное знакомство двух историков произошло случайно, на одной из московских научных конференций. По словам Колесника, именно знакомство с В. В. Гришаевым сделало для него Сибирь привлекательной для дальнейшей жизни и работы. Кроме того, ситуация, сложившаяся в Украинской ССР, значительно затрудняла профессиональное и творческое развитие. Эдуард Григорьевич вспоминает: «Слишком все было бюрократизировано. Доходило до того, что уже в перспективе светило утверждение всех текстов лекций, планов семинарских занятий на самом высоком уровне, чуть ли не на уровне обкома партии». В свою очередь, характеризуя В. В. Гришаева Колесник отмечает: «Это прекрасный человек. Его самая главная заслуга, на мой взгляд, в том, что он никому не мешал работать, а наоборот только помогал. Он въедливо не вмешивался...» [2].

Спустя несколько десятилетий Эдуард Григорьевич сравнивал жизнь в Харькове и в Красноярске, отмечал, что в вопросе налаживания человеческих отношений ему стало гораздо проще после переезда в Сибирь, где люди вели себя более открыто и искренне. Однако по сравнению с украинским городом, Красноярск ему представлялся более провинциальным, что выражалось, например, в количестве и качестве снабжения. Впрочем, сам Колесник отмечал, что «с этим можно было мириться, это мелочи». Не выделял он и какой-либо особой сибирской идентичности, отмечая, что смена места жительства стала для него переездом «из одного хорошего дома в другой хороший дом». При этом Э. Г. Колесник всегда старался не терять связь и со своей исторической родиной, что выражалось в общении с земляками-украинцами, посещении собраний украинского землячества, чтении книг на украинском языке и т. п. [2].

Формальным поводом приехать в Красноярск и познакомиться с жизнью местного университета для Э. Г. Колесника стала полученная командировка для обучения математическим методам в гуманитарных науках. Возможности университета его впечатлили, и он принял решение остаться в Красноярске в качестве преподавателя. К тому времени В. В. Гришаев уже достиг принципиальной договоренности с ректором о выделении ставки и учебной нагрузки для приглашенного специалиста [2].

Здесь стоит отметить, что высшая школа и вузовская наука Красноярска зачастую черпали ресурсы для своего развития из фонда крупных научных центров на протяжении всего советского периода. Данное взаимодействие

находило выражение во многих формах: передача опыта, повышение квалификации, совместные проекты и т. п. Это способствовало информационному и кадровому обмену, образовательному и научному диалогу, позволяло центральным вузам расширять свою практическую деятельность, а красноярским институтам – избегать застоя, характерного для провинциальных учебных заведений. Таким образом обеспечивался качественный уровень обучения и производственной деятельности [1].

Вначале Эдуард Григорьевич преподавал курс истории КПСС на химическом факультете («Лучше, чем мои химики, историю не знал не один», признавался годы спустя преподаватель), а впоследствии работал на всех факультетах кроме юридического, который, по его словам, был «парафией» Светланы Сергеевны Ставеровой. Говоря о такой дисциплине, как история КПСС, Э. Г. Колесник, вопреки устоявшемуся в постсоветское время мнению, отмечал, что считает эту дисциплину нужной. «Все зависит от того как ее преподавать. Если преподавать из государственной программы курса, то это не совсем интересно, а если увязывать историю КПСС с общей историей России, то это уже другое дело» [2].

Вскоре «жесткая жизненная необходимость» заставила В. В. Гришаева обратиться к Э. Г. Колеснику с просьбой начать преподавать курс истории средних веков, который остался вакантным при создании историко-философского факультета. Несмотря на то, что Эдуард Григорьевич никогда не питал особого интереса к данному историческому периоду в целом и дисциплине в частности, он дал согласие. К заведующему кафедрой у него была лишь одна просьба – организовать стажировку в РГГУ, где в должности проректора по учебной работе работала Наталия Ивановна Басовская – ведущий специалист по истории средних веков в России. Во время стажировки Э. Г. Колесник посетил ряд учебных занятий, собрал необходимую методическую базу, которую сумел доработать и составить свою авторскую программу. Для решения этого вопроса Василию Васильевичу Гришаеву оказалось достаточно составить лишь одно рекомендательное письмо. Во многом это было возможным потому, что ректором РГГУ был однокурсник Гришаева, известный историк и общественный деятель Ю. Н. Афанасьев, их связывала давняя дружба [2].

Будучи неконфликтным человеком, Эдуард Григорьевич умел находить общий язык с большинством своих коллег. Однако наиболее близкие и теплые отношения у него сложились с Иваном Андреевичем Прядко. Называя его добросовестным преподавателем, Э. Г. Колесник отдельно отмечал его работу в историческом клубе «Клио», который он сам создал. И. А. Прядко «сперва выяснил мнения студентов, их отношение к актуальным проблемам нашей истории, а потом предложил собраться на заседании. Сперва там было два-три, может пять человек, потом стало больше. Сборники стали выпускать, где-то средства находили для этого. Он объединил группу таких же энтузиастов, как и он» [2].

В 1999 г. состоялся первый набор студентов на отделение истории, философии и политологии КрасГУ. Это был прообраз будущего историко-философского факультета, а одним из тех, кто стоял у его истоков был Э. Г. Колесник. По его словам, инициатором открытия факультета был Василий Васильевич Гришаев, который давно вынашивал эту идею и в конце концов сумел пролоббировать ее в Москве. Больше года ушло на составление базовой документации нового факультета. В решении ряда бюрократических вопросов большую роль играл уже упоминавшийся И. А. Прядко, который регулярно ездил в Москву, утрясая возникавшие по ходу работы проблемы. После основания факультета Эдуард Григорьевич продолжил преподавать историю средних веков, а параллельно с этим вел курс истории России на факультете иностранных языков [2].

Важной составляющей преподавательского быта для Э. Г. Колесника являлось посещение различных культурных заведений Красноярска, таких как музеи, библиотеки и театры. На протяжении нескольких лет длилось сотрудничество Эдуарда Григорьевича с КИЦем, в котором он не только помогал в организации выставок, но и проводил внеаудиторные занятия со студентами, которые, по его словам, с удовольствием посещали подобные мероприятия. Удалось преподавателю собрать неплохую личную библиотеку, книги для которой он приобретал в местных букинистических магазинах, привозил из Москвы, Санкт-Петербурга и Харькова. А вот одну из главных сибирских природных достопримечательностей знаменитые красноярские «Столбы» Эдуард Григорьевич не посетил ни разу, о чем, по собственным словам, ни разу не пожалел [2].

Таким образом, личный пример Эдуарда Григорьевича Колесника может служить ярким свидетельством того, как в советской системе образования формировался кадровый состав (на долгие годы ставший крепким костяком) относительно молодых вузов, каковым на тот момент был Красноярский государственный университет. Годы работы Э. Г. Колесника совпали с переломным моментом в истории нашей страны – распадом СССР и формированием нового российского государства. В то же время данный период оказался временем расцвета исторического факультета КрасГУ. За более чем 30 лет активной работы Э. Г. Колесник сумел стать одним из символов исторического образования Красноярска, а его заслуги были отмечены присвоением звания почетного работника сферы образования Российской Федерации, многочисленными почетными грамотами и благодарственными письмами. Несмотря на то, что летом 2020 г. Эдуард Григорьевич вышел на заслуженный отдых, он по-прежнему является желанным гостем в стенах университета, где пользуется непререкаемым авторитетом как в научно-преподавательской, так и в студенческой среде. Многие его ученики, в числе которых он выделяет Д. Н. Гергилева, М. Г. Тарасова, А. С. Кузьменко, Р. В. Павлюкевича, в настоящий момент продолжают активно работать на благо университета.

Достаточно большим видится исследовательский потенциал исторических интервью, которые позволяют в более полном объеме воссоздать картину событий прошлого. В связи с этим, перед нынешним поколением

историков стоит важная задача – принять участие в создании как можно большего количества качественных интервью, которые послужат как современным научным работам, так и исследованиям будущего. Четкое и корректное выполнение составления вопросника, проведение интервью и оформление его результатов могут позволить получить данные, представляющие ценность для научного исследования.

Список литературы и источников

1. Колесник Э. Г. Интервью. Запись Дворецкой А. П. Дата: 26.05.2017 // Вспомогательный фонд музея ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».
2. Дворецкая А. П., Гонина Н. В. Красноярск–Ленинград: диалог центра и провинции в советском образовательном пространстве // Город как вызов: сборник статей международной научной конференции. Пермь: Издательство ПГГСПУ, 2014. С. 181–187.

УДК 94(571.51)+ 314.146

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕТНОСТИ СЕМЬИ В ГОРОДАХ СИБИРИ В 1970-Х — 1980-Х ГГ.

Сентябова Мария Викторовна

***Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
m.v._redko@mail.ru***

Статья посвящена исследованию вопросов изменения количества детей в городских семьях Сибири в 1970–1980-х гг. Быстрое промышленное развитие региона в этот период приводит к существенному изменению в жизни сибирского общества. Демографические изменения, происходившие в это время, привели к изменению господствующей модели семьи, а также к увеличению количества неполных семей.

Ключевые слова: Красноярский край, Новосибирская область, Иркутская область, население, демографическое развитие, демография семьи.

THE CHANGE IN THE NUMBER OF CHILDREN IN FAMILIES IN THE CITIES OF SIBERIA IN THE 1970S - 1980S.

Sentyabova Maria Viktorovna

***Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
m.v._redko@mail.ru***

The article is devoted to the study of the issues of changes in the number of children in urban families in Siberia in the 1970–1980 s. The rapid industrial development of the region during this period leads to a significant change in the life of Siberian society. Demographic changes that took place at that time led to a change

in the prevailing family model, as well as to an increase in the number of single-parent families.

Key words: Krasnoyarsk territory, Novosibirsk region, Irkutsk region, population, demographic development, demography of the family.

Период 1970–1980-х гг. в истории Сибири можно оценивать как время бурных преобразований. Форсированное промышленное освоение региона приводит к радикальным изменениям в жизни сибирского общества. Но при этом трансформация таких демографических показателей, как рождаемость, детская и младенческая смертность, численность и состав семей имела разную динамику в отдельных частях Сибири. Особенно ярко это проявляется на примере изменения детности, т. е. среднего количества детей в семье.

Интерес к таким темам, как состав семьи, соотношение желаемого и реального количества детей в отечественной науке возник во второй половине 1970–1980-х гг. на волне интереса к репродуктивному поведению населения, вызванной осмыслением процессов второго демографического перехода. В этот период возникает ряд работ, таких как исследование В. В. Бойко «Малодетная семья» [1], посвященное проблематике снижения рождаемости в крупных городах. Результаты исследований под руководством А. И. Антонова были опубликованы в таких трудах как «Социология рождаемости» и «Второй ребенок» [2; 3]. Этим же вопросам был посвящен вышедший в 1986 г. сборник статей «Детность семьи: вчера, сегодня, завтра» [4]. В последующие годы исследователи поднимали темы связи количества детей в семье с семейной политикой советского государства [5], однако до настоящего времени наблюдается нехватка работ, опирающихся на региональный сибирский материал. В данной статье мы исследуем проблему детности, опираясь на материалы трех сибирских регионов: Красноярского края, Новосибирской и Иркутской областей.

Если мы обратимся к данным Всесоюзных переписей населения 1970 и 1989 гг., то можем отметить четкую тенденцию к сокращению количества детей в семье. Так, количество детных семей в городах Красноярского края за этот период выросло на 100 тыс., с 362 331 до 463 636 семей. Больше всего – с 135 283 до 190 340 – увеличивается число семей с двумя детьми. Количество однодетных семей вырастает с 181 904 до 235 070. В то же время многодетных семей становится гораздо меньше: число семей с тремя детьми с 33 745 сокращается до 31 165, а семей с четырьмя и более детьми – с 11 399 до 7 061 [6, с. 141; 7, л. 22].

На наш взгляд, приведенные данные наглядно демонстрируют наблюдаемый в этот период процесс утверждения в сознании сибирских горожан субъективной установки на малодетность. По данным С. А. Рафиковой, для Сибири в среднем было характерно преобладание сознательной установки на рождение не более двух детей [8, с. 117]. Это подтверждает не только продемонстрированный выше резкий перепад между количеством семей с двумя и с тремя детьми, но и стремительное увеличение этого разрыва. Если в 1970 г. в городах Красноярского края семей с тремя детьми в 4 раза меньше, чем двухдетных, то к 1989 г. – уже в 6 раз. Похожая ситуация наблюдается и в случае многодетных семей: если в 1970 г. семей с

тремя детьми в 2,9 раз больше, чем семей с числом детей больше трех, то в 1989 г. – уже в 4,4 раза. И это при том, что разница между количеством однодетных и двухдетных семей, наоборот, несколько уменьшается: если в 1970 г. двухдетных семей было в 1,34 раза меньше, чем однодетных, то в 1989 г. разрыв сокращается до 1,23 раза [6, с. 141; 7, л. 22].

Если сравнить Красноярск с другими регионами, то можно отметить интересную тенденцию. На 1970 г. доля детных семей в городских поселениях Красноярского края и Новосибирской области отличалась незначительно – 79 и 80,3 % из всех семей соответственно [6, с. 141; 9, с. 50]. Но при этом, как видно из таблицы 1, доля однодетных семей в городах Новосибирской области была значительно выше по сравнению с Красноярским краем – почти 52,9 % против 50,2 %. При этом доля двухдетных семей в обоих регионах была одинакова, а вот процент семей с тремя, четырьмя и более детьми в Красноярском крае был существенно выше.

Таблица 1

Количество детей в городских семьях Новосибирской области и Красноярского края в 1970 г.

Детная семья	Красноярский край		Новосибирская область	
	Количество	%	Количество	%
	362 331	100	312 385	100
1 ребенок	181 904	50,2	165 417	52,9
2 ребенка	135 283	37,3	116 497	37,3
3 ребенка	33 745	9,3	23 455	7,5
4 ребенка	7 958	2,2	4 836	1,5
5 и более детей	3 441	0,9	2 180	0,7

Составлено по 6, с. 141; 9, с. 50.

Если же мы обратимся к аналогичным данным по Красноярскому краю и Иркутской области за 1989 г., представленным в таблице 2, то сможем отметить несколько интересных моментов.

Таблица 2

Количество детей в городских семьях Иркутской области и Красноярского края в 1989 г.

Детная семья	Красноярский край		Иркутская область	
	Количество	%	Количество	%
	463 636	100	397 282	100
1 ребенок	235 070	50,7	190 080	47,8
2 ребенка	190 340	41	164 549	41,4
3 ребенка	31 165	6,7	34 296	8,6
4 ребенка	4 827	1	5 708	1,4
5 и более детей	2 234	0,5	2 649	0,6

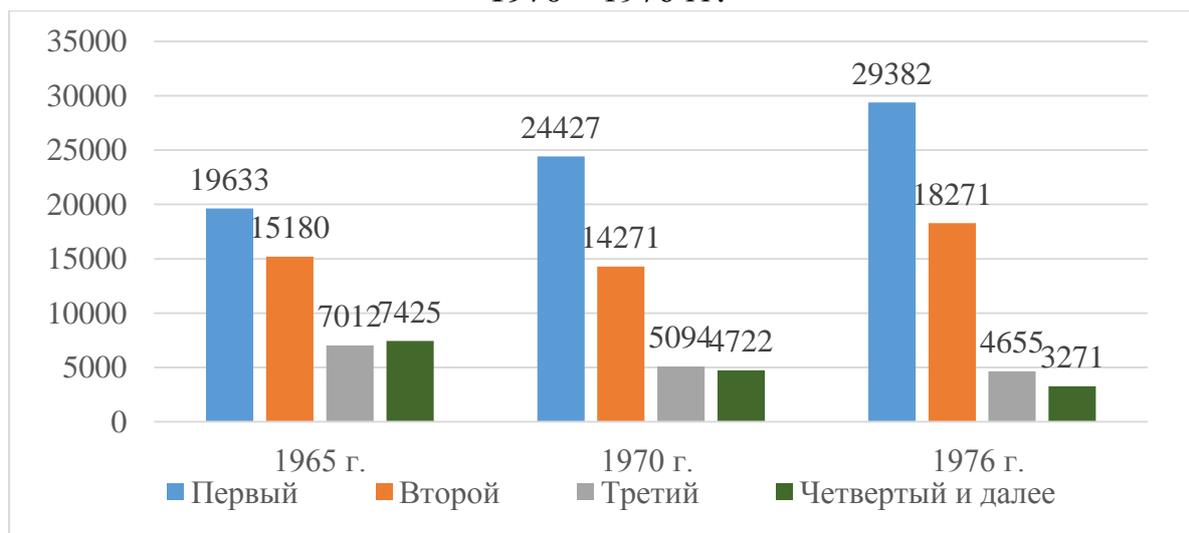
Составлено по 7, лл. 22, 229.

С одной стороны, за период с 1970 по 1989 г. в городских поселениях Красноярского края отмечается увеличение доли двухдетных семей за счет уменьшения долей семей с тремя, четырьмя и более детьми при сохранении стабильного процента семей однодетных. В то же время разница между долями однодетных и трехдетных семей в городах Красноярского края и Иркутской области в 1989 г. весьма схожа с разницей аналогичных семей в городах Новосибирской области и Красноярского края в 1970 г., что позволяет сделать предположение о распространении тенденции к сокращению детности в Сибири от Новосибирска к Красноярску, а затем Иркутску, вместе с ростом населения городов.

Динамику процесса сокращения количества детей в семье в сибирских городах демонстрируют и данные о рождаемости у многодетных матерей, представленные на диаграмме. В Красноярском крае в 1970-х гг. число первых и вторых детей неуклонно растет, в то время как количество третьих, четвертых и далее – сокращается.

Диаграмма

Распределение родившихся по порядку рождения в Красноярском крае, 1970 – 1976 гг.

Составлено по: 10, л. 42.; 11, л. 75.

На начало исследуемого периода, в 1970 г., из всех родившихся детей 9,9 тыс. чел. или 20,3 %, родилось у матерей, до этого уже родивших двух и более детей. К 1980 г. доля таких детей сокращается до 13,2 %.

Похожую картину рисуют и данные по городским поселениям Иркутской области. Если в середине 1960-х гг., т. е. до начала исследуемого периода здесь доля детей, родившихся третьими, четвертыми и далее составляла 18,3 %, то к началу 1970-х гг. она сокращается до 12,9 %, а к концу 1970-х гг. – до 11 % [6, с 140].

Можно согласиться с мнением Н. В. Гониной, которая в своем исследовании называет этот процесс «перераспределением числа детей»: те семьи, которые раньше произвели бы на свет шестерых и более детей,

останавливаются на четверых, те, кто в иных условиях завел бы трех детей, теперь рожают одного или двух [6, с. 141]. Когда большая часть семей в обществе имеет одного или двух детей, семьи с пятью или шестью детьми становятся редкостью и неизбежно начинают восприниматься как несовременные [8, с. 117]. Соответственно, наиболее распространенным типом многодетной семьи становится семья трехдетная. Таким образом, изменение репродуктивного поведения городского населения Сибири приводит к формированию здесь новых демографических механизмов и культурных регуляторов рождаемости [12, с. 536].

Если обратиться к анализу состава детных семей в сибирских городах, то можно увидеть, существенное преобладание доли нуклеарных и неполных семей. Так, из 1 000 семей, проживавших в 1970 г. в городах Новосибирской области, 681 семья состояла из одной брачной пары, причем 76 % из них имели детей. 463 семьи из 1 000 состояли из родителей с одним или двумя детьми (252 и 211 семей из 1 000 соответственно), и только 56 – из родителей с тремя и более детьми. 159 семей из 1000 состояли из семейной пары, проживавшей вместе с родителями одного из супругов или другими родственниками, из них 59 семей имели одного ребенка, 54 – двух и только 13 – трех и более. К семьям, состоящим из матери с детьми относились 127 семей из 1 000, причем в 92 из них имелся один ребенок, в 28 – два ребенка, и только в 7 – больше двух детей. И только 32 семьи из 1 000 состояли из матери-одиночки и других родственников [9, с. 50–53]. Интересно, что к 1979 г. в городах Новосибирской области можно отметить некоторое сокращение доли семей с детьми по сравнению с бездетными семьями. Так, количество семей, состоящих из одной брачной пары сокращается до 645 на 1 000 семей, из которых детными были уже 60 % (против 76 % в 1970 г.). 155 семей из 1000 приходилось на семьи с одним родителем, причем из них 121 семья состояла только из матери с детьми [13, лл. 35–36].

В Иркутской области к 1989 г. из 1 000 городских семей 625 состояли из одной семейной пары, причем детными из них были 69,8 %. Из этого числа 180 семей имели одного ребенка, 203 – двух и только 53 – трех и более детей. К семьям, состоящим из семейной пары с родителями или другими родственниками, относились 128 семей из 1 000, причем из них семей с одним ребенком – 46, с двумя – 35, с тремя и более – всего 10. 80 семей из 1 000 составляли матери-одиночки с детьми, из них в 55 семьях насчитывался один ребенок, в 21 – два и только в 4 – больше двух детей. И всего лишь 17 семей из 1 000 состояли из матери-одиночки и других родственников [14, лл. 129–136].

Что интересно, если в городах Новосибирской области в 1970 г. супружеских пар с одним ребенком было больше, чем двухдетных, то в городах Иркутской области к 1989 г. супружеских пар с двумя детьми, наоборот, было несколько больше, чем пар с одним ребенком. А вот однопородных матерей-одиночек и там, и там было значительно больше, чем с двумя детьми. Таким образом, можно было сделать вывод, что в исследуемый период в городах

Сибири доля одиноких матерей была довольно высока. Как минимум каждый десятый сибирский городской ребенок к 1989 г. жил в неполной семье.

Если же сравнить данные о детности неполных семей, представленные в таблице 3, с уже озвученными данными о детности супружеских пар, то можно отметить тенденцию к увеличению разрыва между долей однодетных и двухдетных семей.

Таблица 3

Сравнение количества семей, состоящих из одинокого взрослого с детьми в городах Иркутской области и Красноярского края в 1989 г.

Семьи:	Красноярский край	Иркутская область
с 1 ребенком	41 840	25 783
2 детьми	13 947	13 574
3 детьми	2 065	2 289
4 детьми	332	407
5 детей ⁷¹	105	128

Составлено по 7, лл. 22, 229.

В неполных семьях одного ребенка заводили чаще, чем двух. Также доля многодетных среди матерей-одиночек была ниже, чем среди супружеских пар.

Таким образом, на протяжении 1970–1980-х гг. в крупнейших Сибирских городах отмечается тенденция к сокращению количества детей в семье. С одной стороны, это можно связать с утверждением двухдетной семьи как желаемой семейной модели, а с другой – с увеличением количества неполных семей, объективно менее склонных к рождению большого количества детей, чем нуклеарные семьи. Имеющиеся данные позволяют предположить, что эти процессы развивались не одновременно на всей территории Сибири, а постепенно в направлении с Запада на Восток.

Список литературы и источников

1. Бойко В. В. Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. Москва, 1980. 276 с.
2. Антонов А. И. Социология рождаемости. Москва, 1980. 341 с.
3. Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. Москва, 1987. 111 с.
4. Детность семьи: вчера, сегодня, завтра: сборник статей / редкол.: Л. Л. Рыбаковский и др. Москва, 1986. 205 с.
5. Араловец, Н. А. Дети в семьях России. Вторая половина XX в.: демографический аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 128-132.
6. Гонина, Н. В., Вавиленко А. Ю. Многодетная мать в восточносибирском городе: провинциальные аспекты демографического перехода (вторая половина 1950-х – начало 1980-х годов) // Вестник Новосибирского

⁷¹ Данные переписи не позволяют высчитать количество взрослых и несовершеннолетних детей в семьях, где общее количество детей больше 5.

- государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 135-147.
7. Российский государственный архив экономики, Ф.Р. 1562, Оп. 69, Д. 2820.
  8. Рафикова С. А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. – Красноярск, 2019. 484 с.
  9. О численности и составе семей в Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Статистический сборник. Новосибирск, 1973 г. 86 с.
  10. Государственный архив Красноярского края, Ф.Р. 1300, Оп.8, Д. 5.
  11. Государственный архив Красноярского края, Ф.Р. 1300, Оп.8, Д. 7.
  12. Рафикова С. А. Гендерная революция в сибирской провинции // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань. Москва, 2014. Т. 1. С. 534–537.
  13. Государственный архив Новосибирской области, Ф.Р-11, Оп.6, Д. 1121.
  14. Российский государственный архив экономики, Ф.Р 1562, Оп. 61. Д. 2744.

УДК 94 (654)

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТА И СВЯЗИ В КРАСНОЯРСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Павлюкевич Руслан Витальевич

***Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
autocrator@yandex.ru***

Статья посвящена развитию транспортной системы и связи города Красноярска во второй половине XX в. Начиная с 1950 гг., Красноярск входит в фазу интенсивной урбанизации, городское население обгоняет сельское. Стремительными темпами растет и население самого Красноярска, это накладывается на процессы индустриальной модернизации всего региона. Вместе с этими процессами росла и площадь Красноярска. В этих условиях требовалось развитие транспорта и связи.

Ключевые слова: Красноярск, транспорт, транспортная инфраструктура, урбанизация, вторая половина XX в.

DEVELOPMENT OF TRANSPORT AND COMMUNICATION IN KRASNOYARSK IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Pavlyukevich Ruslan Vitalievich

***Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
autocrator@yandex.ru***

The article deals with the development of the transport and communication system of Krasnoyarsk in the second half of the twentieth century. Starting from

1950s, Krasnoyarsk entered a phase of intensive urbanization. Krasnoyarsk enters a phase of intensive urbanization, the urban population of the Krasnoyarsk region overtaking the rural population. Krasnoyarsk population grows rapidly and it overlaps with industrial modernization of the whole region. Together with the population the area of Krasnoyarsk grew. Under such conditions the development of transport and communication was in demand. The urban space was growing and the population needed transport and communication.

Key words: Krasnoyarsk, transport, transport infrastructure, urbanization, second half of the twentieth century.

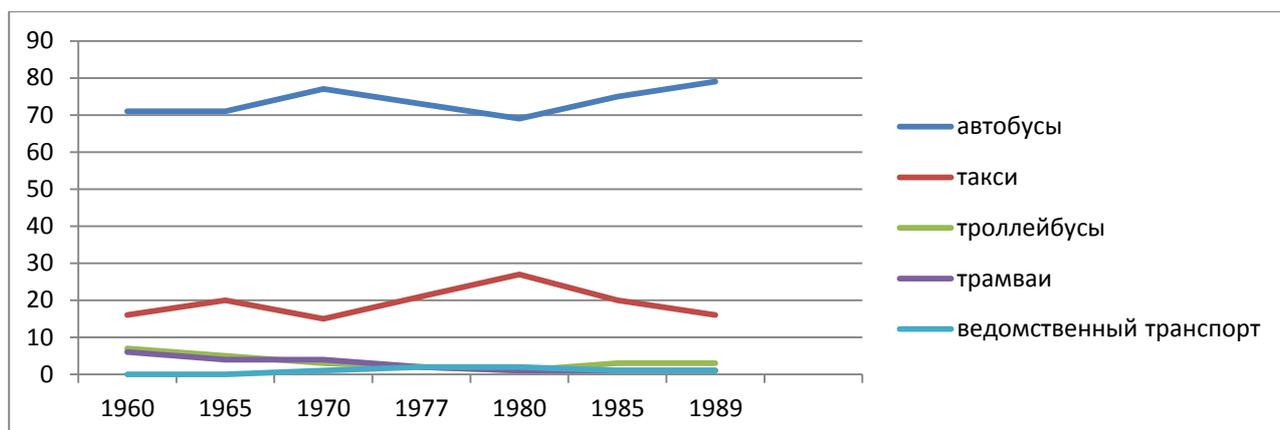
Во второй половине XX в. Красноярский край вошел в стадию индустриальной модернизации, что отразилось на различных аспектах жизни местного общества. Наблюдались процессы интенсивной урбанизации. Городское население росло, а вместе с ростом населения росла и площадь города. Если Красноярск первой половины XX в. представлял собой компактное поселение, то Красноярск второй половины века был совершенно иным. Городское пространство постоянное росло, и вместе с этим у населения возникла острая потребность в транспорте. Времена, когда человеку до своей работы было возможно дойти пешком, уходили в прошлое, все чаще жителям требовалось преодолевать значительные расстояния до работы, места учебы, больницы и т. д. Процессы урбанизации и модернизации требовали развития городской транспортной инфраструктуры и средства местной связи.

Если в 1955 г. на оплату железнодорожного транспорта уходило 37% всех расходов на бытовые нужды, квартплату, оплату транспорта и связи, то к 1985 ее доля сократилась до 29 %, т. е. на 8 %. В начале 1950 гг. городское общество Красноярска было очень динамичным, в него вливались новые люди, а поэтому были высоки и расходы на междугородний транспорт. К 1980-м гг. ситуация стабилизировалось, однако миграция никуда не исчезла, хоть ее значения снизилось. В то же время произошел рост доли расходов на услуги местного транспорта. Если в 1955г. на них уходило 8 % расходов, то в 1985 г. – уже 13%.

Росло население, жилья, домов, районов, микрорайонов, росла площадь города. Если в первые годы города были компактны, вместе с создаваемыми заводами рядом строили жилье для рабочих, то в последующие годы транспорт становился все более необходимым для жизни горожанина. Рост расходов на него мы упоминали ранее в общем анализе расходных статей в начале данного параграфа. Теперь перейдем к его анализу.

Диаграмма 1

Развитие структуры расходов Красноярцев на местный транспорт 1960–1989 гг.

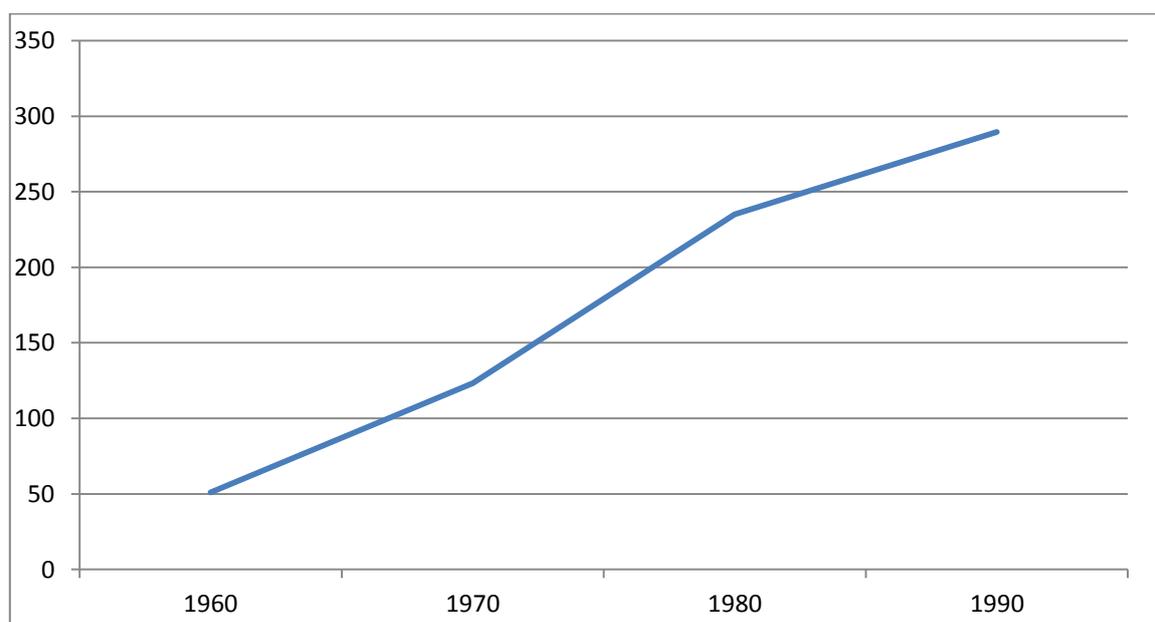
Составлено по: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Мы видим, что главным видом транспорта у населения были автобусы, на них уходила господствующая доля трат: от 69 до 79 % в разные годы. Вторым если не популярности, то по количеству расходов, вопреки словам советской киноклассики, о том, что советский человек на нем не ездит, было такси. Доля расходов красноярцев на такси варьировалась от 16 до 27 %. Столь высокое значение такси в жизни города объяснялось тем, что, по словам респондентов, красноярский местный транспорт работал плохо, количество автобусов, трамваев и троллейбусов было недостаточным, что и заставляло обращаться за помощью к таксистам.

Диаграмма 2

Рост пассажироперевоза красноярским местным транспортом 1960-1990 гг.

в тыс. человек

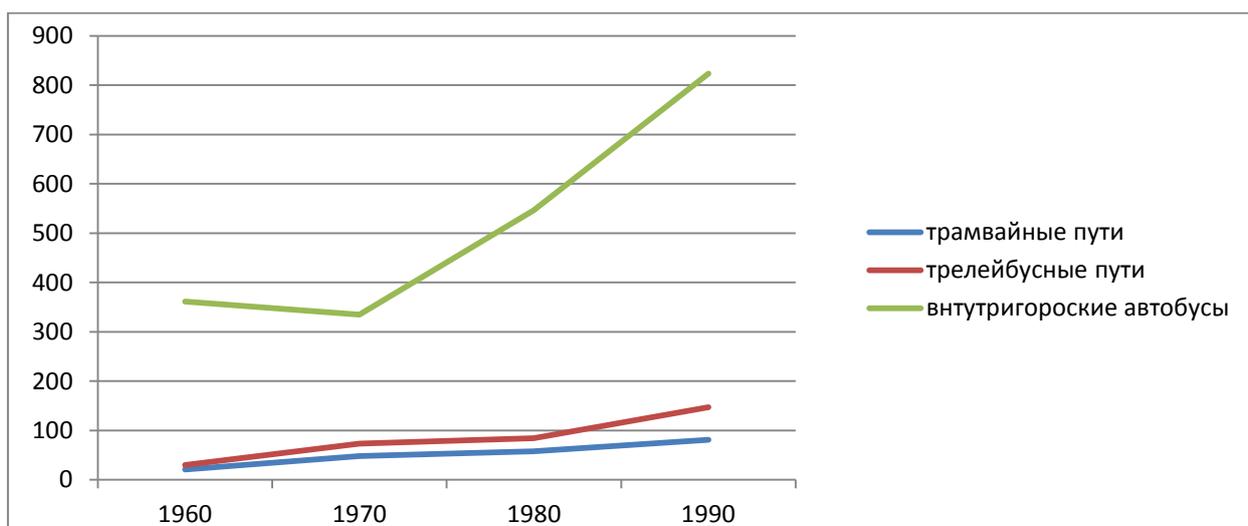

Составлено по: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Как мы видим, пассажиропоток за рассматриваемые годы вырос с 50,9 тыс. человек в 1960 г. до 289,6 тыс. человек в 1990 г., т. е. практически в 6 раз, в то время как населения Красноярска возросло более чем в два раза. Но этого все равно было недостаточно. Числа автобусов для города, который постоянно рос, не хватало, это приводило к чрезмерной загруженности местного транспорта. Ниже представлены диаграммы по развитию непосредственно местного транспорта.

Диаграмма 3

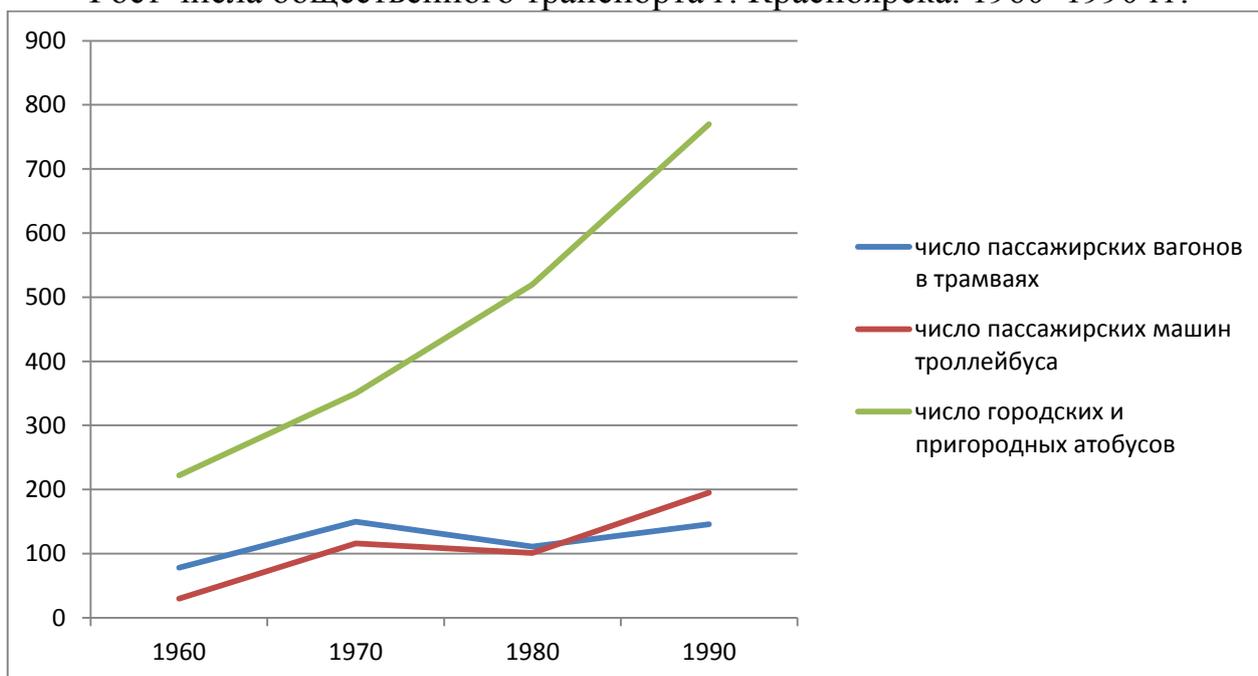
Рост протяженности эксплуатационных путей транспорта г. Красноярска 1960-1990 гг.

Приведено по: 11.

Диаграмма 4

Рост числа общественного транспорта г. Красноярска. 1960–1990 гг.

Приведено по: 11.

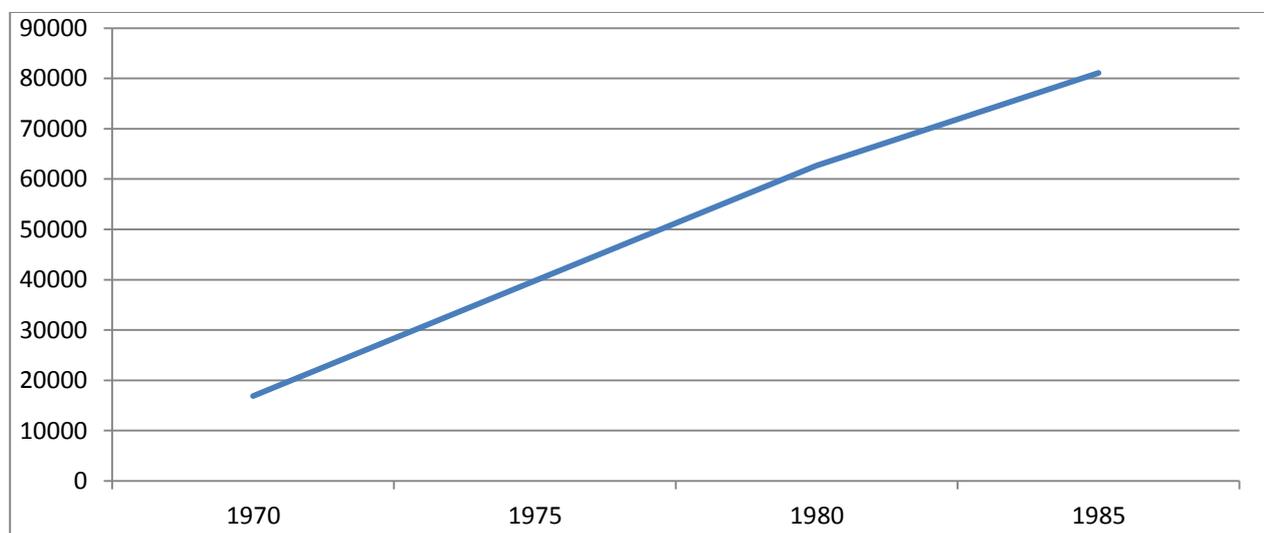
Как мы видим, наиболее динамичный рост был характерен для городского автобусного транспорта. Так, протяженность его путей возросла практически в три раза, а число городских и пригородных автобусов – в 3,5 раза, в то время как пассажиропоток возрос почти в 6 раз. Остальной транспорт рос медленнее, данные цифры подтверждают мнение наших респондентов о недостаточном развитии красноярского автотранспорта в рассматриваемый период, что создавало сложности в жизни красноярцев, снижало их комфорт.

Наконец, важным элементом жизни горожанина был телефон. В условиях деревни телефон – это редкость, необходимая для экстренных ситуаций. Проще дойти до соседа пешком, чтоб что-то обсудить, а с людьми из других деревень и городов можно общаться посредством почты или телеграмма. Для горожанина же телефонная связь была важным каналом социализации, наличие телефонного аппарата в жилье было важным элементом социального статуса горожанина.

Так, на 1950 г. во всех городах Красноярского края было всего 343 телефонных аппарата, уже в 1960 г. их число по краю возросло до 12248. Конечно, часть из них были служебными, но рост телефонной связи был очевиден. Ниже представлена диаграмма роста телефонных аппаратов у красноярцев.

Диаграмма 5

Рост количества телефонных аппаратов у населения Красноярска 1970–1990 гг.

Составлено по: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

В период с 1970 г. по 1985 г., их число в городе возросло с 16900 аппаратов до 81112. Если на 1970 г. на тысячу красноярцев приходилось 26 телефонов, то в 1985 г. – уже 92 аппарата. Фактически телефон был в каждого десятого горожанина, у каждой третьей семье. Рост связи в жизни красноярцев был бесспорен, она становилась все более неотъемлемой ее частью.

В целом, развитие урбанизации и модернизации общества подтолкнуло развитие местной транспортной и телефонной инфраструктуры. Во вторую

половину XX в. Красноярск окончательно превращается в крупный индустриальный центр Восточной Сибири. В то же время развитие транспортной сети, как и телефонной, шло повышенными темпами, но все же не поспевало в полной мере за ростом численности местного населения и его потребностями.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 2. Д. 2167.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 2. Д. 2170.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 2. Д. 4980.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478 оп. 3. Д. 657.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478 оп. 3. Д. 658.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478 оп. 3. Д. 861.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478 оп. 3. Д. 1016.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478 оп. 3. Д. 1980.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478 оп. 3. Д. 1619.
10. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478 оп. 3. Д. 1678.
11. Летопись городов Сибири. Красноярск- 390 лет: стат. сб./Красноярскстат. Красноярск, 2018, 145 с.

УДК 93.616-002.

БОРЬБА С ТУБЕРКУЛЕЗОМ В ГОРОДЕ НОВОСИБИРСКЕ С 1955 ПО 1957 ГОД

*Галыга Елена Эдуардовна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
elena98galyga@gmail.com*

На основе изучения архивных источников города Новосибирска в 1950-е годы XX века и научных публикаций представлен анализ заболеваемости, борьбы и смертности больных туберкулезом по районам города Новосибирска. Создание системы здравоохранения в городе Новосибирске было использовано для решения новых эпидемиологических проблем.

Ключевые слова: туберкулез, Новосибирск, вакцинация БЦЖ, лечение, заболеваемость.

THE FIGHT AGAINST TUBERCULOSIS IN THE CITY OF NOVOSIBIRSK FROM 1955 TO 1957

*Galyga Elena Eduardovna
Siberian Federal University Krasnoyarsk, Russia
elena98galyga@gmail.com*

Based on the study of archival sources of the city of Novosibirsk in the fifties of the twentieth century and scientific publications an analysis of the incidence,

control and mortality of tuberculosis patients by districts of the city of Novosibirsk is presented. The creation of the health care system in the city of Novosibirsk was used to solve new epidemiological problems.

Key words: tuberculosis, Novosibirsk, BCG vaccination, treatment, morbidity.

В современном мире остается все меньше болезней, не поддающихся лечению. Медицина с каждым годом совершенствуется, она способна остановить развитие определенных болезней либо же предотвратить их быстрое распространение. Данное утверждение наглядно показал 2020 г., борьба с новой эпидемией началась незамедлительно и уже к концу года в мире существовало несколько вакцин, способных предотвратить массовое заражение новой инфекцией. Но не от всех бактерий находятся быстрые, надежные вакцины. Одной из таких бактерий является – *Mycobacterium tuberculosis*, известная человечеству с начала его существования. Туберкулезные бактерии выделились около трех миллионов лет назад, современный вид палочка туберкулеза приобрела около двадцати тысяч лет назад.

До 1882 г. главными причинами заболевания туберкулезом считались тяжелая пища, избыток соли и пряностей, тепловатые напитки, горячительные напитки, ненужные кровопускания и слабительные лекарства, сидячий образ жизни и долгие рассуждения жизни.

После 24 марта 1882 г. вся история болезни туберкулеза поделилась на до и после. Основными лекарствами тех лет были кардамон, морской лук, аммониак, сиропы, настойки из цикуты, белладонны и опия. Умиравшим прописывали банки и препараты из ртути, к сожалению, больной не доживал до выздоровления и умирал от побочных явлений препаратов.

Одним из важных факторов выздоровления считался чистый воздух и покой больного. Первый европейский туберкулезный санаторий открылся в прусской Силезии в деревне Герберсдорф в 1854 г. Основная масса санаториев была открыта преимущественно в горах, возле моря, чтобы больной мог лицезреть прекрасные пейзажи природы. В санаториях практиковали такой метод лечения как полный покой.

В России существовало два санатория в Петербурге, построенных еще при Александре III. Санаторий «Халила», ныне он называется «Сосновый бор», в нем могло разместиться всего 102 человека, причем только 20 мест было выделено разночинной публике. Вторым был санаторий Русского общества, на лечение находилось всего 20 человек. Состоятельные люди российской империи отправлялись на лечение за границу, остальные же люди о прохождении лечения в санаториях и не знали.

Большой вклад в борьбу с заболеванием внесли и российские ученые. Лев Александрович Тарасевичем клинически протестировал вакцину, благодаря ему с 1950-х годов двадцатого века вакцинирование детей стало обязательным, а Зельман Ваксам совместно с Альбертом Шацем изобрели стрептомицин, второй в мире антибиотик.

Основательное лечение туберкулеза в России началось в 1950 г. XX в., т. е. с обязательной вакцинации младенцев, смертность привитых детей от туберкулеза была в разы меньше, чем не вакцинированных, но, к сожалению, вакцинация в некоторых случаях имела негативные последствия.

Наибольшим центром заболеваемости туберкулезом была Сибирь [2, с. 1]. Как известно, климатические условия данного региона, очень специфичны, морозы, дожди, сильные ветра, нехватка витамина D, промышленные города, лагеря, неудовлетворительные условия жизни советских граждан все это имело свои причины для бурного роста заболеваемости туберкулеза.

Крупнейший город сибирского региона – Новосибирск, который являлся центром притяжения рабочего населения в середине XX века. С 1950-х гг. начинается новый виток индустриального освоения Сибири, и Новосибирск был центром данных процессов, поэтому ситуация в нем не могла не отражаться на всем регионе. Численность населения города с каждым годом увеличивалась в среднем на 100 тысяч человек [1, л. 10]. Увеличение численности населения способствовало усложнению эпидемиологической ситуации. Статус одного из ведущих промышленных центров Сибири накладывал множество негативных последствий для рядового населения. Выбросы в атмосферу, высокая концентрация людей, тяжелое положение в жилищном и материальном плане у населения все это негативно отражалось на здоровье новосибирцев. Это порождало рост заболеваемости туберкулезом, так как туберкулез является болезнью социально-экономических лишений. В ответ на рост заболеваемости система здравоохранения не могла дать достойный отпор в силу недостатка кадров, аварийного состояния лечебных заведений, ограниченного количества рентгенографического оборудования.

Несмотря на общую тяжелую ситуацию с большим количеством больных туберкулезом в 1955 г., ситуация отличалась от района к району. Загруженность некоторых районов объясняется тем, что в Новосибирск отправляли на лечение людей из близлежащих сел и поселков, в которых не было противотуберкулезных диспансеров. С другой стороны, неравномерность возникла из-за неравномерного распределения диагностической аппаратуры.

Таблица 1

Район	Количество активных больных на I ставку врача		
	1955	1956	1957
Октябрьский	329	183	280
Дзержинский	305	289	234
Центральный	164	157	179
Кировский	172	130	228
Заельцовский	158	146	169
Всего	1128	905	1090

Составлено по: 1, л. 10.

Значительное уменьшение нагрузки на одну врачебную ставку в 1956 г. объясняется не уменьшением числа заболевших, а плохо проведенной агитаци-

ей к диспансеризации. В следующем году допущенную ошибку исправили и летальность больных в стационарах города в 1957 году снизилась по сравнению с 1956 годом на 1,1 [1, л. 38].

Укомплектованность противотуберкулезных учреждений врачами составляла 53,6 %, причем часть из них – это инвалиды труда, пожилые врачи. Только в Кировском районе кадры врачей были полностью укомплектованы, что было связано с тем, что Райисполком оказал помощь диспансеру путем выделения врачам жилплощади. Врачам приходилось, помимо работы с больными туберкулезом, оказывать помощь тем, у кого была диагностирована пневмония, бронхит и грипп. В 1957 г. фтизиатрическая врачебная сеть пополнилась 3-мя молодыми врачами. Необходимой практикой медперсонала стало повышение квалификации [1, л. 4].

Для борьбы с заболеваниями было принято решение об информировании населения – санпросветработа. К плану санитарного просвещения на 1957 г. было предусмотрено не менее 10 % от общего плана на просвещение противотуберкулезной пропаганды. Всего врачами по городу было проведено 149 лекций [1, л. 54].

Одним из путей борьбы с заболеваемостью была вакцинация, в среднем по районам в 1957 г. было вакцинировано 97,5 % из всех родившихся в том году 15309 детей [1, л. 56]. Для сравнения за период 2020–2021 года в Новосибирской области, при численности, примерно полтора миллиона человек, было вакцинировано от COVID-19 всего 33 % от общего числа жителей. При этом агитация за вакцинирование происходит намного активнее, чем в 1950-е г. XX в., но показатели вакцинированных при этом в разы меньше, а значит смертность выше.

Несмотря на проблему кадровой комплектации противотуберкулезных учреждений, сохранения нерешенной жилищной проблемы населения, отсутствия тубкабинета в поселке Пашино, недостатка и перебоев в работе флюорографических установок в Новосибирске борьба с туберкулезом привела к снижению как заболеваемости, так и смертности. Особенно успехи показательны среди детей. Показатель смертности в 1957 г., по сравнению с 1954 г. удалось снизить с 7,4 до 7,0. Среди подростков и детей случаев смертности в 1957 г. и вовсе не было [1, л. 49]. Активная информационная работа среди населения, вакцинация младенцев, массовые осмотры на ранних стадиях, повышение квалификации медработников, организация массового обследования на туберкулез на заводах и крупных предприятиях, проведение дезинфекций в туберкулезных очагах – все это внесло свой вклад в спасение сотен жизней.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Новосибирской области, Ф. П. 279. оп. 1. Д. 282.
2. Гайдаров Г. М. История организации борьбы с туберкулезом в иркутской области//Сибирский медицинский журнал. Вып.6. Иркутск, 2007. С.93-96.

3. Аксенова В. А, Русакова Л. И, Стерликов С. А. Результаты лечения туберкулеза у детей//Туберкулез и болезни легких. Вып.10. Москва, 2021. С. 7–13.
4. Никоненко Б. В, Ажикина Т. Л, Григоров А. С., Линге И. А, Логунова Н. Н, Каюкова С. И. Новый аттенуированный штамм *Mycobacterium tuberculosis* VN. Характеристика, вакцинные свойства // Туберкулез и болезни легких. Вып.10. Москва, 2021. С. 60–65.
5. Супотницкий М. В. Очерки истории чумы. Чума добактериологического периода. Москва, 2006. 468 с.
6. Уэлшман Д. Туберкулез и этническая принадлежность в Англии и Уэльс, 50 – 70 // Институт исследований в области здравоохранения. Вып.6. Ланкастер, 2000. С. 858–882.

УДК 94(571+470) «1940/1951»+314.18

***ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРАСНОЯРСКОЙ ДЕРЕВНИ
ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ***

***Коростелева Валентина Геннадьевна
Славина Людмила Николаевна
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
vgkorosteleva@mail.ru***

В работе охарактеризованы основные тенденции демографического развития сельского населения Красноярского края в 1946–1950 гг. Все процессы рассмотрены в сравнении с аналогичными в РСФСР в целом. Выявлены демографические особенности красноярской деревни. Сделана попытка определить возможность применения теории фронта для изучения истории данной территории в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Красноярский край, сельское население, демографическое развитие, фронт.

***DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF KRASNOYARSK VILLAGE
AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR: GENERAL AND SPECIAL***

***Korosteleva Valentina Gennadyevna
Slavina Lyudmila Nikolaevna
Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P.Astafyev, Krasnoyarsk, Russia
vgkorosteleva@mail.ru***

The paper describes the main trends in the demographic development of the rural population of Krasnoyarsk territory in 1946–1950. All processes are considered in comparison with similar in the RSFSR as a whole. Demographics of the

Krasnoyarsk village have been identified. An attempt was made to determine whether it would be possible to apply the frontier theory to study the history of a given territory in the period under consideration.

Key words: Krasnoyarsk Territory, rural population, demographic development, frontier.

Процессы демографического развития сельского населения, после Великой Отечественной войны являвшиеся основой возрождения деревни, весьма полно освещены в общероссийском масштабе. Но на материалах Красноярского края они до сих пор абсолютно не изучены несмотря на очевидную научную актуальность и практическую потребность в этих знаниях. Цель настоящей работы – рассмотреть, как протекало демографическое развитие возвращавшейся к мирной жизни красноярской деревни, выявить общероссийские закономерности и региональные особенности в основных процессах. Хронологические рамки исследования охватывают 1946–1950 гг. Нижнюю границу определило окончание войны и начало возвращения процессов воспроизводства населения в естественный для мирного времени режим, выбор верхней границы обусловлен тем, что к началу 1950-х гг. жизнь в деревне стабилизировалась, демографические процессы восстановились, вошли в мирное русло и обозначились первые итоги пережитого. Территориальные рамки работы – Красноярский край в границах до 1991 г. Основным источником информации стала текущая демографическая статистика, опубликованная и извлеченная из фонда Красноярского статистического управления в Государственном архиве Красноярского края (КГКУ «ГАКК»). На ее основе сделаны необходимые расчеты.

Сельское население избрано объектом изучения, потому что оно составляло большинство жителей края – перед войной в деревне проживали три четверти красноярцев. Они не имели «брони» от мобилизации на фронт, как многие горожане, и составили абсолютное большинство из 455 тыс. призванных в армию красноярцев [1, с. 156]. Соответственно, на долю сельских жителей пришлось и основные людские потери.

Хотя Красноярский край находился глубоко в тылу, его сельское население сократилось с 1374,5 тыс. чел. в 1939 г. (по переписи) до 1201,0 тыс. на 1 июля 1945 г. (по расчетам Крайстата), что составило 12,6 % [2, л. 5]. Эти потери были вдвое меньшими, чем в целом по деревням РСФСР, но очень болезненными для края при крайне слабой заселенности его территории. Сельское население сократилось не только из-за гибели на полях сражений, но и из-за высокой смертности в деревнях края, резкого падения рождаемости в связи с мобилизацией мужчин на фронт, а также оттока людей в города для работы на эвакуированных предприятиях, в местной промышленности и строительстве. Все они требовали дополнительной рабочей силы, которой остро не хватало в самих деревнях. Причем оттуда «изымались» люди лучшего «демографического качества» – молодые и здоровые, в первую очередь, мужчины, т. е. не только трудовой, но и репродуктивный потенциал. Не

прекращавшийся отток сельчан лишь в малой степени восполняли прибывавшие в край спецпереселенцы, которые направлялись преимущественно в деревню без права самовольной смены места жительства.

Жизнь в красноярской деревне возвращалась в мирное русло с трудом. Война не только сократила численность населения, но и деформировала его половозрастную структуру, которая накануне войны была гармоничной, лучше, чем в сельской местности РСФСР в целом. Доля мужчин в селах края в 1940 г. составляла 49,3 % от всего населения, тогда как РСФСР – 47,9 % [6, с. 136]. По данным переписи 1939 г. в деревнях РСФСР наблюдался дефицит мужчин репродуктивного возраста, в крае – женщин: на 1000 мужчин в группе 20–29 лет приходилось 999 женщин, а в группе 30–39 лет – лишь 968 [7, с. 15]. Таким образом, деревни края испытывали дефицит невест, а не женихов, как сельская Россия в целом.

Представление о демографической структуре красноярцев-сельчан после войны можно составить по спискам избирателей на начало 1946 г. и материалам единовременных отчетов о возрастном-половом составе населения на 1 января 1949–1951 гг., хранящимся в КГКУ «ГАКК». К сожалению, в списках избирателей 1946 г. нет данных о детях и подростках. Но можно условно считать, что пропорция полов у них имела традиционный вид, согласно которому мальчиков среди детей до 15 лет всегда чуть больше. Диспропорции начинаются во взрослых возрастах, о которых в списках имеется информация. Они показывают, в какой степени деформировала соотношение полов в деревнях война (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение полов в разных возрастах сельского населения
Красноярского края в 1946 и 1951 гг.

Возрастная группа, лет	Удельный вес в возрастной группе, %				Число мужчин на 1000 женщин в возрастной группе	
	мужчины		женщины		1946	1951
	1946	1951	1946	1951		
0–4	...	50,6	...	49,4	...	1024
5–9	...	50,1	...	49,9	...	1004
10–14	...	50,0	...	50,0	...	1000
15–19	...	48,8	...	51,2	...	953
20–29	23,0	36,4	77,0	63,6	299	572
30–39	29,6	38,1	70,4	61,9	420	615
40–49	31,8	38,4	68,2	61,6	466	623
50–54	39,5	39,4	60,5	60,6	653	650
55–59	36,6	41,0	63,4	59,0	577	695
60 и старше	37,2	36,5	62,8	63,5	592	575
0 – 100		43,2		56,8	...	761

Составлено по: 2, лл. 3–5, 15

В первый послевоенный год, по данным списков избирателей, на 1000 девушек в возрасте 19 лет приходилось лишь 468 сверстников [2, л. 4]. Причина этого понятна – парни были призваны на срочную службу в армии или совсем уехали из деревни. Те же причины определяли огромную диспропорцию полов в группе 20–29-летних. Большинство отсутствовавших мужчин либо находились в армии (проходили службу или еще не демобилизовались после войны), либо уехали в город. На каждого оставшегося в деревне мужчину этого возраста приходилось более 3-х женщин-ровесниц. Немногим лучшие пропорции имели когорты 30-ти и 40-летних сельчан. Приведенные цифры дают точное представление о «тяжести ран» в демографическом потенциале деревни, с которым начиналось ее возрождение. Видно, что почти две трети женщин наилучших репродуктивных возрастов были насильственно выключены из брачного и детородного процессов из-за нехватки мужчин.

Глубокие диспропорции полов в поколениях старше 50-ти лет были вызваны первой мировой и гражданской войнами, коллективизацией, репрессиями, а также более высокой мужской смертностью. В этих возрастах женщины преобладали абсолютно. Они уже вышли из репродуктивного возраста, но продолжали играть в жизни деревни огромную роль, оставаясь важной частью ее производственного потенциала. Сельские женщины всех возрастов вынесли основную трудовую нагрузку в войну. Ничего не изменилось и после ее окончания. Теперь от них требовалось новое сверхнапряжение сил для возрождения деревни.

За вторую половину 1940-х гг. структура населения по полу улучшилась. Но, несмотря на возвращение демобилизованных воинов и других сельчан, отсутствовавших в 1946 г., значительный диспаритет полов во взрослых возрастах сохранялся и в начале 1950-х гг. (таблицу 1). Принципиально не улучшило ситуацию взросление не воевавшей молодежи, пополнявшей группу 20–29-летних. В ней диспропорция по полу по-прежнему была самой глубокой – на каждого мужчину фактически приходилось по две женщины.

Показатели в группах 30 и 40-летних сельчан заметно улучшились. Но диспаритет полов и в них оставался очень большим. А в поколениях 50 лет и старше пропорции даже ухудшились (за исключением группы 55–59 лет).

Грубо нарушив соотношение полов, война внесла жесткие коррективы в семейно-брачные отношения и ухудшила брачную структуру жителей деревни. Если перед войной в деревнях края были в дефиците «невесты», то теперь они испытывали острый дефицит «женихов». Но, несмотря на это, и в деревнях наблюдалась компенсаторная брачность. Основным толчком для активизации матримониальных процессов стала массовая демобилизация мужчин из армии. Она продолжалась до 1948 г., и соответственно росло число заключаемых семейных союзов. Общий коэффициент брачности у красноярцев сразу после войны был ниже, чем у сельчан в РСФСР в целом (7,6 ‰ против 8,5 ‰) Но в сельской местности республики он поначалу снижался и лишь в 1950 г. превысил показатель 1946 г., а в деревнях края устойчиво рос и уже в 1947 г. стал выше, чем в РСФСР (табл. 2).

Таблица 2

Число заключенных браков в сельской местности Красноярского края
и РСФСР в 1946–1950 гг.

Год	Красноярский край		РСФСР, на 1000 жителей, ‰
	число браков, абс.	на 1000 жителей, ‰	
1946	9070	7,6	8,5
1947	9927	8,3	8,0
1948	10956	9,1	8,0
1949	11922	9,7	8,4
1950	12222	9,8	10,5

Составлено по: 2, л. 182; 3, л. 109, л. 166; 5, л. 176.

Хотя демобилизация из армии растянулась на несколько лет, уже в 1946 г. в деревнях края было заключено на 48,7 % больше браков, чем в 1940 г. [3, л. 109]. Столь резкий скачок и рост в последующие годы их количества объяснялся не только тем, что оформлялись отложенные на время войны браки, но и тем, что в селах края, как и по всей стране, стали регистрироваться уже существовавшие фактические браки (сожительства). К этому всех строго понуждал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., обязавший юридически оформить любые незарегистрированные семейные союзы независимо от срока их существования, даже если одного из супругов уже нет в живых. Теперь государство признавало лишь «законные» браки.

После войны по всей стране ощущался общий духовный подъем, что отразилось на матримониальном поведении сельчан. Браки заключались во всех возрастах: и совсем юные, и уже зрелые люди старше 60 лет создавали «ячейки общества». Наибольшее количество браков возникало среди молодежи. В 1946 г. самую большую группу женихов (31 %) составляли 25–29-летние мужчины, в основном фронтовики. Немногим меньше (28 %) было женихов в возрасте 20–24 года, в большинстве своем тоже успевших повоювать. Браки, будучи преимущественно «молодыми», продолжали «молодеть» и дальше. В 1948 г. самую большую по численности группу – 37,7 % – составили 20–24-летние женихи. Невесты были еще моложе: 61 % из них – в 1946 г. и 65 % – в 1948 г. не достигли 25 лет (табл. 3). Соответственно снижалась доля невест старше 30 лет.

Таблица 3

Браки в сельской местности Красноярского края в 1946 и 1948 гг.,
по возрастам вступающих в брак, %

Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	1946	1948	1946	1948
1	2	3	4	5
До 20	6,2	7,0	13,0	13,6
20–24	28,0	37,7	48,0	51,8

1	2	3	4	5
25–29	31,0	28,5	20,8	20,0
30–34	18,4	14,4	10,1	7,2
35–39	8,2	6,8	4,2	5,0
40–49	5,7	4,0	2,5	1,7
50–59	1,6	0,8	0,5	0,2
60 и более	0,6	0,5	0,2	0,1
Неизвестно	0,2	0,3	0,5	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: 2, л. 212; 3, л. 166.

На брачном рынке в выгодном положении оказались наконец красноярские мужчины. Избыток невест позволял им выбирать жен в широком возрастном диапазоне. Стали нормой браки с большой разницей в возрасте. Из-за дефицита ровесников на селе молодые девушки нередко выходили замуж за людей гораздо старше их по возрасту, а женщины «не первой молодости», случалось, выбирали супруга намного моложе себя.

Характеристика процесса брачности требует анализа его антипода – процесса разводимости. Сами по себе разводы содержат много негативных моментов, но в послевоенные годы они давали шанс устроить свою судьбу женщинам, которым не хватало брачных партнеров. Дефицит мужчин объективно создавал «почву» для роста разводов. Однако их число в красноярских деревнях сразу после войны резко сократилось по сравнению с довоенным временем [2, л. 182, 333; 3, л. 96, 193]. В 1946 г. было учтено лишь 5 разводов. По-видимому, сказывалась специфика послевоенных лет. Семьи воссоединялись долго из-за длительной демобилизации мужчин, и вернувшиеся в деревню главы семейств предпочитали жить спокойной мирной жизнью, а не ломать ее. Из пяти разводов в 1946 г. один приходился на брак сроком около полугода. В остальных случаях супруги прожили около двух лет [2, л. 213].

Не последнюю роль играл Указ от 8 июля 1944г., максимально усложнивший процедуру разводов. Они проводились теперь только в суде – сначала первой инстанции, который должен был примирить супругов, а если примирение не достигалось, то переносились в вышестоящий суд. Госпошлины при разводе выросли в 4 раза.

Несмотря на все меры по укреплению семей, в РСФСР повсеместно начался рост разводов. Деревни края не стали исключением. С 1946 по 1950 гг. разводимость в них выросла почти в 20 раз (с 5 до 94 оформленных разводов). Но ее уровень в крае оставался ниже, чем в РСФСР, а в селах края ниже, чем в городах. Одно из объяснений этому – прочность традиций в деревне, привычка жить по правилу «Один супруг на всю жизнь». Кроме того, жить в деревне и вести полноценно хозяйство без второй половины было трудно. Большая удаленность деревень от райцентров также затрудняла красноярцам возможность оформлять разводы без проволочек и заставляла откладывать их на неопределенный срок. И мало кому хотелось платить пошлину, да еще помещать объявления о разводе в местной газете, как требовал Указ 1944 г. В

1946–1947 гг. в деревнях края на 1000 браков приходилось менее 1 развода. Лишь в 1948 г. их число увеличилось до 1,3, а в 1950 г. – до 7,7 (табл. 4).

Таблица 4

Коэффициент устойчивости браков в Красноярском крае и в РСФСР в 1946–1950 гг., число разводов на тыс. заключенных браков, ‰

Год	Красноярский край			РСФСР всего
	всего	город	село	
1946	3,5	5,7	0,6	7,9
1947	3,7	6,8	0,6	17,5
1948	4,8	8,7	1,3	25,8
1949	6,8	10,8	2,9	34,2
1950	10,4	13,3	7,7	40,7

Составлено по: 8, с. 73; 2, лл. 182, 333; 3, лл. 96, 109, 193.

Официальные разводы до конца 1960-х гг. оставались чрезвычайным событием в деревне. Но это не означало, что в семьях сельчан царил идилия. Меры государства по их цементированию не мешали многим состоявшим в официальном браке мужчинам заводить связи на стороне, не обременяя себя сложной процедурой развода. Судя по числу рождавшихся внебрачных детей, такие связи в красноярской деревне были распространены намного шире, чем в деревнях европейской части страны.

Рост браков сыграл решающую роль в подъеме рождаемости в деревнях края, которая за войну резко сократилась. В 1945 г. в них родились лишь 32,1 % детей от уровня 1940 г. (17,3 тыс.чел. против 53,9 тыс.) [7, с.12]. Но после войны число рождений стало так расти, что приобрело черты бэби-бума. В 1946 г. оно увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 57 %, в 1947 г. – на 25,2 %, в 1948 г. – на 6,8 %. Голод 1946–1947 гг. затормозил темпы этого роста, но не прервал его. Процесс пытался быстро восстановиться, в 1949 г. количество рождений увеличилось на 23,6 %. Однако уже в 1950 г. волна бэби-бума начала спадать – число рожденных уменьшилось по сравнению с предыдущим годом. По-видимому, процесс демографической компенсации исчерпал себя (табл. 5).

Таблица 5

Динамика основных показателей рождаемости в сельской местности Красноярского края и РСФСР в 1946–1950 гг.

Год	Всего родились живыми			
	Красноярский край		РСФСР	
	чел.	на 1000 жителей, ‰	тыс.чел.	на 1000 жителей, ‰
1	2	3	4	5
1946	27 146	22,6	1 327,4	22,1
1947	33 989	28,3	1 444,5	26,4

1	2	3	4	5
1948	36 284	30,0	1 413,7	25,9
1949	44 852	36,5	1 761,9	32,5
1950	44 031	35,9	1 590,2	29,9 (27,5)

Составлено по: 10, с. 138; 2, лл. 176, 182; 3, лл. 99, 123; 5, л. 176.

Статистика показывает, что основные параметры репродуктивного процесса в деревнях края были лучше, чем в деревнях РСФСР. Общие коэффициенты рождаемости были выше, росли непрерывно, тогда как их динамика по сельской местности РСФСР колебалась по годам – имела «пилообразный» вид. Голод 1946–1947 гг. сказался на рождаемости красноярцев меньше. Число рождений в 1947 г. у них выросло, тогда как в деревнях республики в целом сократилось.

Диапазон возрастов сельских рожениц в крае в послевоенные годы был максимально широким, далеко выходил за общепринятые рамки 15–49 лет. Так, в 1946 г. в деревнях края 85 младенцев родили женщины в возрасте 50 лет и старше. 29 из них перешагнули 55-тилетний рубеж, а две стали матерями впервые [2, л. 188]. 27,6 % женщин из этой возрастной группы родили четвертого ребенка, 4,5 % (4 чел.) – одиннадцатого и последующих [2, л. 188; 3, л. 138, 138 об].

Государство активно стимулировало рост рождаемости, чтобы скорее восстановить довоенную численность населения. Проводившаяся в те годы прокреативная политика была жесткой. Немногочисленные экономические меры имели ограниченный характер и в основном направлялись на поддержку многодетных и одиноких матерей. А в целом упор делался на моральное стимулирование (награды и звания женщинам, родившим пять детей и более), но особенно на административные рычаги воздействия. Например, на налоги на бездетность и малодетность, на Постановление ЦИК СССР от 27 июня 1936 г. о запрете аборт, которое предусматривало уголовное наказание за их проведение вне больниц. Но даже столь жесткие меры не были действенными. Аборты, вопреки запретам производили, поскольку являлись как для сельских, так и для городских, женщин главным средством избавления от нежеланных детей. Количество аборт в те годы неизвестно: учтены лишь случаи летального исхода или госпитализации женщин в случае неудачи самостоятельного прерывания беременности.

Война сильно подорвала традиционные устои и нормы морали в стране. С ее окончанием повсюду резко ускорился рост рождений вне официальных браков. Красноярский край выступал среди лидеров в этом процессе. В его деревнях в 1946 г. матери-одиночки родили 7303 ребенка (26,9% от общего числа новорожденных), в 1948 г. – 10814 младенцев (29,8%). Их удельный вес намного превышал тот же показатель по сельской местности РСФСР, поднявшийся с 14,5% в 1946 г. до 18,5% в 1950 г. [11, с. 5]. Причем в крае доля внебрачных рождений была значительно выше в деревнях, чем в городах, а в

РСФСР в целом –наоборот: в деревне существенно ниже, чем в городе. Широкое распространение внебрачных рождений в деревне в эти годы – следствие отсутствия брачных партнеров у женщин, не успевших выйти замуж до войны или потерявших мужа на фронте, а их рост – знак потери ими призрачной надежды на брак в условиях постоянного оттока дефицитных мужчин в города. У женщин оставался единственный путь спасения от одиночества – рожать детей вне законного брака. И они массово шли на это, хотя знали, что обрекают себя и детей на многие трудности, поскольку внебрачные рождения, мягко говоря, не поощрялись государством.

Ярким индикатором состояния общества всегда выступает смертность. К сожалению, официальная статистика смертности в сельской местности Красноярского края в послевоенный период содержит лишь самые общие показатели. Тем не менее, представление об основных тенденциях развития этого процесса они дают.

Ухудшение социально-бытовых условий в деревнях края в годы войны, физическое и моральное сверхнапряжение сил отрицательно сказались на здоровье и продолжительности жизни сельчан, убавив то и другое. Но и с окончанием войны ситуация мало изменилась. В 1945 г. в крае урожай был хуже, чем ожидалось. Это вызвало снижение обеспечения хлебом горожан и голодание сельчан, вообще предоставленных самим себе. Зимой 1945/1946 гг. в 20 центральных районах края и 9 районах Хакасии отмечались случаи обострения хронических болезней и массовой дистрофии [12, с. 187]. Но общий коэффициент смертности в 1946 г. в деревнях края был еще не очень высоким (9,6 ‰) и ниже, чем в РСФСР (табл. 6).

Таблица 6

Динамика общих коэффициентов смертности в сельской местности Красноярского края и РСФСР в 1946–1950 гг., ‰

Территория	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	9,6	12,7	11,4	11,7	12,3
РСФСР	10,6	14,9	12,7	11,0	10,9

Составлено по: 10, с. 211; 2, л. 182; 3, л. 112; 5, л. 176.

Голод, фактически начавшийся в деревне уже зимой 1945/46 г. из-за прекращения выдачи колхозникам продовольствия в счет оплаты труда, обострился недородом в 1946 г., вообще оставившим колхозников без хлеба. Сверхнормативное изъятие осенью 1946 г. продовольственных ресурсов из колхозов привело деревню повсеместному голоду и взлету уровня смертности. Ее общий коэффициент достиг в 1947 г. 12,7 ‰ – максимального значения для края в послевоенный период.

Более низкие общие коэффициенты смертности у красноярцев в 1946–1948 гг. (см. табл. 6) не означают, что она действительно была у них ниже, чем у среднестатистических сельских жителей РСФСР. Реальную ситуацию

искажал статистический эффект. Просто в крае сельчане были в целом «моложе», среди них было меньше стариков, имевших самую высокую смертность. Это и снижало средние показатели.

Статистика не дает полной картины причин смертей в деревнях края в 1946–1950 гг., поскольку тогда еще не было их обязательной врачебной регистрации. Но имеющаяся информация позволяет приблизительно оценить эпидемиологическую обстановку. Она показывает полное господство смертности от инфекционных болезней. Так, была чрезвычайно высокой, как и по стране в целом, смертность от дизентерии и других желудочно-кишечных заболеваний. В списке основных причин смерти населения в городах и поселках края лидировал также туберкулез легких. Такой статистики по всей сельской местности нет, но данные по отдельным территориям позволяют сделать заключение, что и в деревнях края смертность от туберкулеза была высокой [3, л.369, л. 369 об.].

Болезни уносили жизни людей всех возрастов, но наиболее опасными они были для детей. Дизентерия, гастроэнтероколит и другие кишечные заболевания, воспаление легких, туберкулез выступали главной причиной детской и младенческой смертности. Тяжелые социально-бытовые условия вызывали смерти младенцев также от причин, обозначенных как врожденная слабость, преждевременные роды и врожденные пороки развития.

Наибольшие изменения произошли с младенческой смертностью – она резко сократилась к концу войны. В 1946 г. ее коэффициент повсюду в крае был вдвое ниже, чем в 1940 г. Этот феномен отмечался на многих территориях России. Он резко диссонировал с условиями жизни населения, но причины его появления до сих пор не получили объяснения. Более понятна динамика уровня младенческой смертности в 1946–1950 гг. Тогда ее коэффициент был крайне неустойчивым, ежегодно колебался с большой амплитудой. В 1947 г. он резко увеличился, что было естественно в условиях голода, в 1948 г. сильно сократился, потом снова начал расти. В 1950 г. он на четверть превышал показатель 1946 г., но был в 1,8 раза ниже, чем накануне войны (табл. 7).

Таблица 7

Смертность детей в возрасте до 1 года в Красноярском крае и в РСФСР
в 1940, 1946–1950 гг., ‰

Год	Умерло на 1000 родившихся			
	Город	Село	Всего	
			в крае	в РСФСР
1940	201,7	189,6	192,8	214,0
1946	99,8	85,6	91,0	124,0
1947	159,6	108,5	128,5	170,0
1948	103,2	94,0	97,4	118,0
1949	120,0	95,2	104,0	119,0
1950	128,0	102,4	116,5	109,0

Составлено по: 2, л. 182; 3, л. 112; 4, лл. 20, 231; 13, с. 71.

Младенческая смертность в деревне была заметно ниже, чем в городах. Причины этого феномена, отмечавшегося до середины 1960-х гг., тоже не понятны. Возможно, что одной из них стали погрешности регистрации в деревнях. Тогда и пилообразную динамику коэффициента младенческой смертности по годам также проще объяснить этим. Также не исключено, что родители в деревнях были действительно здоровее, чем в городах, и это проявлялось в потомстве.

Уровнем младенческой смертности во многом определялся общий уровень смертности в деревне и структура умиравших сельчан по возрасту, тоже крайне неустойчивая в рассматриваемый период. Например, в 1940 г. дети в возрасте до 1 года составляли 39 % в общем числе умерших в красноярских деревнях, а в 1946 г. – 17,8 %. Столь внезапное постарение сельской смертности было вызвано тем, что в 1946 г. сельчане родили вдвое меньше младенцев, чем в 1940 г. Сократилась их доля в населении и, соответственно, среди умерших (табл. 8).

По мере восстановления демографических процессов возвращалась к норме и возрастная структура умиравших сельчан. В 1947 г. удельный вес младенцев поднялся в ней до 22,6 %, в 1950 г. – до 30,1 %. А в целом на долю детей в возрасте от 0 до 15 лет в начале 1950-х гг. приходилось около половины всех смертей, как и бывает на первых этапах демографической модернизации, на которой находилась деревня.

Таблица 8

Структура умерших по возрасту в сельской местности Красноярского края в 1940, 1946–1949 гг., %

Возраст	1940	1946	1947	1948	1949
До 1 года	39,0	17,8	22,6	24,3	27,7
1–4	19,8	8,4	10,7	13,0	12,4
5–9	2,8	4,8	4,3	3,2	2,7
10–19	3,9	6,2	5,5	6,0	5,1
20–39	7,8	12,5	12,3	12,9	12,1
40–59	8,1	17,0	15,3	13,4	13,3
60 и старше	14,9	32,6	27,4	25,3	25,8
Неизв. возраст	3,7	0,7	1,8	1,9	0,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: 2, лл. 192, 194; 3, лл. 112–113, 142.

Несмотря на низкий уровень жизни, тяжелый труд и быт, примитивное здравоохранение, процесс воспроизводства населения деревни восстанавливался стремительно (табл. 9). Коэффициент естественного прироста, составлявший в 1946 г. лишь две трети от 1940 г., быстро и достиг в 1949 г. наивысшего за все последующие время уровня – 24,8 ‰. Важно, что «цена» воспроизводства стала ниже, чем до войны. Число рождений на 1000

жителей снизилось ненамного, зато сократилось число смертей, и в итоге естественный прирост стал существенно выше предвоенного. Его размеры перекрывали миграцию людей из деревни, и ее население, хоть и медленно (менее чем на 1 % в год), росло. Оно составило к началу 1951 г. 1236,0 тыс. чел. Довоенную численность сельчан восстановить не удалось. Не позволяли огромные потери за годы войны и не прекращавшийся отток людей из деревни после нее.

Таблица 9

Естественный прирост в сельской местности Красноярского края и РСФСР
в 1940, 1946-1950 гг., ‰

Год	1940	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	19,4	13,0	15,6	18,6	24,8	23,6
РСФСР	13,2	11,5	11,5	13,2	21,5	19,0

Составлено по: 2, лл. 176, 182; 3, лл. 99, 112, 123; 5, л. 176; 10, с. 138, 211.

Восстановление демографических процессов завершилось в основном к началу 1950-х гг. В это время в деревне рождалось на 50 % больше детей, чем в городах (15,1 тыс. чел. против 10,5 тыс. в 1950 г.), а размеры естественного прироста были в 2,5 раза выше (29,9 тыс. чел. против 12,2 тыс.). Деревня, как и прежде, давала краю большинство новых жителей.

Демографические процессы восстанавливались и одновременно модернизировались. Это проявилось в небольшом снижении рождаемости по сравнению с довоенным периодом, значительном сокращении смертности, прежде всего младенческой, и в «постарении ее» – уменьшении доли детей среди умиравших сельчан.

Процессы воспроизводства населения быстро восстанавливались благодаря мощному демографическому потенциалу, накопленному в предыдущих десятилетиях. Его сильно подорвала война. Вызванную ею глубокую диспропорцию полов в принципе было нельзя ликвидировать, тем более при постоянном отъезде мужчин из деревни. Тем не менее, демографический потенциал, с которым красноярская деревня вступала в 1950-е гг., неплохо выполнял свои функции. Сельчане оставались относительно здоровыми и крепкими. Все они прошли естественный отбор, выдержав испытания катаклизмами первой половины XX в., включая послевоенный голод, и имели хороший жизненный тонус, который передавали следующему поколению.

Безусловным достоинством красноярцев была их «молодость» (табл. 10). В их возрастной структуре отразились военные потери: демографическая яма, образованная группой рожденных в 1941–1945 гг., малочисленность поколений воевавших мужчин и проч. Но в ней было мало (9,0 %) лиц в возрасте 60 лет и старше – тех, кто имел высокую смертность. Больше 40 % жителей деревни

составляли дети до 15 лет – будущие работники и родители. Репродуктивный потенциал деревни имел высокое качество. Женщины детородного возраста (15–49 лет) составляли свыше половины женской части населения (51,8 %), в том числе самый активный контингент 20–30-летних – 30,8 %.

Таблица 10

Структура сельского населения Красноярского края по возрасту
на 1 января 1951 г., %

Возрастная группа	Оба пола	Мужчины	Женщины
0–4	12,9	15,1	11,2
5–9	7,3	8,4	6,4
10–14	14,3	17,0	12,6
15–19	10,4	11,7	9,4
20–29	16,0	13,4	17,9
30–39	11,8	10,4	12,9
40–49	10,7	9,4	11,6
50–54	4,0	3,6	4,3
55–59	3,6	3,4	3,7
60 и старше	9,0	7,6	10,0
0–100	100,0	100,0	100,0
Чел.	1220447	527070	693377

Составлено по: 5, лл. 15 – 15 об.

Структурный фактор обеспечивал высокую рождаемость и в перспективе: поколение девочек 1930-х г. рождения было еще многочисленнее. Это сулило на ближайшие 10–15 лет большое число рождений

Итак, анализ демографического развития красноярской деревни на основе официальной статистики показывает, что ее население воспроизводилось в рамках общероссийских трендов, но темпы, динамика, параметры всех процессов, а также их результаты у красноярцев существенно отличались. Так, с 1939 по 1951 гг. сельское население сократилось в крае на 10,0 %, а в РСФСР – на 19,8 %. Из-за военных потерь оно «постарело» повсюду. Но красноярцы оставались чуть моложе. К началу 1951 г. лица в возрасте 50 лет и старше составляли среди них 16,6 %, а среди сельчан республики – 17,7 % [5, л. 15, л. 15 об.; 10, с. 55, 101].

Процессы брачности, как и рождаемости, у красноярцев развивались стабильно, у среднестатистических сельчан РСФСР – в рваном ритме. Браков в селах края регистрировалось больше, а разводов – значительно меньше. В них издавна смотрели на отношения полов более свободно, поэтому намного больше было сожителств и чуть ли не вдвое больше рождалось внебрачных детей. Общие коэффициенты рождаемости в крае были выше, смертности – ниже, намного лучшим оказался естественный прирост. Качество демографического потенциала сельской местности края, при всех потерях, было

лучше, чем российской деревни в целом. Таким образом, наличие множества ярких отличий в базовых процессах воспроизводства населения позволяет, на наш взгляд, попытаться рассмотреть демографическую историю края в послевоенный период с позиций теории фронта.

Список литературы и источников

1. Красноярье: путь длиною в век 1917–2014. Очерки истории Красноярского края. Электронное издание. Красноярск: изд. КГПУ, 2016. 320 с.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300 оп.12. Д. 66.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300 оп.12. Д.164.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300 оп.12. Д.209.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300 оп.12. Д.237
6. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
7. В память о Великом подвиге. Факты в цифрах: статистический сборник. Красноярск, 2015. 110 с.
8. Жиромская В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960 / Отв. ред. Ю. А. Поляков. Москва: РГГУ, 2009. 311 с.
9. Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин: статья в сб.науч.тр. / И. П. Ильина // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. Москва: Статистика, 1977. 246 с.
10. Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939–1959 гг.: Проблемы демографического развития. РАН. Ин-т рос. Истории. Москва: ИРИ РАН, 2002. 318 с.
11. Народонаселение: энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.
12. Красноярье: путь длиною в век 1917–2014. Очерки истории Красноярского края. Красноярск: изд. КГПУ. 2016, с.187
13. Андреев Е. М., Царский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России: 1927–1959 гг. Москва: Информатика, 1998. 187 с.

СЕКЦИЯ 4. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 63: 947(571.54)

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ БУРЯТИИ В 1950-1960-е ГОДЫ XX ВЕКА

*Зайцева Любовь Алексеевна
Бурятская государственная сельскохозяйственная
академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия
klio1976@mail.ru*

В статье рассмотрены аграрные преобразования в 1950-60-е гг., показано их влияние на развитие сельского хозяйства Бурятии. Основное внимание уделено проблемам животноводства, созданию кормовой базы. Освоение целины позволило решить, хотя и частично, зерновую проблему. Показан процесс укрупнения колхозов и массовое преобразование колхозов в совхозы. Развитие сельского хозяйства в 1960-е гг. рассмотрено с учетом влияния экономических методов хозяйствования.

Ключевые слова: Бурятия, сельское хозяйство, колхоз, совхоз, целина, животноводство.

FROM THE HISTORY OF AGRARIAN DEVELOPMENT OF BURYATIA IN THE 50-60S OF THE XX CENTURY

*Zaitzeva Lyubov Alekseevna
Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov,
Ulan-Ude, Buryatia, Russia
klio1976@mail.ru*

The article examines the agrarian transformations in the 50-60s, shows their impact on the development of agriculture in Buryatia. The main attention is paid to the problems of animal husbandry, the creation of a forage base. The development of virgin lands made it possible to solve, albeit partially, the grain problem. The process of consolidation of collective farms and the massive transformation of collective farms into state farms are shown. The development of agriculture in the 60s is considered taking into account the influence of economic methods of management.

Keywords: Buryatia, agriculture, 1953, 1965, collective farm, state farm, virgin land, animal husbandry.

В первое послевоенное пятилетие сельское хозяйство вступило ослабленным, с резко сократившимися трудовыми ресурсами, слабой материально-

технической базой. Хотя Бурятия непосредственно не пострадала от военных действий, война наложила свои отпечатки на все стороны жизни и хозяйства. Уровень материально-технической базы сельского хозяйства, достигнутый к 1951 г., позволил механизировать лишь процесс возделывания зерна. Трудоемкие процессы в животноводстве оставались немеханизированными. Животноводство – основная отрасль сельского хозяйства Бурятии было малопродуктивным. Валовая продукция сельского хозяйства республики в 1950 г. составила 78 % к уровню 1940 года [1, с. 60].

Отвлечение значительного числа трудоспособного населения на фронт, сокращение техники и живого тягла в годы войны сдерживали развитие сельского хозяйства. Удельный вес продуктов животноводства в общей стоимости продукции сельского хозяйства республики составлял 76,9 %. Основные показатели животноводства были ниже общесоюзных. Так, если к 1953 г. в целом по Союзу превзойден довоенный уровень по численности всех видов продуктивного скота (за исключением поголовья коров), то в Бурятии еще не был достигнут этот уровень по поголовью крупного рогатого скота и свиней. При этом поголовье коров к началу 1953 г. было меньше, чем к началу 1941 г., и меньше, чем к началу 1928 г. Крайне низкой была продуктивность скота. В начале 1950-х гг. средний надой молока на одну фуражную корову по колхозам составлял от 346 до 485 литров, средний настриг шерсти с одной овцы составил 1,3–1,69 кг. [2, с. 177, с. 180].

Денежные доходы колхозов Бурятии в 1953 г. составляли всего 130 млн. руб. [3, л. 8].

После сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС положение в сельском хозяйстве меняется в лучшую сторону.

С 1953 г. по 1958 г. увеличились капитальные вложения в сельское хозяйство, колхозы и совхозы получили 1585 тракторов и 986 комбайнов, или в 2 с лишним раза больше, чем их поступило за период 1948 по 1952 г. Укрепление материально-технической базы тесно связано с электрификацией деревни, которая в республике была начата фактически в послевоенные годы. В 1950 г. по сравнению с 1945 г. количество электрифицированных колхозов увеличилось в 9,1 раза, машинно-тракторных станций почти в 2 раза, мощность сельских электроустановок возросла в 5,5 раза [4, с.14].

Освоение в конце 1950-х и начале 1960-х гг. целинных и залежных земель позволило увеличить производство зерна, расширить посевные площади кормовых культур, в результате чего полевое кормодобывание приобрело решающее значение в развитии животноводства.

За 1954–1956 гг. в республике было освоено новых земель на площади 207,2 тыс. га. Наибольшее количество новых земель было освоено в Джидинском районе – 45,0 тыс. га, Еравнинском – 42,4 тыс. га, Мухоршибирском – 13,9 тыс. га, Селенгинском – 13,6 тыс. га. Валовой сбор зерновых культур вырос в 1956 г. по сравнению с 1950 г. в 2,2 раза. Удвоилось и производство молока, шерсти (за 1954–1958 гг.) [5, с.169].

В 1954 г. впервые в Бурятии засеяли 100 га кукурузой. В 1955 г. – 48600 га, в 1956 г. – 65400 га, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. посевные площади кукурузы в колхозах и совхозах колебались от 30500 га до 35600 га. [6, с.161]. Для Бурятии это была новая культура, ее агротехника не была еще полностью освоена, да и суровые климатические условия – частые заморозки и засуха не позволяли получать высокие урожаи.

Отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства не только Бурятии, но и всей Сибири оказало повсеместное внедрение пропашной системы земледелия. Первоначально эта система носила характер рекомендаций. Начиная с 1961 г., пропашная система земледелия усилиями некоторых администраторов была сведена к политике ликвидации паров, распашке лугов и пастбищ под пропашные культуры, привела к гонениям на травы. В приказах Министерства сельского хозяйства СССР осуждалось учение В.Р. Вильямса о травопольной системе земледелия.

Из всего количества вновь освоенных за 1954–1956 гг. земель свыше 90 % составляли распаханная пастбища, залежи, сенокосы и лишь 6–7 % леса, заболоченные места [7, с. 162].

Освоение целинных и залежных земель в республике позволило сельскому хозяйству сделать огромный рывок вперед. С увеличением посевных площадей выросли валовые сборы зерна. В 1953 г. валовой сбор зерна составил по республике 198 тыс. тонн в 1973 г. – 430 тыс. тонн, т. е. вырос в 2,2 раза. Сбор зеленой массы на силос и зеленой корм в 1973 году составил 701 тыс. тонн, или увеличился в 28 раз, а производство корнеплодов и грубых кормов – в 9 раз и однолетних трав – в 1,5 раза, что значительно укрепило кормовую базу [8].

Курс, выработанный сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС, ориентировал на быстрый подъем производства зерна, главным образом, за счет освоения целинных и залежных земель. Для реализации поставленной задачи государственные капитальные вложения в сельское хозяйство Бурятии с 1953 по 1958 гг. по сравнению с предшествующим пятилетием были увеличены более чем в 3,6 раза, составив 330 млн рублей, что позволило повысить техническую оснащенность сельского хозяйства.

Изменения в организационной структуре сельского хозяйства не способствовали укреплению экономики аграрного сектора. Нерешенных проблем в сельскохозяйственном производстве оказалось к началу 1960-х гг. не меньше, чем было десять лет назад.

Решению этих проблем была посвящена работа мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. На нем была разработана новая аграрная программа, наметившая проведение важных экономических и организационных мероприятий в сельском хозяйстве. Основные направления этой программы сводились к созданию устойчивых экономических условий, стимулирующих подъем сельскохозяйственного производства. Намечалось резкое увеличение капиталовложений, осуществление долговременной комплексной программы механизации, химизации и мелиорации земель, развитие сельскохозяйственной науки, внед-

рение в сельскохозяйственное производство научно-технического прогресса, достижений науки и передового опыта.

Ввиду сложного экономического положения колхозов и совхозов с них регулярно списывались крупные суммы задолженности. Так, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 апреля 1965 г. «Об оказании финансовой помощи колхозам» с них была списана задолженность прошлых лет по ссудам Госбанка СССР в размере более 2 млрд руб., а также задолженность за технику, помещение и оборудование, приобретенное у МТС и ремонтно-технических станций, в том числе с колхозов Бурятии государство списало 6 млн руб. долгов [9, л. 28].

Стремясь смягчить крайне неблагоприятные климатические условия, в республике с конца 1950-х гг. осуществляется программа мелиорации земель, земельные угодья с оросительной и осушительной сетью использовались в основном под сенокосы и пастбища. Невысокая отдача поливных и осушенных земель объяснилась разными причинами, но прежде всего существующими примитивного типа оросительными системами.

В 1955 г. был введен новый порядок планирования с учетом лучшего использования земельных угодий.

В 1950-х гг. начался процесс укрепления колхозов и преобразование их в совхозы.

На 1.01.1950 г. из числа 445 сельскохозяйственных артелей Бурятии объединились 125 колхозов, из которых образовалось 50 укрупненных хозяйств. Массовое укрупнение колхозов было закончено в 1952 г. В результате число колхозов сократилось до 297 [10, л. 8; л. 102].

С середины 1950-х гг. начался новый этап укрупнения колхозов и преобразования колхозов в совхозы. Это преподносилось как концентрация производства. В 1956 г. количество дворов, приходящихся на один колхоз в республике увеличилось по сравнению с 1940 г. в 1,6 раза, посевной площади – в 2,6 раза, крупного рогатого скота – в 1,5 раза, овец – в 4 раза, свиней – в 2,6 раза [11, с. 28, 88, 97, 98].

Укрупнение колхозов, преобразование в совхозы, по мнению руководящих органов, должно было создать условия более производительного использования сельскохозяйственной техники, трудовых ресурсов самих колхозов, совхозов. Но изменения в организационной структуре сельского хозяйства не превратили сельскохозяйственное производство республики в рентабельное. Таким образом, в аграрной политике в то время сочетались меры по интенсивному и экстенсивному развитию сельского хозяйства: осуществлялось пополнение колхозов и совхозов техникой, были введены в севооборот освоенные земли. Государственные закупки зерна остались почти на одном том же уровне: в 1950 г. – 107 тысяч тонн, в 1958 г. – 102 тысяч тонн, закупки картофеля, овощей сократились [12, л. 7].

В конце 1960-х гг. в село пошли большие инвестиции, строились крупные животноводческие комплексы, развернулись работы по мелиорации земель, быстро укреплялась материально-техническая база, осваивались новые земли,

колхозники стали получать гарантированную зарплату. На селе появились высококвалифицированные специалисты: механики, операторы, электрики и др. Однако в эти годы значительно возрос производственный потенциал отрасли. Но капиталовложения, выделявшиеся селу не дали запланированной отдачи. Приоритет валовых показателей не создавал стимулов для роста эффективности производства.

Список литературы и источников

1. Бурятская АССР в цифрах (1923–1973). Юбилейный статистический сборник. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1973. 205 с.
2. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии (1930–1950-е гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 280 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.Р.-1, Оп. 203. Д. 9. Л. 8.
4. Шнипер Р. И., Туйск А. Г. Бурят-Монгольская АССР в 5-ой пятилетке – Улан-Удэ, 1953. 64 с.
5. Плишкин В. В. Сельское хозяйство Бурят-Монголии за 40 лет Советской власти // Труды Бурят-Монгольского зооветинститута. Выпуск 12 – Улан-Удэ, 1957. С. 163-177.
6. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2011. 320 с.
7. Зайцева, Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2011. 320 с.
8. Бурятия – 2008, 18 декабря
9. ГАРБ. Ф.Р-1. Оп. 2. Д. 44. Л. 28.
10. ГАРБ. Ф.Р-1159. Оп. 1. Д. 56. Л. 8; Д. 129. Л. 102.
11. Народное хозяйство Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1957. 210 с.
12. ГАРБ. Ф.Р-1. Оп. 2. Д. 96. Л. 7

УДК 94 (571)

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОСНАЩЕНИЕ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА В 1956–1980-Е ГГ.

***Ангадаева Юлия Юрьевна
Иркутский государственный университет путей сообщения,
Иркутск, Россия
yulee@mail.ru***

В советский период развитие рыбного хозяйства осуществляла система государственной поддержки, что позволяло успешно развивать рыбную отрасль и решать социальные проблемы рыбодобывающих регионов. Руководство стра-

ны всегда уделяло огромное внимание развитию рыбной промышленности как отрасли продовольственного обеспечения населения. За годы советской власти в короткий срок на основе реализации планов по индустриализации страны была создана материально-техническая база рыбной промышленности.

Ключевые слова: рыбные заводы; рыбная промышленность; Байкал; партийные организации; рыбная отрасль.

TECHNICAL EQUIPMENT OF FISHERIES IN 1956–1980 S.

Angadaeva Yuliya Yurievna
Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia
yulee@mail.ru

During the Soviet period, the development of the fish industry was supported by a system of state support, which made it possible to successfully develop the fishing industry and solve the social problems of fishing regions. The country's leadership has always paid great attention to the development of the fishing industry as a sector of food supply for the population. During the years of Soviet power, in a short time, on the basis of the implementation of plans for the industrialization of the country, the material and technical base of the fishing industry was created.

Keywords: fish factories; fishing industry; Baikal; party organizations; fish industry.

Расположение Иркутской области и Республики Бурятия на берегу богатейшего природными ресурсами оз. Байкал обуславливает экономическую направленность Байкальского региона, важную роль в развитии которого играет рыбная промышленность. Поэтому ее изучение является одной из актуальных проблем региональной истории.

Деятельность рыбохозяйственных предприятий на Байкале теснейшим образом была связана с технической оснащённостью рыбаков и перерабатывающих предприятий.

В путину 1956 г. на судно промразведки «Северянин» был установлен первый на Байкале рыбный эхолот НЭЛ-5Р, поиски косяков омуля с помощью которого дали положительные результаты. Однако эхолот давал лишь вертикальный разрез слоя воды и обнаруживал косяки только под килем судна, поэтому для облегчения поисков косяков необходимо было иметь также рыболокатор, обнаруживающий косяки рыбы по горизонтали. Для развития сетевого лова на Байкале лучшими были эхолоты, предназначенные для малотоннажных промысловых судов, в том числе и моторных лодок, – например, эхолот ЛАЦ-13, эхомат и др.

В течение 1950–1960-х гг. увеличивалось общее количество самоходного флота. Если в 1950 г. имелось 32 единицы самоходного флота с мощностью двигателей 1660 л. с., то в 1960 г. насчитывалось 133 единицы с мощностью двигателей 3636 л. с., в том числе промыслового флота — 105 единиц [1, л. 110].

Сети подледные сиговые применялись в Маломорском, Баргузинском и Селенгинском промысловых районах. Наибольший интерес представлял лов сига подледными сетями в Чивыркуйском заливе, где он проходил с ноября по февраль.

Ставные невода на Байкале получили широкое распространение лишь в 1950-х гг., хотя их освоение началось с 1931 г. Вначале на Байкале применялись ставные невода дальневосточного типа: како-ами, накануки-ами и кайро-ами. Затем в годы Великой Отечественной войны с приездом специалистов с южных бассейнов стали использоваться ставные невода типа «гигант», «полугигант», а также другие неводы ВНИРО. К сожалению, все они сооружались на Байкале без учета особенностей этого водоема. П. З. Цыбан в Кабанском рыбозаводе и С. М. Жигульский в рыбколхозе им. Карла Маркса решили вопрос освоения лова омуля ставными неводами на Байкале.

Обеспеченность бригад Гослова была более высокой, чем рыболовецких колхозов. Так, на Горячинском рыбозаводе в недостаточном количестве имелось тяговых канатов и гребного флота [2, л. 14]. П. З. Цыбан разработал конструкцию своеобразного байкальского одноколотового ставного невода, который так и назван «Ставной невод конструкции П. З. Цыбана». Механизация байкальского неводного лова осуществлялась по принципу механизации морского закидного лова. Для замета невода, доставки рыбы к пунктам и переездов за 1–2 бригадами закреплялось также моторное судно, мотолодка или мотофелюга.

Для тяги пятного и бежного урезов применяли электролебедки. Первые лебедки были несовершенны. Вскоре на Байкал были завезены и установлены на мехтонях неводные лебедки ЛНМ-1 с электроприводом. Эти лебедки, безусловно, были наилучшим тягловым механизмом. В отличие от морских тоней, где на каждой из них устанавливались две или три лебедки, на Байкале тяга урезом и невода производилась одной лебедкой. Поэтому устанавливали ее грузовыми вилами перпендикулярно к берегу и ближе к притонку – месту, где притоняли невод, в стороны от лебедки на мертвяках устанавливали по два-три направляющих блока или ролика. Перед началом тяги от лебедки до крайних блоков растягивался сухой канат, один его конец соединялся с урезом, а второй обвивался тремя шлагами вокруг обоих барабанов, начиная сверху. Лебедка включалась с началом тяги пятного уреза, когда после замета мотни рыбаки с неводника подавали сигнал.

Озерно-соровые водопольные и подледные неводы отличались от байкальских лишь общими размерами и размерами ячей. Следует лишь добавить, что в весенне-зимнюю путину 1956–1957 гг. на подледном лове началось применение льдобурильных агрегатов.

Хаповый лов применялся исключительно в р. Селенге для лова покатного отнерестившегося омуля. Принцип лова состоял в том, что в хап, который установлен как вертикальная стена с помощью шестов и колец на вбитые поперек реки колья, течением прибывался обессиленный отнерестившийся омуль. Через

определенное время с помощью тех же шестов и колец хап поднимался, освобождался от рыбы и вновь устанавливался.

На период лова заездками рыбаки организовывались в специальные бригады, состав которых зависел от размеров заездки и бывал от 8 до 12 рыбаков. На период установки (на один день) бригаде выделялись дополнительные рыбаки. За бригадой закреплялись фитили, морды, пешни, сачки, лопаты, зыбки, сеточник и нитка для ремонта фитилей и зыбок. Все остальное бригада подготавливала своими силами. На период сдачи рыбы бригаде выделяли лошадей или автомашины. При больших уловах организовывали приемку рыбы на местах лова.

В 1958 г. флот Маломорского рыбозавода состоял из 9 самоходных, 12 несамоходных и 14 мелкотоварных судов. В период навигации суда занимались транспортными и внутривозовскими перевозками, обслуживанием рыбаков. Отрицательно на работе флота сказывалась отдаленность главной базы в пос. Хужир от места отстоя (убежища) судов, что приводило к излишним финансовым затратам на горючие материалы.

Отсутствие современной техники и технологий компенсировалось плодами местных рационализаторов и изобретателей. На предприятии были внедрены рационализаторские предложения токаря Щетникова по изготовлению пилоточного станка, мастера лесохимического цеха Шульги по изготовлению искусственной олифы из местного сырья, механиков Власова и Баландина по изготовлению змеевиков для охлаждения циркулирующей воды [3, л. 15]. В 1960 г. на Маломорском заводе был введен в эксплуатацию новый консервный цех с посолочным и копильным отделениями, что позволило централизовать производство консервов на одной производственной площади. На заводе проводились технические мероприятия, облегчающие трудоемкие работы на промышленных пунктах. Для замены ручного труда по изготовлению деревянных бочек в новом бондарном цехе были приобретены и смонтированы восемь деревообрабатывающих станков, две циркулярные пилы для производства ящичной тары [4, с. 123].

За 1959–1965 гг. рыболовецкий флот пополнился судами МРБ-20 (моторно-рыболовными ботами на 20 л. с.) взамен мотосетелодок на 10 л. с. на активном сетно-дрифтерном промысле. Улучшился состав транспортного флота. Так, на Маломорском рыбозаводе транспортировка рыбы-сырца от рыбаков экспедиционного лова (производящих лов рыбы на расстоянии 200–300 км от завода), а также готовой продукции осуществлялась двумя судами ПТС-150 с холодильными установками взамен существовавших ранее сухогрузных барж без охлаждения.

Для повышения качества продукции на Братском водохранилище использовались судна ПТС-150 с холодильной установкой. За 1959–1965 гг. на Маломорском и Южнобайкальском рыбозаводах было внедрено 104 рацпредложения с условной экономией, в 1965 г. — 12 предложений. Наиболее ценными предложениями являлось внедрение безрамных ставных неводов рационализатором-техником по добыче рыбы Косолоповым; мастер Хужирского рыбного пункта

П. И. Мамонтов внедрил на обработке рыбы в качестве внутрицехового транспорта рольганги, которые сократили трудоемкость, значительно улучшили организацию производства, повысили производительность труда в два раза за счет поточности [5, л. 2].

На Маломорском рыбозаводе в 1966–1967 гг. было закончено строительство двух холодильников с машинным охлаждением емкостью 100 т. На Южнобайкальском рыбозаводе предусматривалась установка линии для лакировки консервных банок, что улучшало сохранность консервов.

Основным периодом путины считались летние месяцы, когда были задействованы все имеющиеся технические средства и работники. В зимнее время проходил подледный лов, требующий применения большого количества физического труда. Весной технический персонал рыбозаводов занимался ремонтом и подготовкой судов флота, стоящих в отстойных местах, к навигации и путине. Основными промысловыми районами рыбных предприятий Иркутской области считались районы Малого моря и Южного Байкала. Однако эти места для эксплуатации закидных неводов и дрефтерных сетей были неблагоприятными. Поэтому бригады Маломорского и Южнобайкальского рыбозаводов, Маломорской МРС выходили на путину в Селенгинское мелководье и Баргузинский залив, вплоть до Нижне-Ангарска. Однако в этих районах лов омуля в водоемах Бурятии ограничивался со стороны Главсибрыбы [6, с. 123].

Флот Маломорского рыбозавода состоял из 46 единиц, из них – 5 транспортных, 16 – самоходных транспортных единиц, 24 единицы – мелкомоторного добывающего и один служебно-разъездной полугиссер.

Хороших показателей в судоремонте добились судоплотники: А. П. Родовиков, П. М. Усов, судомеханики: Никифоров, Калашников, Данилов, И. Т. Нелюбин.

В навигацию 1960 г. на транзите участвовали следующие суда: б/к «Победа», АМБ «Сатурн», «Юпитер»; м/о «Сибиряк» работал внутри на заводских перевозках и на транзите. М/о «Алтай» обслуживал рыбаков; из самоходных судов на транспортных грузоперевозках участвовало семь сухогрузных барж, изотермический плашкоут № 8, два наливных баркаса, в которых перевозили горюче-смазочные материалы для завода и автоколонны [7, л. 22].

Во флоте завода экипажи теплоходов «Юпитер» и «Победа» соревновались за звание экипажа коммунистического труда. Лучших показателей добился экипаж теплохода «Юпитер», выполнивший план грузоперевозок на 132 %.

Из всех транспортных судов план грузоперевозок выполнил и перевыполнил АМБ «Сатурн» по тоннам на 121,4 %, по тонно-километрам на 111,2 %. Также хорошо работал м/о «Алтай» на обслуживании рыбаков. Из самоходных судов план грузоперевозок выполнил изотермический плашкоут № 8 по тоннам – на 135,2 %, по тонно-километрам – на 133,1 %. Рыбозаводом были приобретены двигатели судовые 2-ЧСП – 10 шт., закаточная машина – 1 шт., рыбообжарочная печь – 1 шт., соусонаполнитель – 1 шт., соусоварочный котел – 1 шт., эхолот «Нэла» – 1 шт., катер спасательный, лодки типа «Фунгас» – 2 шт., баркасы сухогрузные – 2 шт., лодки сетевые – 2 шт. [8, л. 25]. На Мало-

морском рыбозаводе постоянно возникали проблемы с обеспечением рыбаков автотранспортом и орудиями лова. Так, в 1965 г. из-за отсутствия тары рыбакам приходилось выпускать бычка из вентерей. Рыбозавод располагал 31 мотодором и 24 ботами. Из орудий лова на Байкале были освоены ставные невода больших и малых размеров для вылова ценных и малоценных пород рыб, а также невода облегченного типа. В 1966 г. был впервые произведен донный промысел бычка-прокотуса близнецовым неводом [9, л. 1].

В 1966 г. в навигацию были задействованы следующие суда: ПТС – 150 «Жданов» (Южнобайкальский рыбозавод), МРБ-20-8, ПТС-150, две ед. б/к типа «Ж» «Победа», сухогрузные баржи СБ-60 – 2 ед., МРБ-20 – 31 ед., один полуглиссер ЛМ-4-87 (Маломорский рыбозавод), МРБ-20 – 5,5 мотодори, 8 ед. мотолодок, полуглиссер ЛМ-4-87 (Балаганский рыбозавод).

В период навигации 1966 г. все суда Иркутского горьбтреста были укомплектованы командным составом согласно штатному расписанию.

На Балаганском рыбозаводе за 1966 г. было подготовлено 10 чел. плавсостава, на Маломорском рыбозаводе двое мотористов-водителей. Тобольский учебный комбинат подготовил двух судовых механиков, одного чел. направили в Тобольск на подготовку старшины моториста.

Лучшими экипажами судов флота являлись: экипаж транспортного судна МРБ-20 А. Зубахина Балаганского рыбозавода, экипаж ПТС-150 «Ворошилов» Н. Баландина Маломорского рыбозавода, который выполнил план по тоннам на 119 %, по тонно-километрам на 101,2 % [10, л. 5].

В 1970–1980-е гг. на рыбодобывающих предприятиях продолжалась механизация лова за счет увеличения льдобурильных агрегатов, мотолебедок, мотоневодников. На подледном лове нашел большое применение передвижной льдобур ПЛВ-6136. Если в 1957 г. работало 13 льдобуров, то в конце 1970-х гг. до 120 единиц. Самоходных промысловых судов оставались единицы, а суда с двигателями 20 л. с. были заменены на 40-сильные. Рыбоперерабатывающая база характеризовалась увеличением мощностей консервного производства, холодильных и посольных емкостей за счет реконструкции и строительства новых цехов полуфабрикатов. На Усть-Баргузинском рыбокомбинате за счет ссуды Госбанка в 1977 г. была проведена реконструкция консервного цеха, что позволило разместить дополнительное оборудование и увеличить выпуск консервов до 5 млн банок в год. Их выпуск в 1980 г. составил 5 млн 817 тыс. На Кабанском рыбозаводе были построены новый холодильник, цех мелкой фасовки, дымогенераторная, реконструированы камеры копчения. На Нижнеангарском рыбозаводе был построен цех полуфабрикатов. Если в 1968 г. рыбопромышленными предприятиями была получена прибыль 355 тыс. руб., то в 1976 г. она составила 1358 тыс. руб. Именно в эти годы произошел значительный подъем рыболовных работ [11, л. 35].

Также необходимо отметить применение на Байкале промысловых судов, приспособленных для лова разнообразными орудиями лова и снабженных гидроакустическими приборами для поисков рыбы. На промысле использовали моторные суда мощностью до 20 л. с. Важным мероприятием по улучшению

техники лова байкальскими закидными неводами являлось применение мотоневодников, неводных лебедок, смонтированных на тракторе КД-35. Промысловая разведка рыб – одно из наиболее важных мероприятий в рациональной организации рыбного промысла, в увеличении добычи рыбы. Для мотолодок использовались эхолоты «ЛАЦ-13», «Эхомат» и др. В 1974 г. на добыче рыбы применялись средства механизации: лебедки МЛ-43 – 4 шт., ТУБ 4-С – 2 шт., льдобуры ОЛБ-42 – 8 шт., электротрал – 1 шт. В 1975 г. Маломорский рыбозавод владел б/к «Победа», возглавляемым капитаном В. П. Савинкиным, сухогрузной баржей «Кика и Иртыш», возглавляемой шкиперами Н. С. Баязитовым и М. М. Нагуслаевым [12, л. 52]. Тем не менее по отдельным рыбозаводам возникали серьезные недоработки во внедрении в производство достижений современной техники. Так, на Маломорском рыбозаводе медленно производилась механизация тяжелого ручного труда, многие работы осуществлялись примитивным ручным способом.

Судя по архивным данным, Иркутским рыбокомбинатом в 1978 г. на добычу рыбы были выставлены следующие средства механизации: льдобуров ОЛБ-42 – 4 шт., прицепных тракторных – 2 шт., мотолебедок МЛ-43 – 6 шт. При помощи средств механизации вылов составил – 579 ц, при плане 1150 ц или 50 %. Так, И. В. Рудых, капитан ПТС «Калинин», отметил, что в 1985 г. работа флота и бытовые условия экипажа улучшились, работы по погрузке стали более механизированы, в портах долгое время не задерживали [13, л. 24].

Таким образом, на 1941 г., по оценкам партийных и советских органов, Иркутский трест имел еще недостаточную материально-техническую базу, неоднократно вставал вопрос о задержке строительства промысловых судов [14, с. 124].

За годы войны, несмотря на предпринимаемые меры, не удалось провести полную механизацию промыслов, обеспечить предприятия отрасли квалифицированными управленцами и специалистами по добыче и переработке рыбы. Существенных изменений в организации и материально-техническом обеспечении рыбного промысла из-за хронической нехватки финансовых средств в первые послевоенные годы не произошло.

Для большинства рыбозаводов региона была характерна слабая материально-техническая база и медленные темпы модернизации производства, что вело к большим потерям рыбы на стадиях технологической цепочки от вылова рыбы до доставки рыбной продукции потребителям. На финансовые показатели работы предприятий влияли большие транспортные расходы.

В 1960–1980-х гг. развитие промысла объяснялось совершенствованием материально-технической базы, применением более совершенных орудий лова, поставкой рыбакам необходимых плавательных средств, ростом обеспеченности морозильными и холодильными установками. Вместе с тем оно серьезно сдерживалось низкими ценами на рыбу. Анализ архивных документов доказывает, что все виды хозяйств, имеющих планы вылова рыбы, не были заинтересованы в их выполнении и, по возможности, уклонялись от выделения запланированного на промыслы количества людей.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный Архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1248. Оп. 1. Д. 16.
3. ГАИО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 47.
4. Аргунова Ю. Ю. Развитие рыбной отрасли Иркутской области в 1950–1960-х гг. // Изв. ИГЭА. 2014. № 3 (95).
5. ГАИО. Ф. Р-2716. Оп. 2. Д. 2.
6. Аргунова Ю. Ю. Развитие рыбной отрасли Иркутской области в 1950–1960-х гг. // Изв. ИГЭА. 2014. № 3 (95).
7. ГАИО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 129.
8. ГАИО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 129.
9. ГАИО. Ф. Р-2716. Оп. 2. Д. 2.
10. ГАИО. Ф. Р-2716. Оп. 2. Д. 15.
11. ГАРБ. Ф. Р-1388. Оп. 1. Д. 517.
12. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 572. Оп. 1. Д. 56.
13. ГАНИИО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 66.
14. Гайдин С. Т. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2015. 370 с.

УДК 94 (470)

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ КРАСНОЯРСКОЙ И ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

***Ахтамов Евгений Александрович
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
akhtamov@gmail.com***

В статье рассмотрены особенности подготовки кадров для железнодорожной отрасли Сибири во второй половине XX века. Автор приходит к выводу о том, что быстрое индустриальное развитие региона требовало активного развития системы подготовки кадров. Созданная система учебных учреждений была многоступенчатой, предусматривала разные формы обучения, что позволило обеспечить железную дорогу кадрами.

Ключевые слова: Восточно-Сибирская железная дорога, Красноярская железная дорога, электрификация, кадры, училище, техникум, учебно-консультационный пункт.

***PECULIARITIES OF PERSONNEL TRAINING
FOR THE KRASNOYARSK AND EASTERN SIBERIAN RAILROADS
IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY***

***Akhtamov Evgeniy Aleksandrovich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
akhtamov@gmail.com***

The article covers the features of training for the railway industry in Siberia in the second half of the twentieth century. The author has come to the conclusion that the rapid industrial development of the region determined the active development of the personnel training system. The created system of educational institutions was multi-stage, included various forms of training, which made it possible to provide the railway with personnel.

Keywords: East Siberian railway, Krasnoyarsk railway, electrification, personnel, school, technical school, training and consulting center.

Для Сибири начало второй половины XX века стало временем быстрого индустриального развития. Промышленное развитие Красноярского края и Иркутской области этого периода было связано с осуществлением Ангаро-Енисейского проекта, который подразумевал строительство гидроэлектростанций на Ангаре и Енисее и создание энергоемких производств. Осуществление этого проекта было невозможно без строительства транспортной инфраструктуры, а также подготовки кадров, обладающих необходимой квалификацией.

Одним из важнейших направлений работы на железнодорожном транспорте была электрификация, задачи которой были поставлены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров «О генеральном плане электрификации железных дорог» в 1956 году. Успешная электрификация железных дорог во многом зависела от правильной и эффективной кадровой политики. Центральными и местными партийными и советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями, управлениями дорог была проведена огромная работа по мобилизации комсомола и молодежи на решение задачи. На электрификации, например, Транссибирского направления Москва-Иркутск к 1960 г. трудилось свыше 110 тысяч юношей и девушек, из них только на участке Иркутск–Тайшет – более 4 тысяч человек [1, с. 110].

В целом, в коллективах строительно-монтажных поездов, работающих на электрификации железных дорог Восточной Сибири, комсомольцы и молодежь составляли свыше 70 % общей численности строителей. Прибывшие по общественному призыву они, как правило, не имели необходимых строительных специальностей. Так, 60 % рабочих были в возрасте до 25 лет, 40 % из них имели производственный стаж до 1 года, 36 % – до двух лет. Вследствие этого, партийные, профсоюзные и комсомольские организации проводили большую работу по приему, размещению, обучению молодежи. Как правило, в результате обучения, работник получал две-три смежных специальности. Подготовка

молодых рабочих осуществлялась в основном без отрыва от производства. В результате, только в течение 1956–1960-х гг. по системе Минтрансстроя более 65 % из откликнувшихся на общественный призыв, получили строительные специальности без отрыва от производства [2].

В паровозных депо Восточно-Сибирской и Красноярской железных дорог к моменту начала электрификации (1957–1958 гг.) до 60 % локомотивных и ремонтных бригад не имели семилетнего образования. Для решения этой проблемы при крупных депо, на узловых станциях были созданы подготовительные курсы для лиц, не имевших семилетнего образования; переквалификация машинистов паровозов на машинистов электровозов проходила на четырехмесячных курсах, а для помощников машинистов были организованы восьмимесячные курсы. В результате напряженной работы и учебы к концу 1961 г. для новых видов тяги было подготовлено около 10 тысяч машинистов и их помощников, при этом около половины из них получили право управления локомотивами двух видов тяги и около четверти – тремя типами тяги. Электрическая тяга высвободила около 9 тысяч кочегаров, шлакоуборщиков, котельщиков [3, с. 17].

В этот период на дорогах региона сложилась многоступенчатая система подготовки кадров. Одним из основных принципов кадровой политики на дороге стала непрерывность подготовки кадров, планирование карьеры специалистов. Система включала в себя профессиональную ориентацию, которая началась уже в детских садах, продолжалась в школах, на двух детских железных дорогах и дорожной станции юных техников. Шесть ПТУ, 104 предприятия, получивших лицензии на право ведения образовательной деятельности, дорожный центр обучения, технические школы [1, с. 165]

История подготовки инженерных кадров для железной дороги в Иркутске началась в 1932 г., когда был образован Восточно-Сибирский институт инженеров транспорта. Однако в 1934 г. этот институт объединили с Новосибирским путевым институтом инженеров транспорта и перевели в Новосибирск. В 1955 г. в Иркутске был образован учебно-консультационный пункт Московского Всесоюзного заочного института инженеров железнодорожного транспорта. Создание и обустройство Учебно-консультационного пункта взяла на себя Восточно-Сибирская железная дорога. Вначале студентов было немного, в пределах 240 человек. В августе 1955 г. Иркутский учебно-консультационный пункт был передан в подчинение Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта. В 1961 г. Иркутский учебно-консультационный пункт был преобразован в заочный филиал этого же института, а в 1961 г. он был переведен в подчинение Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта.

В 1965 г. Иркутскому заочному филиалу в подчинение были переданы учебно-консультационные пункты в Красноярске, Абакане и Улан-Удэ. Это превращало Иркутский заочный филиал в центр подготовки кадров железнодорожников высшей квалификации для Восточно-Сибирской железной дороги и закладывало базу для создания в Иркутске первого самостоятельного железно-

дорожного вуза. Поэтому с началом строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали Иркутск не случайно был избран центром подготовки кадров для дороги. Здесь уже имелась определенная материальная, научно-методическая база для вуза. Восточно-Сибирская железная дорога принимала непосредственное участие в строительстве БАМа, являвшегося продолжением одной из ее линий. В 1975 г. Иркутский заочный филиал был преобразован в самостоятельный Институт инженеров железнодорожного транспорта. В том году в институте обучалось 158 студентов на дневной форме обучения, 125 – на вечерней, и 200 студентов – на заочном отделении. За первые 10 лет в Иркутском институте инженеров железнодорожного транспорта было подготовлено 1647 специалистов-железнодорожников высшей квалификации [1, с. 167].

Красноярская железная дорога существовала в рамках Восточно-Сибирской железной дороги с 1961 по 1979 год. В 1979 г. в связи с увеличением протяженности железнодорожных линий и роста грузоперевозок, было принято решение вывести Красноярскую железную дорогу из состава Восточно-Сибирской железной дороги. При этом Красноярской железной дороге было передано 50 школ, из них 27 средних, 5 восьмилетних, 12 начальных, 2 школы-интерната, 4 вечерних, 2 очно-заочных и 79 дошкольных учреждений на 7350 мест (6870 городских и 480 сельских) [4, с. 395].

Необходимо отметить, что история образовательной системы работников железной дороги в Красноярском крае имеет долгую историю. Первое Сибирское техническое училище было открыто в 1894 г. указом Николая II и готовило кадры для железной дороги. В советский период училище неоднократно реорганизовывалось, и в 1934 г. было преобразовано в школу военных техников.

В 1953 г. по решению Совета Министров СССР Школа военных техников была реорганизована в Красноярский техникум железнодорожного транспорта. Техникум готовил специалистов по 12 специальностям: вагонное хозяйство, эксплуатация железных дорог, путевое хозяйство, электротяговое хозяйство, водоснабжение и водоотведение, железнодорожная связь, энергетическое хозяйство, финансирование и планирование железных дорог, промышленное и гражданское строительство, бухгалтерский учет, строительные и путевые машины, автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте. Начиная с 1954 г., велась подготовка техников без отрыва от производства. К концу 1990-х гг. техникумом было выпущено 4999 специалистов (92 из них получили диплом с отличием). Всего техникум подготовил более 16 тысяч специалистов со средним техническим образованием [4, с. 393].

В подготовке кадров большую роль сыграла дорожная школа машинистов, которая была организована на Красноярской железной дороге еще в 1945 г. В последующие годы в школе готовили не только машинистов электропоездов, но и электромехаников устройств сигнализации, централизации и блокировки и связи. Многие сделали для становления профессионально-технического образования руководители школы В. Г. Галкин, М. Н. Юрков, Д. П. Корень, преподаватели В. Ф. Мещеряков, почетный железнодорожник В. Ф. Михальцевич,

М. Т. Натчук и многие другие [4, с. 132]. Старейший железнодорожный техникум выпускал для дороги молодых специалистов практически всех профессий.

В воспоминаниях Г.И. Тетерский, работавший начальником Красноярского отделения дороги, а позднее возглавивший Восточно-Сибирскую магистраль, пишет, что «особо сложную проблему представляла собой проблема подготовки кадров для работы на впервые электрифицированной линии магистрального направления на переменном токе. Вместе с переменным током и электровозами пришла новая автоматика и связь. Новая техника требовала высокограмотных кадров. Всем пришлось переучиваться и осваивать новые устройства и системы управления движением поездов» [5, с. 5]. На Красноярской железной дороге только за 1958–1960 гг. было подготовлено и переподготовлено 196 инженерно-технических работников и свыше 2,5 тысяч рабочих ведущих профессий [6, л. 52].

Также большое значение в подготовке кадров для железной дороги имело создание в Красноярске учебно-консультационного пункта. Сначала это был учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного института инженеров железнодорожного транспорта. Общее число студентов составляло пятьсот человек, коллектив преподавателей — десять человек. В последующем набор достигал восьмисот сорок человек на тринадцать специальностей. Первым заведующим учебно-консультационного пункта был А. Г. Дворецкий, который работал до 1967 г.

В 1965 г. учебно-консультационный пункт был преобразован в Красноярский учебно-консультационный пункт Иркутского филиала Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта. В 1975 г. — Красноярский учебно-консультационный пункт Иркутского института инженеров железнодорожного транспорта. В 1988 г. учебно-консультационный пункт стал Красноярским общетехническим факультетом Иркутского института инженеров железнодорожного транспорта. Впервые студенты дневного отделения стали обучаться по двум специальностям: «Вагоны» и «Управление процессами перевозок». На факультете училось 60 человек, первым деканом был П. П. Упиров [4, с. 398]. В 1996 г. факультет стал называться Красноярским общетехническим факультетом Сибирской государственной академии путей сообщения. В 1997 г. — Красноярским филиалом Сибирского государственного университета путей сообщения.

Подготовка работников железнодорожной отрасли и повышение их квалификации в рассматриваемый период осуществлялось в соответствии с задачами и переменами, которые происходили в технике и технологических процессах. Подготовка работников велась по двум направлениям: непосредственно на производстве и в системе профессионально-технического образования. На предприятиях подготовка рабочих проводилась путем индивидуального и бригадного обучения, в технических школах и на курсах, действующих на дороге. Кроме того, на дороге действовали производственно-технические курсы целевого назначения, школы мастеров, школы передового опыта и коммунистического труда. Важное место в повышении эффективности работы транспорта

имела подготовка кадров массовых профессий в профессионально-технических училищах железнодорожного профиля. Таким образом, сформированная многоступенчатая система подготовки кадров стала ответом на потребности железнодорожной отрасли в период активного индустриального развития Сибири, позволила обеспечивать кадрами железнодорожную отрасль в последующие периоды.

Список литературы и источников

1. Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век. В 2-х т. / под общей ред. В.Г. Третьякова. Иркутск: Изд-во Облмашинформ, 2001. Т. 2. 480 с.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р. 2381 . Оп. 1. Д. 418. Л. 362.
3. Железнодорожный транспорт. 1966. № 3. С. 16–17.
4. Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге 1899–1999 / сост. В.В. Чагин, В.Г. Саклаков. Красноярск: Красноярское книжное издательство. 464 с.
5. Восточно-Сибирская электрическая: к 75-летию железной дороги / В.Т. Агалаков, Ф. А. Кудрявцев и др.; автор предисловия и главный редактор Г.И. Тетерский; МПС СССР, Управление Восточно-Сибирской железной дороги. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1972. С. 5–7.
6. ГАКК. Ф.Р. 2381. Оп. 1. Д. 432. Л. 136.

УДК 9.908; 62.622

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ЗОЛОТОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 ГГ.)

Васютин Иван Александрович

***Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
info@kgau.ru***

Золотопромышленность Красноярского края, является одной из неотъемлемых частей экономики как самого края, так и всей страны. Рассматриваемый период слабо отражен в современной историографии, так как материалы, которые хранятся в архиве, были долгое время не доступны исследователям из-за того, что находились под грифом «секретно».

Ключевые слова: золотопромышленность, Красноярский край, Великая Отечественная война.

PECULIARITIES OF THE GOLD INDUSTRY OF KRASNOYARSK KRAI AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1942)

Vasyutin Ivan Alexandrovich

***Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
info@kgau.ru***

The gold industry of the Krasnoyarsk Krai is one of the integral parts of the economy of both the region itself and the entire country. The period under consideration is rather weakly reflected in modern historiography, since the materials stored in the archive were not available to researchers for a long time due to the fact that they were classified as "secret".

Key words: gold mining, Krasnoyarsk Krai, Great Patriotic War.

На начальном этапе войны, золотопромышленность не справлялась с поставленными задачами по добыче золота. План, установленный на 1941 г. по добыче золота, оказался далек от выполнения. Добыча золота составила 75,2 %, разведка новых месторождений была выполнена всего на 66,6 %, капитальное строительство выполнено было на 68 %, а по грузоперевозкам составил около 61,8 %. Только пять приисковых управлений смогли снизить себестоимость золота по отношению к запланированному.

В приказе за 6 марта 1942 г. Минусолото в период четвертого квартала 1941 г. и января 1942 г. выполнило норму добычи золота всего на 25,6 % [1, л. 59]. Такая низкая эффективность добычи золота была связана с тем, что существовали проблемы в техническом плане, а точнее, происходил износ и устаревание техники, не хватало высококвалифицированных кадров, которые уходили на фронт добровольцами (из данной отрасли государство никого не призывало на войну, так как понимало значимость данной промышленности для страны), практически отсутствовали какие-либо новые геологические разведки.

Уже в конце 1941 г. возникли проблемы с доставкой хлеба на предприятия. Многие продукты стали выдавать только по заборным книжкам и, если имелись специальные контрольные талоны. Данные заборные книжки переучитывали для того, чтобы не возникло проблем с теми лицами, которые уже не имели право отовариваться в данной закрытой торговой сети по определенным обстоятельствам (в основном это были разного рода дисциплинарные проступки). Были установлены определенные нормы выдачи продуктов для работников и членов их семьи.

В связи с перебоями в поставках продовольствия, техники, запчастей и другого на прииски, предприятия были вынуждены перейти на натуральное хозяйство либо полностью, либо частично. Перед началом войны, СНК СССР и ЦИК ВКП(б) подписали указ «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» из-за чего Золотопродснабу было необходимо увеличить продовольственную базу подсобных хозяйств [2, л. 153]. Данное постановление сыграло важную роль в

обеспечении золотодобывающих предприятий в условиях ограниченных завозов товара широкого потребления. В отчете наркомата цветной металлургии от 30 августа 1941 г. говорилось, что увеличение продовольственных ресурсов на месте в значительной мере помогает фронту, а хорошо организованное обслуживание работников содействует выполнению плана [3, л. 171]. Получается, что те, кто работал на приисках и рудниках не только занимались добычей золота, а также разрабатывали земли под посадку разного рода зерна, сами организовывали производство молока, мяса, хлеба и др.

Плановые задания предприятий не выполняли объемы добычи золота по сравнению с прошлыми годами заметно снижались. В 1941 г. объемы добычи золота сократились на 20 % по сравнению с прошлым годом, а уже добыча золота в 1942 г. сократилась немногим более чем на 30 % от 1941 г. Общая добыча золота составляла всего половину той, что было до начала войны [4, л. 176]. Невыполнения плана по добыче золота объясняется тем, что не хватало постоянно рабочей техники, специалистов, «беднели» золотые россыпи, где руда и добывалась. В основном главный акцент ставился на то, что не хватало в первую очередь высококвалифицированных кадров, которые владели бы навыками управления техники на предприятиях [5, л. 176]. Отсюда и вытекает общее снижение объемов добычи руды. Все резервы, которые имелись, были направлены на основное производство, но уменьшить нехватку они были не способны. Все те, кто занимался иными профессиями были переброшены на добычу золота, но это были не специалисты в данной сфере, поэтому данная мера носила лишь половинчатый характер. В среднем, в секторе золотодобычи было задействовано около 1300 тыс. человек. Была предпринята попытка компенсировать недостаток рабочей силы увеличением рабочего времени. 1 июня 1942 г. рабочее время было увеличено до 12 часов в день, из которых 8 часов работники были заняты на своем рабочем месте, а 4 часа занимались «вольным старанием». По сути, эти 4 часа были сверхурочными. Старатели сами выбирали место, где они хотят работать и для них специально устанавливались обязательные нормы по добыче «вольного приноса». Если старатели выполняли ежемесячный план, то они могли надеяться получить послабление рабочего режима. Но все же данная мера не увеличила добычи золота.

Чуть лучше обстояли дела в Енисейзолоте. За тот же период план по добыче золота был выполнен на 37 % [6, л. 59]. С 1941 по 1945 гг. на фронт ушло около 500 человек, и добыча золота в данном тресте сократилась с 2355 т. до 1.1 т. [7, л. 187]. В данном тресте присутствовали те же проблемы, что и у Минусзолота. Из общей картины выделялись отдельные заводы, которым все же удавалось выполнять план поставленный государством, за что они и были премированы. Так, в январе 1942 г. завод «Труд» получил фонд в размере девятнадцати тысяч рублей, который необходимо было разделить на премии для инженерно-технических работников и отдельных рабочих, которые отличились в выполнении январской программы. Сам же директор Г. Д. Гришин получил отдельно премию от государства в размере трех тысяч рублей [8, л. 87]. Государство было весьма заинтересовано в том, чтобы предприятия выполняли план по добыче и даже было готово их премировать, хоть и шла война.

С другой стороны, государство было не в состоянии в равной степени помогать всем предприятиям. Поэтому были нередки случаи воровства или обмена государственного имущества на иные предметы хозяйственного назначения [9, л. 44].

Сталинское руководство двояко относилось к трудовой политике. Произошло характерное для тяжелого военного времени принуждение к труду, мобилизация всего населения, закрепление рабочей силы за предприятиями, увеличение рабочего времени и установление сверхурочных работ. Хотя данные методы начали применять уже в конце 1930-х гг., война лишь усугубила их. Руководители, чтобы оправдать данные меры, постоянно отсылали принятие данных мер к характерному лозунгу того времени «Все для фронта! Все для победы!». Данный лозунг стал символом трудового подъема и оправдывал лишения, которые приходилось переживать людям.

Хотя если учесть то, что законодательство шло на ряд мер усиления контроля за предприятиями, можно увидеть, что руководство страны не особо верило в патриотические веяния народа. 30 июня 1941 г. был образован комитет по распределению рабочей силы при СНК, который занимался мобилизацией граждан на трудовые работы и осуществлял переброску трудовых ресурсов туда, где в них особо нуждались. Уже 23 июля 1941 г. было принято новое постановление СНК «О предоставлении совнаркома республик и облайкрайисполкомам прав переводить рабочих и служащих на другую работу». По сути, руководители предприятий получили полномочия переводить всех тех, кто не был как-либо задействован в золотодобывающих мероприятиях на принудительные работы без согласия самих людей [10, л. 149]. Отменили отпуска и приостановили денежные выплаты за неиспользованный отпуск [11, л. 177].

Затем, был издан указ Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 г. «О порядке мобилизации на период военного времени всего трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве» [12, л. 178]. Далее последовал указ СНК СССР от 28 августа 1942 г., где говорилось, что во время войны к работам допускали инвалидов III группы, кроме женщин с грудными детьми и детьми, которым не было 8 лет [13, л. 178]. Кроме этого, рабочую силу предприятий пополнили временно утратившие свои функции иные структуры.

Таким образом, золотопромышленность Красноярского края в 1941–1942 гг. находилась в состоянии дефицита жизненно важных ресурсов, которые бы могли обеспечить стабильную и эффективную работу предприятий. В связи со сложившейся ситуацией, государство предприняло ряд мер, которые либо полностью, либо частично решали ту или иную проблему в данной сфере промышленности.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Красноярского края (ГААК). Ф. 244. Оп. 1. Д. 765. Л. 59.
2. Давыдов В. Т. Прииск Алтайский. Страницы истории. 1845-2000 // Новокузнецк, 2000. С. 153.

3. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. // Томск, 2005. С. 171.
4. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. // Томск, 2005. С. 176.
5. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. // Томск, 2005. С. 176.
6. ГААК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 765. Л. 59.
7. Рудаков В. В., Смирнов А. П. Золото России // Кругозор. М. 2006. С. 187.
8. ГААК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 765. Л. 87.
9. ГААК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 266. Л. 44.
10. Давыдов В. Т. Прииск Алтайский. Страницы истории. 1845-2000 // Новокузнецк, 2000. С. 149.
11. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. // Томск, 2005. С. 177.
12. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. // Томск, 2005. С. 178.
13. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. // Томск, 2005. С. 178.

УДК 93

ОСВОЕНИЕ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В РАМКАХ ТЕОРИИ ФРОНТИРА

Рябов Юрий Владимирович

***Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
ryabov.yu@gmail.com***

В статье через призму теории фронта рассматривается освоение гидроэнергетических ресурсов Восточной Сибири в советский период. Основное внимание уделено освоению новых территорий и ресурсов советским государством. Прослеживается процесс выработки новых идей и концепций в осуществлении поставленных задач. В результате делается вывод, что гидроэнергетическое и промышленное освоение Восточной Сибири привело к существенному изменению границ и условий жизни региона, а сами процессы подавались руководством страны и воспринимались трудящимися не столько как завоевательные, сколько благотворные преобразовательные.

Ключевые слова: теория фронта, энергетическая политика СССР, гидроэлектростанции, Ангарский каскад ГЭС, Енисейский каскад ГЭС, Восточная Сибирь

***DEVELOPMENT OF HYDROPOWER RESOURCES IN EASTERN SIBERIA
DURING THE SOVIET PERIOD WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE FRONTIER THESIS***

Ryabov Yuri Vladimirovich
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
ryabov.yu@gmail.com

The article examines the development of hydropower resources in Eastern Siberia during the Soviet period through the prism of frontier thesis. The focus is on the development of new territories and resources by the Soviet state. The process of developing new ideas and concepts in the implementation of the set tasks is traced. As a result, it is concluded that the hydropower and industrial development of Eastern Siberia led to a significant change in the boundaries and living conditions of the region, and these processes were presented by the leadership of the country and was perceived by the people not so much as conquering as a beneficial transformative.

Key words: frontier thesis, energy policy of the USSR, hydroelectric power plants, Angara cascade of HPP, Yenisei cascade of HPP, Eastern Siberia

На сегодняшний день несмотря на достаточную проработанность в зарубежной исторической науке фронтальной теории, она вызывает множество дискуссий в отечественной академической среде – в числе наиболее обсуждаемых вопросов стоят перспективы и проблемы использования самого концепта фронта, который в силу своей «теоретической эластичности», «всеобъяснимости» нередко приводит к наращиванию количества самих классификаций фронта вместо построения теоретических моделей. Также нет единства мнений и по вопросу применения самой концепции и термина «фронт» к истории России [1, с. 83, с. 92].

Значительная часть современных отечественных фронтальных исследований в области российской истории территориально охватывает Северный Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток и Поволжье, хронологические рамки включают в себя, как правило, период Московского государства и Российской империи.

При этом некоторые исследователи отмечают, что фронтальная концепция может быть применена и для событий новейшего времени [1, с. 94].

В связи с этим представляется интересным взглянуть через призму фронтальной теории на освоение новых территорий в Восточной Сибири в советский период, попытавшись расставить «пограничные» и «верстовые» столбы – наметить основные смысловые точки.

С самого начала существования советского государства перед молодой страной встал вопрос о границах: государственных; человеческих возможностей; нового коммунистического мира. Как писала Александра Коллонтай: «Я вижу, как Союз лепит по-своему глыбы истории, преодолевая вековые препят-

ствия, создает новый пласт истории, на котором будущие поколения осуществят все смелые мечты нашей юности» [2].

СССР необходимо было справиться с колоссальным цивилизационным вызовом: создать невиданное доселе социалистическое государство рабочих и крестьян, с новой идеологией и людьми, с новыми принципами хозяйствования, основанными на самых передовых мировых достижениях, но при этом сохраняющих самобытность и уникальные идеи.

Дух преобразовательских идей начала 1920-х гг. емко выразил один из теоретиков научной организации труда Алексей Гастев: «Всюду иду со своим молотом, зубилом, сверлом. По всему миру... Шагаю через границы, материки, океаны. Весь земной шар я делаю родиной» [3, с. 37].

В то же самое время при электроотделе ВСНХ была создана Государственная комиссия по электрификации России, задачей которой стала разработка плана электрификации Советской России. Помимо удвоения за короткий срок (10–15 лет) выпуска промышленной продукции в стране, план предусматривал комплексное развитие народного хозяйства на основе электрификации, а также определял направления развития экономики советской страны.

Во исполнение плана ГОЭЛРО и для «разработки единого общегосударственного хозяйственного плана» 22 февраля 1921 г. декретом СНК РСФСР при Совете труда и обороны была создана Государственная общеплановая комиссия [4, с. 162], возложившая на Госплан, в числе прочих задач, обязанность разработки единого общегосударственного хозяйственного плана, а также способов и порядка его осуществления.

При этом сама электрификация виделась как «единый фронт борьбы человека с природой» [5, с. 32], и понималась как новая эпоха в истории человечества в целом. Здесь мы можем наблюдать некоторое размытие границ между реальностью и мифом: по мнению Е. Л. Желтовой, процесс электрификации в СССР заключал в себе именно мифологические мотивы, в свою очередь связанные с трансцендентным восприятием света в человеческой культуре [6].

Однако, как считает Э. Р. Зиннатуллина, именно при помощи разных мифологем, касавшихся индустриализации, государству удалось мобилизовать население, превратив религиозные потребности общества в трудовые подвиги на великих стройках коммунизма по созданию промышленных гигантов [7, с. 35].

Если же говорить о плановой реальности первых пятилеток, решение задачи по освоению новых территорий страны, в частности, Сибири, было выработано путем долгих обсуждений и тщательных изысканий.

Уже к 1924 г. было сформулировано положение главных отраслей народного хозяйства Сибири ближайшие задачи по его развитию, главной из которых являлось восстановление «расстроеного гражданской войной земледелия и скотоводческого хозяйства» [8, с. 161]. Общая же характеристика сибирской промышленности была определена как находящаяся «в весьма слабо развитом состоянии», являясь «до сего времени лишь продовольственной и сырьевой базой» [8, с. 168].

Особый интерес представляет тот факт, что вплоть до 1930-х гг. к промышленному освоению Сибири применялись термины колонизация и колонисты.

В рупоре пятилеток – журнале «Плановое хозяйство – отмечалось, что в условиях государственности СССР вопрос о колонизации являлся совершенно новым. В самом деле, до этого была известна колонизация в западноевропейском понимании, а также «наше стихийное, далеко не закончившееся еще заселение Европейской и Азиатской России, <...> более или менее регулируемое переселение в Сибирь». При этом новая колонизация в понимании 1920-х гг. не рассматривалась как эксплуатация, ограбление колоний во имя интересов метрополии (например, Сибири Центральной Россией), отрицалась и трактовка «колонизации» как самовольного или упорядоченного бегства «российского крестьянина под давлением земельного утеснения на Сибирский простор» [8, с. 169].

Колонизация 1920-х гг. виделась как согласованная с общим планом государственного строительства СССР организация земельной площади и хозяйства (или содействие этой организации) в еще необжитых или малообжитых районах страны. При этом основной задачей становилось устройство местного, сибирского населения, «как наиболее ценного колониста, наилучше приспособленного к непосредственной (а не через труд другого человека) эксплуатации (использованию) природных богатств своего района».

Организация же в Сибири народного хозяйства мыслилась как использование природных богатств через «посредство местного туземного населения». Прежнее понимание колонизации как изыскания и выделения возможно большей площади земельного фонда Сибири для переселения на него как можно большего количества российских земледельцев теперь противопоставлялось новому видению: к каждому из экономических районов Сибири предполагалось найти особый подход, вытекающий из форм хозяйственного развития того или иного района, которые намечались планирующими центральными и местными органами СССР.

В качестве первых «колонизационных задач» были поставлены изучение производительных сил необжитых районов, включая «туземного человека и его хозяйство», а также поиск решений по улучшению условий и продуктивности производственного труда и жизни населения. Однако конкретизация проблемы колонизации Сибири оставалась невозможной, пока не были должным образом исследованы ее экономические районы, для чего предполагалось, в числе прочего, создание специального учреждения, например, Государственного Колонизационного Института [8, с. 174].

Следует отметить, что именно в рамках осуществления плана ГОЭЛРО решались первые вопросы экономического районирования страны, в том числе и выделения Сибири в самостоятельную административную единицу — так, в 1925 г. взамен Алтайской, Енисейской, Ново-Николаевской, Омской, Томской и Иркутской губерний был образован новый Сибирский край [9].

Проведенные в 1920-е гг. изыскания гидроэнергетического потенциала сибирских рек позволили в 1930 г. И. Г. Александрову подготовить для

Сибкраи исполкома план комплексных изысканий по проблеме использования гидроэнергетических ресурсов р. Ангары [10, с. 30], что позволило начать под единым управлением систематизированное исследование Ангаро-Енисейского бассейна.

Более подробно исследования гидроэнергетического потенциала Сибирских рек в период 1920–1930-х гг. рассмотрены в других публикациях автора [11, 12, 13].

Однако за исключением изыскательских работ никакая реальная работа по воплощению идей об освоении ресурсов Сибири практически не велась. Сама же проблема энергопользования сибирских рек прошла через проекты Большого и Малого Ангарстроя; через спор между условными «енисейцами» (красноярцами) и «ангарцами» (иркутянами) за первенство энергетического освоения; через дискуссии «тепловиков» и «гидровиков» за главенство теплофикации и газификации планируемых производств в силу более быстрой разработки угольных месторождений по сравнению с возведением ГЭС или же дешевой гидравлической энергии.

На протяжении всего вышеуказанного периода Сибирь воспринималась как «страна неограниченных экономических возможностей» [14, с. 241] и «заколдованных пространств» [15]. В. И. Ленин называл Сибирь краем великого будущего, и неслучайно именно в сибирском г. Канске в 1922 г. Вивианом Итиным было написано первое советское фантастическое произведение – «Страна Гонгури».

Менялись и границы региона: 7 декабря 1934 г. вышло постановление Президиума ВЦИК, во исполнение которого были разукрупнены Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края и образовывался новый Красноярский край. Но и этому решению предшествовали попытки определения границ Сибири. Так, во второй половине 1920-х гг. возникло противоречие между фигурировавшей в работах сибирской группы по пересмотру плана ГОЭЛРО компоновкой материала применительно к экономическим районам Сибири по сетке Госплана, и существовавшим на тот момент административным делением Сибири. Таким образом, опора только на административные границы не позволяла в тот период дать Сибири законченный логический анализ существовавших хозяйственных явлений и правильную концепцию мероприятия на будущее [16, с. 309].

К 1935 г. Гидроэнергoprojectом под руководством профессоров В. М. Малышева и Н. Н. Колосовского была составлена схема использования Ангары [17], предусматривающая возведение каскада из шести ГЭС. Также Ангарбюро получило в свое распоряжение материалы гидрологических, геологических и геодезических изысканий, что позволило приступить к проектировочным работам. Результаты исследования в объеме 23 томов были представлены в экспертную комиссию Госплана.

Оставшиеся исследовательские работы планировалось закончить в следующие 2–3 года, за этот же период предполагалось завершить проектные ра-

боты. С этого момента все усилия предполагалось направить на подготовку строительства Ангарстроя к третьей пятилетке [18, с. 153].

Однако, третий пятилетний план был сорван начавшейся Великой Отечественной войной — освоение гидроэнергетических ресурсов сибирских рек вновь было отложено. При этом освоение и развитие сибирского региона не были остановлены даже в этот самый сложный для СССР период.

Перестройка народного хозяйства в условиях войны потребовала скорейшей эвакуации промышленности из западных и южных районов страны в ее восточную часть, что позволило расширить индустриальные границы за счет нового размещения промышленных мощностей. Советская плановая система позволила провести беспрецедентную по своим масштабам эвакуацию: согласно единому плану, с тщательным выбором места для эвакуированных предприятий, а также учетом возникавших новых производственных связей и цепочек [19, с. 6]. Проведенное перебазирование промышленности на Восток страны позволило значительно повысить индустриальную роль как Западной, так и Восточной Сибири.

После окончания войны вновь встал вопрос об использовании гидроэнергетического потенциала рек Ангаро-Енисейского бассейна.

Именно в период с пятой по седьмую пятилетку (семилетку) было развернуто строительство крупнейших электростанций в Восточной Сибири, а также ввод в эксплуатацию Иркутской и Новосибирской ГЭС, первой очереди Братской ГЭС, а также начато строительство Красноярской гидроэлектростанции на р. Енисей мощностью 3 млн 200 тыс кВт.

Введение в строй Братской и Красноярской ГЭС были необходимы для комплексного развития производительных сил Восточной Сибири с ее неисчислимыми запасами железной руды, каменного угля, леса, цветных металлов и других полезных ископаемых.

Само промышленное освоение данного региона требовало новых решений и большой смелости в их осуществлении. На преодоление границы между запланированными индустриальными районами и остававшейся в пределах малообжитых территорий дикой природой были брошены все силы советского государства.

Энтузиазм, с которым трудящиеся откликнулись на новые призывы и настрой, который задавало само государство, в некоторой степени напоминали знаменитый «Сталинский план преобразования природы». Менялись не только границы экономические и промышленные, но, в силу специфики гидростроительства, и границы физические — природные. Литературные тексты периода ударных сибирских строек рисуют захватывающие картины освоения новой территории и ресурсов: *«Карта маленького карманного атласа оживает, растет; она все больше, шире, и вот уже контуры ее уходят далеко к горизонту. Перед глазами мелькают громадины городов, потоки рек: стремительный прямой Енисей, могучая широкая Обь, причудливо изогнутая Лена. По берегам их встает тайга, щетинистая, темная. Но вот ближние сосны с оглушающим треском рушатся. Просека все шире, все дальше она уходит в лес. Вдруг на нее*

выходит медведь. Громадный, неуклюжий, он шагает сквозь тайгу, и позади него исчезают деревья, а на их месте появляются поселки, заводы. Бряцающая железом, бегут самосвалы. Медведь выходит на берег реки. Воды ее быстры, прозрачны, сини. В самой стремнине, где бек реки разбивается о камни порогов, дрожит на карте изогнутая белая стрелка, над ней надпись: «Ангара» [20, с. 4].

И действительно, при строительстве Братской ГЭС были проложены новые железнодорожные и автомобильные пути, через таежные просеки была протянута ЛЭП-220, через которую Братская ГЭС смогла получить ток Иркутской ГЭС, а в 1959–1961 гг. была сооружена и вторая линия электропередачи — ЛЭП-500.

Строительство обеих линий, как и самой ГЭС, было сопряжено с огромными трудностями, в которых люди смогли испытать границы своих возможностей. История освоения региона и его условия позволяли многим первостроителям ощутить связь времен и найти себя в настоящем: *«Диковатая красота Приангарья «...» где-то неподалеку за сопками, на том берегу, в Илимске жил в ссылке Радищев, на одной из улиц Братска видели одну уцелевшую башню древнего острога, в которую был брошен протопоп Аввакум; вот этими дорогами ходили за славой, за новыми землями сподвижники Ермака, землепроходец Ерофей Хабаров. Мало что изменилось в этих местах, и друзьям невольно хотелось почувствовать себя преемниками неутомимых предков, пионерами, первооткрывателями...» [20, с. 9].*

Другой колоссальной задачей преобразования природы стало перекрытие р. Ангары, которое воспринималось как «укрощение», «схватка» и даже «битва», что также нашло свое отражение в следующих строках:

*«Берегись, Ангара!
В бой идем, Ангара!
Отступает пред нами вода и гора!» [21]*

*<...>
«Вот почему, глубины тревожа,
Тебе приготовили новое ложе.
Вот почему торжественно встали
Высокие стены из камня и стали.
И не узнать нам ангарской долины,
Ошеломленной
Шумом турбины!» [22]*

Воинственный настрой можно почувствовать и через эти отрывки:

*«Туда, где породы закованы стужей,
Туда не ходи, если ты слабоват...»*

*Но мы атакуем тебя оружием
Рожденных ангарской водой киловатт» [23]*

*«Но, как солдат, блюдя присягу,
Волне седой наперерез,
Отбив атаку, шел в атаку
Строитель величайшей ГЭС.
<...>*

*Это бой был настоящий,
Но радостный и светлый бой!» [24]*

Нередко перекрытие реки воспринималось как битва с живым существом:

*«Всю ночь под пеной волны были.
К утру, не дав реке вздохнуть,
Мы скальным грузом придавили
Ее бунтующую грудь <...>
Недвижны тяжкие ворота,
За ними плес плененных вод.
Умолкла битва, но работа
Вступает в новый свой черед» [25]*

Такие темы и аналогии можно увидеть не только в литературных текстах и не только для Братской ГЭС, но и в изобразительном искусстве, печатной агитации для Иркутской, Красноярской ГЭС и т. д.

Таким образом, человек буквально отвоевывал у природы ее ресурсы, взрывал скальные породы, менял течение реки и ее русло, утверждаясь в новых границах – как нового индустриального региона и его реальности, так и в личностных как победителя, «творца жизни», «хозяина земли и ее умного врачавателя» [26, с. 625], из преобразовательской деятельности вышел «бессмертный, счастливый человек» [26, с. 272], преодолевший в определенном смысле границы самой жизни, сумевший создать монументальное сооружение сопоставимое с египетскими пирамидами, увековечив свой трудовой подвиг [7, с. 35]. Отныне «умная река Ангара не только покорялась человеку, но и работала на него» [27].

Во всем этом можно увидеть своеобразный синтез государственного и частного, от поставленных руководством страны задач через нематериальную мотивацию труда к столкновению и изменению границ реальных и метафорических: в необжитых местах создавались новые города и условия жизни, в ходе этих преобразований менялись и сами люди, пытаюсь осмыслить себя через специфику и результаты своего труда.

Не следует забывать о том, что строительство ГЭС привело к затоплению множества населенных пунктов, переселению населения и переносу строений из зон затопления ложа новых водохранилищ, что в корне поменяло жизненный

уклад коренного населения множества сибирских деревень, вынужденного приспособляться в непривычных для них городских условиях.

При этом образовавшиеся в результате строительства ГЭС водохранилища стали новыми для всех территориями со своими границами, которые тоже требовали специфического освоения. В части сельского хозяйства затопление, подтопление и другие воздействия водохранилищ приводили к нарушению внутривладельческого землеустройства: менялись площади и соотношение угодий, нарушались сложившиеся севообороты, специализации отделений в совхозах и бригад в колхозах. Все это требовало в той или иной степени реорганизации сельскохозяйственного производства затронутых форм хозяйствования.

Под влиянием подтопления и изменений микроклимата произошли изменения в почвенном покрове, растительности и животном мире. Водоохранилища вместе с образующими их плотинами внесли существенные изменения как в гидрологический, так и гидрохимический, гидробиологический режимы рек.

Однако эти вызовы имели и положительные стороны, выразившиеся в значительном улучшении условий отдыха населения. На берегах водохранилищ были построены пионерские лагеря, дома отдыха, пансионаты, туристские базы, санатории, в частности дом отдыха «Ангара» (ныне «Братское взморье») на берегу водохранилища Братской ГЭС [13, с. 61].

Таким образом, гидроэнергетическое и промышленное освоение Восточной Сибири задавало новые условия существования как для самих первостроителей, новых хозяев и жителей молодых индустриальных городов, так и для коренного населения региона, при этом старые границы, какими бы они ни были, уже не могли быть возвращены к прежнему состоянию: навсегда ушли под воду обширные территории, а переселение коренного населения на новые площадки приобрело характер безвозвратной миграции. Помимо этого, построенные новые города были не вполне привычны как старожилам, так и новоселам, поскольку были построены по специально разработанным проектам планировок; сами же ГЭС, чьи архитектурные решения все же предусматривали определенную «вписанность» в «героический» ландшафт, внося элементы «организованности, ритмичности, индустриальности» [28, с. 48], навсегда изменили прежний облик этих мест.

В результате указанных преобразований и изменений границ родилась новая крупная промышленная база на востоке страны, индустриализировались и ранее отсталые отдельные районы. На ярком примере развития г. Братска можно проследить, как некогда небольшое сибирское село на базе Братской ГЭС превратилось в крупный энергопромышленный центр, заложивший основу дальнейшего экономического и культурного развития Ангарского региона. Во многом это характерно и для других молодых индустриальных городов, создаваемых при крупных сибирских ГЭС.

Возведенные в сложнейших условиях восточносибирские ГЭС позволили не только создать базу мощных энергопромышленных районов и больших городов, но и увязать в одно целое факторы разного порядка – экономические,

социально-политические, демографические, географические и многие другие. Едва ли можно рассматривать эти процессы как случайное явление, напротив – во многом они стали возможными благодаря закономерному же процессу ведения планового социалистического хозяйства. Само же освоение новой территории подавалось и воспринималось не только как завоевательное, но и в большей степени преобразовательное — на благо страны, ее народа, человека и человечества в целом.

Таким образом, теория фронта, обладая в силу своей гибкости широчайшим спектром возможностей путей применения, позволяет по-новому взглянуть как на уже привычные нам этапы отечественной истории, так и вскрыть ее неожиданные и тем более интересные грани, выявив новые разнородные взаимосвязи.

Список литературы и источников

1. Басалаева И. П., Дубман Э. Л., Мизис Ю. А., Мильчев В. И., Сень Д. В., Урушадзе А. Т., Ходарковский М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сень // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 81–105.
2. Кравченко А. Создание нового советского человека. URL: <https://arzamas.academy/materials/1499> (дата обращения: 25.11.2021).
3. Гастев А. К. Поэзия рабочего удара. Петроград, 1919. 48 с.
4. Положение о Государственной Общеплановой Комиссии. Декрет Совета Народных Комиссаров: ст. № 106. 22.02.1921 // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г.* Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1944. 1198 с.
5. Кржижановский Г. М. Плановые вопросы // *Плановое хозяйство*. 1925. №1. С. 21–41.
6. Желтова Е. Л. Электрификация России (1921–1928 гг.): мифологические аспекты // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1996. № 1. С. 61–77.
7. Зиннатуллина Э. Р. Мифологический образ Братской ГЭС // *Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири*. 2012. Т. 1. № 1. С. 34–38.
8. Положение главных отраслей народно-хозяйственной жизни Сибири и ближайшие ее задачи // *Бюллетени Госплана*. 1924. № 1-2. С. 160–178.
9. О введении в действие Положения о Сибирском крае: постановление ВЦИК от 24.10.1925. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18940#05567534771253893> (дата обращения: 25.11.2021).
10. Малышев В. М. Проблема Ангары. М., Иркутск. Вост.- Сиб. краевое изд-во, 1935. 229 с.
11. Рябов Ю. В. Изучение гидроэнергетического потенциала Сибири в период I и II пятилетнего планов (1924–1937 гг.) (по материалам журнала «Плано-

- вое Хозяйство») // Гришаевские чтения: Материалы III национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева, Красноярск, 18–19 ноября 2020 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 200–212.
12. Ахтамов Е. А., Лукин А. Н., Рябов Ю. В. Деятельность плановых органов по развитию отраслей народного хозяйства Сибири в период I–VI пятилеток // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4(42). С. 93–102.
  13. Рябов Ю. В. История переселения населения из зоны затопления водохранилища ангарских ГЭС (1950–1970-е гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского государственного аграрного университета, 2021. 200 с.
  14. Мекк Н. К. Будущие пути сообщения Западной Сибири // Плановое хозяйство. 1927. № 8. С. 241–265.
  15. ВСКПК. Сектор сводного планирования. В.Н. Шерстобоев. Пригородное хозяйство Вост.-Сиб. края: рукопись на машинке // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р523. Оп. 3. Д. 26. Л. 3.
  16. Белорусец Л. И. Практические моменты построения перспективного плана народного хозяйства Сибирского края // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 301–310.
  17. ВСКПК. Сектор сводного планирования: стенограмма совещания по проблеме Ангары // ГАИО. Ф. Р523. Оп. 3. Д. 36а (ОЦ № 13). Л. 6.
  18. Колосовский Н. К итогам исследовательских работ по Ангарстрою // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 143–153.
  19. Косяченко Г. Военное хозяйство СССР // Плановое хозяйство СССР. Политико-экономический журн. Госплана СССР. 1944. № 1. С. 3–16.
  20. Полухин Ю. Коммунистическая бригада // Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1958. № 1(38). С. 4–28.
  21. Молчанов-Сибирский И. На Братских скалах // Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1958. № 1(38). С. 95
  22. Молчанов-Сибирский И. *** // Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1958. № 1(38). С. 95
  23. Луговской Инн. Безымянное место // Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1959. № 2(43). С. 36
  24. Луговской Инн. Радостный бой // Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1959. № 3(44). С. 10
  25. Твардовский А. У Падуна // Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1959. № 3(44). С. 6
  26. Довженко А. П. Собрание сочинения: в 4-х т. М.: «Искусство», 1968. Т. 3. 772 с.

27. Огневский Л. Характер // Ангара. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1959. № 3(44). С. 12
28. Ковалев А. Я. Ангарский каскад. Москва: Стройиздат, 1975. 328 с. УДК 93/94

ЗНАЧЕНИЕ III КРАЕВОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ СИБИРИ В ИСТОРИИ КРАЯ

Сорокун Павел Владимирович

***Красноярский государственный аграрный университет, Ачинск, Россия
pavel_istoria@list.ru***

Представлена попытка оценить роль организации и деятельности, одного из важнейших региональных законодательно-представительных органов советской власти в Сибири – Краевого съезда советов Сибири, который осуществлял деятельность в 1929 г. и явился последним из общесибирских форумов местной власти региона. Время работы третьего съезда Советов Сибири совпало с началом радикальных перемен в области экономической, социальной и внутрипартийной политики страны. Все это нашло свое отражение в докладах, выступлениях и резолюциях съезда.

Ключевые слова: Сибирь, Советы, краевой съезд Советов Сибири, государство, Сибирский край, окружные органы власти, местное управление, история края.

THE SIGNIFICANCE OF THE III REGIONAL CONGRESS OF THE COUNCILS OF SIBERIA IN THE HISTORY OF THE REGION

Sorokun Pavel Vladimirovich

***Krasnoyarsk State Agrarian University, Achinsk, Russia
pavel_istoria@list.ru***

The author presents an attempt to assess the role of the organization and activities of one of the most important regional legislative and representative bodies of Soviet power in Siberia – the Regional Congress of Soviets of Siberia, which operated in 1929 and was the last of the all-Siberian forums of local authorities in the region. The working hours of the third Congress of Soviets of Siberia coincided with the beginning of radical changes in the field of the country's economic, social and internal party policy. All this was reflected in the reports, speeches and resolutions of the congress.

Key words: Siberia, Soviets, regional congress of Soviets of Siberia, state, Siberian region, district authorities, local government, history of the region.

Изучение вопроса о значении деятельности органов власти Сибири является актуальным на современном этапе, нынешнее федеральное и муниципаль-

ное строительство не может обойтись без учета позитивного и негативного опыта деятельности Советов, чтобы избежать крайностей предшествующей эпохи. Как известно, в основе социалистического эксперимента были коллективистские начала, которые имели корни в российском менталитете. Однако реализация идеи привела к трагическим последствиям. У Советов была широкая социальная опора, но властям не хватало толерантности, потому что идеологическим императивом было разжигание классовой ненависти [1, с. 2–5].

Целостная административная и экономическая система Сибири просуществовала до конца 1930 г., которая вначале подразделялась на губернии, уезды и волости, а с 1926 г. на округа, районы, сельсоветы. Органы представительной власти и управления Сибирского края имели весьма высокую степень самостоятельности в решении хозяйственных, социальных и внешнеэкономических вопросов. В Новосибирске имелись иностранные представительства не только соседних государств, но и Европы [2, с. 175].

Важнейшим законодательным органом власти на территории Сибирского края был краевой съезд Советов Сибири. Он созывался каждый два года на протяжении 1925–1929 гг.

Об одном из таких съездов более подробнее. Третий краевой съезд Советов Сибири начал деятельность в г. Новосибирске в 1929 г., работа длилась на протяжении шести дней с 9 по 15 апреля. Нужно отметить, это был последний из общесибирских форумов местной власти региона, в последующем Сибирский край был поделен на Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский, затем на представленных выше территориях сформировались Омская, Новосибирская, Иркутская, Кемеровская и Томская области, Красноярский и Алтайский края.

На съезд в столицу Сибири со всех концов обширного края прибыло 519 делегатов с решающим и 180 – с совещательным голосом. В ходе съезда пятеро из числа последних получили право решающего голоса. Состав народных избранников представлял следующую картину: рабочих по социальному положению – 37 %, крестьян – 25 %, батраков – 6 %, служащих – 32 %; из них коммунистов – 70 %, комсомольцев – 3 %. Заслуживает внимание и тот факт, что не по всем делегатам имеются сведения об их партийности. По материалам мандатной комиссии, в составе съезда – 70 % коммунисты, что составляет 363 человека. В списке же отмечена партийность 331 делегата. Против ряда фамилий вообще нет отметок о принадлежности к партии. По половому признаку в состав съезда входили: мужчин – 81 %, женщин – 19 %. Делегаты с решающим голосом в абсолютном большинстве были молодыми людьми, в возрасте от 23 до 40 лет. Половина делегатов-крестьян состояла в колхозах. К сожалению, статистика не позволяет в достаточной мере конкретно судить об уровне грамотности делегатов. Есть сведения лишь о том, что из них 515 грамотных, а четверо – неграмотных [3, с. 3].

Повестка для съезда Советов Сибири стала уже традиционной, заседание начиналось с отчета правительства СССР и РСФСР, с которым выступил нарком РКИ М. И. Ильин; отчет Сибкрайисполкома (докладчик Р. И. Эйхе); вопрос о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства; утверждение бюд-

жета Сибирского края. На пленарных заседаниях съезда, которых состоялось десять, были заслушаны доклады по всем вопросам повестки дня, однако прения развернулись лишь по первым двум отчетам. Вопросы сельского хозяйства, бюджета, уточнения административного деления Сибирского края обсуждались на секциях, которые работали 14 и первую половину дня 15 апреля 1929 г.

Время работы третьего съезда Советов Сибири совпало с началом радикальных перемен в области экономической, социальной и внутривластной политики, которые были инициированы в высших сферах партийного и советского руководства страны и, как магнитные волны, передавались на периферию, в том числе в Сибирь. Все это нашло свое отражение в докладах, выступлениях и резолюциях съезда.

По мнению И. Молетотова, чтение текста стенограммы никого не оставит безучастным к тем противоречивым явлениям, которые так ярко видны сегодня, с высоты нашего времени. За первое десятилетие Советской власти на базе новой экономической политики Сибирь достигла существенных результатов в деле восстановления сельского хозяйства, были предприняты шаги по пути индустриализации края. Однако вопросы социального развития деревни и города решались медленно, хотя относительные величины средств на образование, здравоохранение, культуру были вроде бы внушительными [3, с. 3–4]. Многие делегаты приводили убедительные цифры и факты несправедливого распределения средств со стороны Центра, о том, что Сибирь по-прежнему оставалась колонией, сырьевым придатком. На съезде отмечался весьма низкий уровень культуры производства в городе и на селе, вопиющие факты бесхозяйственности, отсутствие даже крайне необходимого количества специалистов, не говоря о низком их профессионализме. Одновременно с констатацией этих фактов раздавались призывы усилить темп индустриализации и коллективизации, перегнать капиталистические страны. Конечно, весной 1929 г. речи о сплошной коллективизации еще не было. Ее темп даже на конец пятилетки был относительно взвешенным [4, с. 270–282].

В то время уже во всю была развернута критика политики правой оппозиции, которая выступала против правового беспредела Сталина. Однако в материалах съезда Советов Сибири эта критика прямо не отражена, приводится лишь мысль о том, что необходимо сломить сопротивление кулака, саботирующего сдачу хлебных излишков. По этому поводу было принято специальное обращение съезда к крестьянству Сибири [5].

Практическими лозунгами социалистического строительства, которые наиболее часто повторялись на съезде, были повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции, нажим на кулака в деревне и нэпмана в городе. На съезде выступило немало представителей национальных меньшинств. Почти все они говорили о бедственном положении своих соплеменников. Из весьма откровенных выступлений делегатов видны расхождения лозунгов и реальной жизни, крепнущий партийно-советский бюрократизм.

Подводя итог работе III краевого съезда советов Сибири, нужно отметить, что представленный законодательно-представительный орган Советской власти

играл важную роль в развитии всего Сибирского края, он являлся основоположником социалистического развития на территории Сибири. Именно благодаря краевому съезду Советов Сибири в дальнейшем на данной территории проходила индустриализация и коллективизация в Советском государстве.

Список литературы и источников

1. Сорокун П. В. Организация и деятельность окружных органов советской власти в Сибирском крае в 1925–1930 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Иркутский государственный университет. Иркутск, 2012.
2. Сорокун П. В., Дорохов В. Г. Ведущие направления деятельности окружных органов власти Сибири в 1925–1930 гг. // Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (7). С. 175–178.
3. Третий краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1929 г.) / под. ред. И. А. Молетотова. Ч. 1. Новосибирск, 1994. 225 с.
4. Третий краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1929 г.) / под. ред. И. А. Молетотова. Ч. 2. Новосибирск, 1994. 295 с.
5. Общество. III съезд Советов Сибири / Новосибирский Краеведческий портал. URL: <http://kraeved.ngonb.ru> (дата обращения: 10.11.2021).

УДК 94 (47) (571) «1932/1934»

К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СНАБЖЕНИИ г. КРАСНОЯРСКА В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.: КОЛХОЗНЫЕ ЯРМАРКИ И БОРЬБА СО СПЕКУЛЯНТАМИ И ПЕРЕКУПЩИКАМИ НА ПРИМЕРЕ МЕЖРАЙОННОЙ ЯРМАРКИ 20 ФЕВРАЛЯ – 1 МАРТА 1933 ГОДА

***Хорина Вера Владимировна, ведущий архивист
Государственный архив Красноярского края, Красноярск, Россия
scd.nb.kgau@mail.ru***

В начале 1930-х гг. во многих городах Сибири остро стояла проблема снабжения населения продовольствием. Красноярский городской отдел снабжения частично решал ее путем организации колхозных базаров и ярмарок, на которых жители села продавали горожанам продукцию сельского хозяйства, а взамен получали по системе «встречной» торговли промышленные товары и товары широкого потребления. Во время проведения таких базаров и ярмарок принимались предельно жесткие меры для борьбы со спекулянтами, перекупщиками и другими правонарушителями.

Ключевые слова: снабжение, колхозный базар, колхозная ярмарка, борьба со спекуляцией, дежурная камера народного суда

***ON THE ISSUE OF FOOD SUPPLY IN KRASNOYARSK IN
THE EARLY 1930S: COLLECTIVE FARM FAIRS AND THE FIGHT
AGAINST SPECULATORS AND DEALERS ON THE EXAMPLE
OF THE INTERDISTRICT FAIR FEBRUARY 20 – MARCH 1, 1933***

***Khorina Vera Vladimirovna, lead archivist
The State Archive of the Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia
scd.nb.kgau@mail.ru***

In the early 1930s, the problem of food supply to the population was acute in many cities of Siberia. The Krasnoyarsk City Supply Department partially solved it by organizing collective farm bazaars and fairs, at which the villagers sold agricultural products to the townspeople, and in return received industrial goods and consumer goods under the "counter" trade system. During such bazaars and fairs, the most stringent measures were taken to combat speculators, dealers and other offenders.

Key words: supply, collective farm bazaar, collective farm fair, fight against speculation, duty chamber of the people's court

В начале 1930-х гг. – сложных во многих отношениях для всей страны – проблемы со снабжением населения продовольствием и товарами первой необходимости в сибирских регионах наблюдались повсеместно. В немалой степени это было обусловлено как раз тем, что Сибирь демонстрировала все основные особенности «зоны фронта»: удаленность от центра, постоянный и острый дефицит рабочих рук (и в особенности – высококвалифицированных кадров), крайнюю неразвитость транспортной и любой другой инфраструктуры (и следовательно, – весьма затрудненную логистику), плохо отлаженную систему связи и взаимодействия как с центром, так и между подразделениями местного аппарата управления (и связанную с этим запутанную и неэффективную систему взаимных финансовых расчетов) и т. д.

Все это привносило напряжение и неопределенность в работу сибирских краевых и областных (а также городских) местных администраций и создавало многочисленные сложности, которые приходилось зачастую, решать срочно и без предварительного планирования, – «здесь и сейчас».

Процесс снабжения продовольственными и промышленными товарами населения г. Красноярска и Красноярского района Восточно-Сибирского края в 1930–1934 гг. (со всеми характерными именно для нашего региона проблемами) детально иллюстрируют документы фонда Р-309 «Красноярский городской отдел снабжения Красноярского городского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» Государственного архива Красноярского края (ГАКК). С их помощью, в частности, можно проследить, каким образом в городе и районе устанавливали цены на основные виды товаров, насколько успешно выполняли ежегодные планы по заготовкам и самозаготовкам продовольствия и других видов сельскохозяйственной продукции, как ор-

ганизовывали рабочее снабжение на предприятиях и в социально значимых учреждениях города, как регулировались хлебопечение и распределение хлеба, его свободную продажу, а также изучить другие не менее важные аспекты экономической жизни города и района в указанный период.

Одним из наиболее любопытных примеров организации дополнительного обеспечения жителей Красноярска продовольственными товарами помимо тех, что поступали – чаще всего в абсолютно недостаточном количестве – по линиям планового завоза различных торгов («Сибторга», «Востсибпищеторга» и др.), через системы Красноярского отделения ГОРТ, «Крайпотребсоюза», краевых контор таких организаций, как «Союзмясо», «Союзхлеб» и т. д., было устройство регулярных колхозных базаров и проведение крупных разовых межрайонных ярмарок, где горожане могли более или менее свободно купить в необходимом им количестве продукты, которые не получали (или недополучали) по системе рабочего снабжения.

В соответствии с директивами ЦК ВКП(б), Колхозцентра и Наркомзема СССР, в 1932 г. при Красноярском городском отделе снабжения была создана специальная комиссия по колхозно-советской торговле, основными функциями которой были установление постоянных связей с районными исполкомами и колхозами по части взаимного обмена товарами, организация работы колхозных базаров в городе, а также сбор сведений о движении товаров и базарных цен и составление регулярных отчетов и сводок для Восточно-Сибирского краевого отдела снабжения в г. Иркутске (головной организации Красгорснаба) [1, 3, 4].

С 15 июня 1932 г. комиссией были установлены постоянные базарные дни в г. Красноярске: в Слободе III Интернационала базары проходили по пятницам, на только что открытом Советском рынке на площади Революции – по средам и субботам. Кроме того, поскольку население правобережной части города быстро росло, было решено обустроить базар также на правом берегу. Соответствующее распоряжение было отдано Красгорснабом комиссии по колхозно-советской торговле 28 июня 1932 г. [1, л. 4, 21, 24, 53]

Базары были организованы следующим образом: колхозники и частники (единоличники) привозили и продавали в специально оборудованных весами, гирями и другим торговым инвентарем ларьках продукцию сельского хозяйства (мясо, молоко, яйца, домашнюю птицу, овощи и др.). Здесь же, на этом же базаре, осуществлялась встречная торговля: распродавшие свою продукцию сельчане получали специальные талоны, дававшие им право приобрести мануфактуру, одежду, обувь и другие товары ширпотреба, особенно дефицитные на селе.

С целью бесперебойного снабжения базаров промтоварами и предметами ширпотреба все производящие эти товары и торгующие ими предприятия города обязывались производить обязательные поставки на базар (хотя, как отмечается в документах комиссии по колхозно-советской торговле, ассортимент чаще всего оказывался совершенно недостаточным). Особо рекомендовалось немедленно передавать со складов на реализацию для сельских жителей товары, не имеющие особого спроса в городе, но необходимые в деревне.

Продажа товаров производилась применительно к ценам, рекомендуемым Наркомснабом и Комитетом цен при Совете труда и обороны (СТО) СССР, полученная разница должна была вноситься в Госбанк. Многие наименования промтоваров и бакалеи продавались по установленным нормам (например, не более 1 пары обуви на человека, сахара – не более 2 кг, мануфактуры – не более 5 метров, и т. д.). Случалось, что городские рабочие и служащие устраивали на базаре очереди за дефицитными товарами, предназначенными для сельчан, а потом перепродавали их здесь же [1, л. 4, 8, 16, 21, 24, 49; 2, л. 86].

Для приезжавших на городские базары колхозников были организованы столовая и буфет, пункт первой помощи, парикмахерская, сапожная мастерская. Для них регулярно проводились культурно-массовые мероприятия: выступления оркестра, «живой газеты», клубных кружков и т. п. [1, л. 4, 9, 16]

Естественно, при базарах постоянно дежурили сотрудники милиции, которые вели «решительную борьбу с перекупщиками и спекулянтами, не допуская игр, устраиваемых темными личностями с целью обирания крестьян» [1, л. 9, 21], а также, с мелкими кражами и хулиганством.

16 июня 1932 г. на заседании президиума Красноярского горсовета было принято постановление: «Обязать Райколхозсоюз развернуть массовую работу среди колхозников о колхозной торговле, <...> давая отпор кулацким попыткам сорвать колхозную торговлю», так как, по некоторым сведениям с мест, «кулак и его агенты пытались уговорить колхозника, чтобы он не ездил на базар, что с него за это возьмут большие налоги и ничего не дадут, сдерут за место на базаре, заставят торговать по установленным ценам». В ближайшие к г. Красноярску районы отпавились специальные агитбригады, проводившие разъяснительную агитацию среди колхозников и единоличников о важности и необходимости колхозных базаров и ярмарок для налаживания взаимовыгодных связей города с деревней [1, л. 21, 24; 2, л. 52].

В декабре 1932 г. Бюро краевого комитета ВКП (б) и президиум краевого исполкома приняли постановление о проведении в г. Красноярске с 20 февраля по 1 марта 1933 г. «пробной» межрайонной колхозной ярмарки. На основании этого постановления президиум Красноярского горсовета учредил 5 января 1933 г. ярмарочный комитет (ярмарком), поручив ему в декадный срок осуществить проработку плана подготовительных работ к открытию ярмарки.

Среди прочего, ярмарком должен был выявить объем товаров широкого потребления, которые возможно реализовать на предстоящей ярмарке в порядке «встречной» торговли; произвести подготовку плана массовой разъяснительной работы среди колхозников и единоличников по привлечению их к участию в ярмарке, а также плана популяризации ярмарки среди рабочих г. Красноярска; связаться с дирекциями колхозов и районными исполкомами Красноярского, Большемуртинского, Сухобузимского, Уярского, Манского, Партизанского, Балахтинского и Новоселовского районов по поводу участия сельских жителей этих районов в ярмарке; наметить необходимые мероприятия по подготовке площади Революции к приему ярмарки (переоборудованию и ремонту ларьков и торговых помещений, расчистке проездов и др.), по обеспечению

бесперебойной работы парикмахерской, медпункта, сапожной и шорной мастерской, ветпункта для осмотра мясопродуктов, по предоставлению колхозникам и единоличникам проживания и питания на весь срок ярмарки, организации для гостей культурной программы и т.д. [2, л. 104–105, 132–134, 140–143, 169–172, 174]

С 10 января по 19 февраля 1932 г. ярмарком провел 8 заседаний, на которых докладывались результаты подготовки к ярмарке, обсуждались возникавшие в ходе этой работы проблемы и трудности.

В целях широкого освещения подготовки и проведения ярмарки редакция газеты «Красноярский рабочий» установила специальные рабкоровские посты. Непосредственно в дни ярмарки было решено издавать листок-многотиражку под названием «На ярмарке». Во многих городских клубах, в том числе при Доме крестьянина, готовились постановки пьес, сценарии громких читок и бесед как на политические темы, так и по вопросам сельского хозяйства, ветеринарии, агрономии. Колхозникам и частникам, лучше всех проявившим себя на ярмарке, планировалось выдавать бесплатные билеты в кино и цирк.

С целью борьбы со спекуляцией, выявления перекупщиков и обеспечения порядка на ярмарке была создана особая инспектура (инспектор и 10 агентов при нем, а также круглосуточный дежурный и контролер при Доме крестьянина, где было намечено размещать основную массу приезжих колхозников). Кроме того, создавались бригады рабочего актива, которые должны были дежурить на постах в пригородах и на въезде в город, а также на самой ярмарке, охраняя имущество и грузы приезжих гостей и предотвращая случаи спекуляции, мошенничества, жульничества, краж и хулиганства [2, л. 85, 106–109, 132–134, 140–143, 153, 163–165, 169–173].

По указанию Восточно-Сибирского краевого отдела снабжения ярмарком должен был организовать налоговую камеру, укомплектованную достаточным количеством сотрудников, которые будут выявлять спекулянтов и перекупщиков и передавать их милиции. Здесь же, при ярмарке, создавалась дежурная камера народного суда со штатом следователей и судей, в обязанности которых входило оперативно разбирать прямо на месте все выявленные случаи спекуляций, краж, мошенничества, хулиганства и других преступлений и проступков и выносить обвинительные (либо оправдательные) приговоры [2, л. 85].

Цены на все товары, продаваемые на ярмарке, согласно постановления Восточно-Сибирского крайснаботдела № 6 от 8 февраля 1933 г, устанавливались в соответствии с коммерческим прейскурантом, разработанным Наркомснабом и утвержденным Комитетом товарных фондов и регулирования торговли при СТО СССР. Продажа мануфактуры и ширпотреба должна была производиться только колхозникам строго при предъявлении ими удостоверений от правлений колхозов, а также единоличникам при предъявлении удостоверений от сельских советов о том, что они выехали на ярмарку для продажи сельхозпродуктов. На все предметы ширпотреба устанавливалась норма отпуска в одни руки: не более 6 метров мануфактуры, не более одного платья, фу-

файки, свитера, одеяла и т. д., не более 2 пар обуви, мелкого трикотажа (носок, чулок, перчаток и т. д.) — не более, чем на 30 рублей и т. п. [2, л. 78, 86].

В первый день ярмарки из районов (Красноярского, Большемуртинского, Сухобузимского, Уярского, Балахтинского, Новоселовского и Партизанского) прибыло 644 подводы с различной сельскохозяйственной продукцией. Основным ассортиментом составили: мясо, растительное и животное масло, молоко, сметана, сало, мед, овощи (картофель, помидоры, морковь, соленые огурцы, квашеная капуста), различные крупы, а также дрова и сено. Общая стоимость проданной колхозниками продукции составила более 200 тыс. руб. «Встречной» торговлей было реализовано промтоваров и ширпотреба на сумму около 150 тыс. руб.

В рамках борьбы со спекуляцией и правонарушениями в этот день были арестованы милицией и доставлены в дежурную камеру народного суда всего 12 чел. Из них осуждены 8 чел. (5 — за спекуляцию, 1 — за кражу, 1 — за избиение, 1 — за мошенничество), получившие от 1,5 лет высылки до 7 лет лишения свободы.

За первые же три дня ярмарки (20–22 февраля) было поймано и осуждено, в общей сложности, 47 чел. (32 — за спекуляцию, 8 — за кражи, 4 — за хулиганство, 2 — за мошенничество, 1 — за дачу взятки милиционеру). Сроки, присужденные судьями камеры народного суда за вышеуказанные преступления и проступки, составили от 4 месяцев принудительных работ до 10 лет лишения свободы (общей совокупностью 236 лет) [2, л. 3, 22-32, 44, 66–67].

Докладная ярмаркома Восточно-Сибирскому крайснаботделу от 8 марта 1933 г. и «Конъюнктурный обзор колхозной ярмарки, проходившей в г. Красноярске с 20 февраля по 1 марта 1933 г.» позволяют ознакомиться с общими результатами этого масштабного мероприятия:

За 10 дней ярмарки колхозники и единоличники доставили для продажи 2171 подводу различной сельхозпродукции (из Красноярского, Балахтинского, Новоселовского, Сухобузимского, Большемуртинского, Уярского, Манского, Партизанского и других районов), стоимость которой по итогам реализации составила более 1 млн. 127 тыс. рублей. Тем не менее, это количество проданной продукции «далеко не покрыло того спроса, какой предъявлялся со стороны городского населения, которое при появлении подвод, особенно с мясом, проявляло усиленный натиск». При этом цены на продукты на ярмарке оказались примерно на 20 % ниже, чем в среднем были до нее в городе.

Общая сумма реализации промтоваров и ширпотреба колхозникам в виде «встречной» торговли оказалась меньше — около 900 тыс. рублей (почти в 3 раза ниже изначально намеченного ярмаркомом плана). Частично это объяснялось тем, что немало денег сельчане потратили на оплату питания и проживания в городе. К тому же значительная часть ширпотреба (например, изделия из дерева, жести, химические краски, игрушки, из обуви — ботинки, и т. п.) вообще не нашла спроса среди сельских жителей. Ярмарком отметил, что это необходимо иметь в виду при организации следующих ярмарок, чтобы более удачно формировать ассортимент в соответствии с предполагаемым спросом.

Помимо осужденных за спекуляцию (общее количество которых за все 10 дней ярмарки в документах Д. 32 Ф. Р-309, к сожалению, не указано), за время работы ярмарки 25 человек получили от сотрудников городского финансового отдела штрафы за нелегальную торговлю (общей суммой в 2000 рублей). Еще 9 человек были привлечены по той же причине, но оправданы [2, л. 2–8].

В качестве иллюстрации того, как освещалась в местной периодике работа ярмарки и, конечно же, замеченные при ее проведении недостатки и проблемы, приведем заголовки многотиражки «На ярмарке»: «Отобьем руки спекулянтам», «Спекулянтка с колхозной справкой», «Злобин повышал цены», «Спекулянтка Березняк разоблачена», «Товары деревне мы даем по дешевым ценам. Колхозы и единоличники тоже должны торговать дешевле», «Прейскурант был спрятан», «Бархатовцы проявили рвачество», «Ярмарка — толчок к дальнейшему развитию торговли», «Лучшие колхозники и единоличники пойдут в театры бесплатно», «Шире развертывать товарооборот», «Шире массовую работу за организованные выезды на ярмарку», «Пресечь разбазаривание пряников!», «Дайте возможности напиться чаю!» и т.д. [2, л. 48–49, 52–53, 57, 65, 74]

Подводя итоги ярмарки, председатель ярмаркома Карпухин отметил, что в целом подобные мероприятия имеют огромное значение «как в части подвоза продукции для снабжения трудящихся, так и в части закрепления хозяйственно-политических взаимоотношений рабочей массы с колхозниками и трудящимися единоличниками. Но этому должна предшествовать правильно организованная массово-разъяснительная работа, которая к проведению данной ярмарки была недостаточно проведена в некоторых районах, чем и объясняется безобразно слабое их участие в ярмарке» [2, л. 3].

А заведующий городским финансовым отделом Прибытков и экономист по товарообороту Ефимов в «Конъюнктурном обзоре ...» констатировали, что колхозная ярмарка все-таки не дала ожидаемого эффекта и, вероятно, главной причиной тому послужили сильные морозы (от –30 до –40 градусов), стоявшие все 10 дней. Но явно не только морозы, поскольку наиболее активное участие в ярмарке приняли не самые ближайшие к г. Красноярску районы, а те, где была заранее проведена широкая агитационная и разъяснительная работа. «Опыт колхозной ярмарки говорит о том, что в будущем необходимо широко и чаще практиковать колхозные базары, <...> изучить спрос колхозного базара по видам товара и еще более усугубить всю разъяснительную работу» [2, л. 8].

В последующие годы Красноярский горснаб продолжил и развил практику проведения регулярных колхозных базаров и районных и межрайонных ярмарок, поскольку «организация колхозной ярмарки — это смычка колхозных масс и трудящихся единоличников с рабочими и трудящимися города, [которая] имеет большое хозяйственно-политическое значение» [1, л. 69].

Базары и ярмарки, как правило, служили весьма весомым дополнением к системе городского снабжения (чаще всего справлявшейся со своей основной функцией недостаточно эффективно), особенно в части своевременных поставок свежих продуктов питания.

Список литературы и источников

1. Протоколы совещаний комиссии по колхозно-советской торговле при Красгорснабе за июнь–август, октябрь–ноябрь 1932 г., сведения и сводки к ним о движении товаров и ценах на колхозных базарах г. Красноярска. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-309. Д. 24.
2. Дело о проведении в г. Красноярске межрайонной колхозной ярмарки с 20 февраля по 1 марта 1933 г. ГАКК. Ф. Р-309. Д. 32.
3. Документы о движении базарных цен на основные продукты питания в г. Красноярске в 1934 г. (обзоры базаров, еженедельные сводки, таблицы). ГАКК. Ф. Р-309. Д. 99
4. Документы о состоянии колхозной торговли, работе базаров и ярмарок в г. Красноярске в 1934 г. (постановления, обзоры, планы, сведения, сводки, заявления). ГАКК. Ф. Р-309. Д. 105.

УДК 30.308

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Шадрин Виктор Константинович

***Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
uspech2016@gmail.com***

В статье рассмотрены особенности экономического развития фронтальных территорий на примере Красноярского края. Поставлены следующие вопросы: популяризация фронта в научной среде, интерес к самому понятию, содержанию, формам. Предстоящее восстановление деятельности Северного морского пути также потребует перемен в береговой службе. Применим ли опыт, связанный с этим? В результате делается вывод о важности выработки непредвзятого взгляда на сибирский фронт, чтобы понять значение фронтального продвижения для России.

Ключевые слова: фронт, территория, колонизация, завоевание, Северные районы, демографические показатели, факторы производства, Красноярский край.

FEATURES OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF FRONTIER TERRITORIES ON THE EXAMPLE OF THE KRASNOYARSK KRAI

Shadrin Victor Konstantinovich

***Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
uspech2016@gmail.com***

The article deals with the peculiarities of economic development of frontier territories on the example of Krasnoyarsk region. The following questions are put:

popularization of the frontier in the scientific environment, interest in the very concept, content, forms. The forthcoming restoration of activity of the Northern Sea Route will also demand changes in coastal service. Is the experience associated with it applicable? The conclusion is that it is important to develop an open-minded view of the Siberian frontier in order to understand the significance of frontier advancement for Russia.

Keywords: frontier, territory, colonization, conquest, northern regions, demographic factors, Krasnoyarsk Krai.

Термин фронтир вошел в отечественную историческую науку сравнительно недавно. Его применение потребовало конкретизации как самого понятия, так и его содержания.

Так, Ф. Дж. Тернер – автор концепции фронта считал, что фронтир играет особую роль «подвижной границы» в обеспечении американских граждан экономическими свободами и является новой моделью демократии. Тактика проводимой политики освоения северных земель может использовать опыт других стран [1].

По статье Д. В. Сеня «Как сегодня изучать фронтир?» в научной среде развернулась дискуссия. Она приняла несколько направлений. Одно из них – поиск ответа на вопросы: является ли концепция фронта убедительной сегодня? Какие в ней сильные и слабые стороны? [2]

По этому поводу М. Ходарковский заметил, что практически любое общество выступает вначале с размытыми границами, которые формируются вместе с формированием государства. Поэтому, считает он: «...фронтир – это универсальная категория, ибо все государственные образования начинаются с него» [2, с. 81].

И. П. Басалаева считает, что «фронтир – один из самых неоднозначных концептов социально-исторического знания». В настоящее время, по ее мнению, определились интеллектуальные ходы и персоны, но реального движения нет. Фронтир, считает И. П. Басалаева, не является инструментом конкретных исторических явлений [2, с. 81].

В. И. Мильчев обратил внимание, что «...ведя разговор о «фронтире» в наше время, трудно ограничить свое воображение событийной историей «Дикого Запада» или же «Дикого поля». Понимание фронтирного взаимодействия, в широком смысле слова, стало означать контакт (с последующими взаимными реакциями) носителей языков, идей (религий), технологий, типов хозяйствования. «Допустим», – пишет автор, – «освоение предками циркумполярных народов просторов Арктики. Как известно, ставшее хрестоматийным определение американского фронта XIX в. гласит, что таковым является территория с населением меньше двух человек на квадратную милю. А если людей нет вообще, вместо них в изобилии встречаются белые и бурые медведи, полярные волки и прочие представители местной фауны – следует ли тогда рассматривать процесс проникновения небольшой группы первооткрывателей в качестве фронтирной ситуации». А если людей нет вообще, то нет и фронта [2, с. 82].

В работе В. П. Самариной и Т. П. Скуфьиной «Северные регионы России как фронтирные территории, отмечено, «что органы управления не признают

северные территории как фронтирные, хотя их местоположение, удаленность от административных центров, социальные и экономические проблемы, определяют негативную специфику их развития. Это позволяет рассматривать подобные территории как фронтирные. Хотя показатели, как соотношение полов, средний возраст, коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста не всегда «прямолинейно» характеризуют ситуацию, однако их можно использовать в этом качестве при сравнении регионов» [2, с. 40].

Освоение северных земель, точнее восстановление их использования, связано с тем, что на право владения береговой зоной Арктики претендуют восемь государств: Россия, Канада, Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания. Так как путь из Европы в Азию через Северный полюс на четыре тысячи миль короче, чем мимо Африки, то восстановление Северного морского пути (далее СМП) имеет огромное международное экономическое значение.

Наиболее изучены в Ледовитом океане недра шельфа Баренцева, Печорского и Карского морей. Запасы разведанных там 11 месторождений нефти и газа оцениваются в 54 млрд тонн. По данным Геологической службы США, потенциальные запасы нефти в регионе составляют 90 млрд баррелей, газа – 47,3 трлн м³, газового конденсата – 44 млрд баррелей.

Таким образом, освоение Севера сталкивает национальные интересы многих стран.

В силу ряда обстоятельств, Россия вновь обращает внимание на свои северные территории. Сибирь является важным с геополитической точки зрения регионом России. Специфика его развития определяется наличием протяженной государственной границы (Сибирь граничит с обширными пространствами Центральной Азии и соединяет Россию с Азиатско-Тихоокеанском регионом) и соседством с богатыми сырьем экономическими районами России. Природные ресурсы Сибирского края огромны и разнообразны.

В арктическую зону России вошла часть территории Туруханского района Красноярского края. Экстремальные природно-климатические условия и удаленность от промышленных центров, привели к тому, что при крайне низкой плотности населения – 0,08 чел/км² (по Красноярскому краю — 1,21 чел/км²), численность населения края и района сокращается (табл.).

Демографические показатели Красноярского края [3, с. 9–14]

	1990	2000	2010	2018	2020*
	На 1000 человек населения				
Численность населения края, всего, чел.	3188,9	3022,1	2832,9	2871,0	2867,8
Коэф. рождаемости	13,8	9,3	11,6	11,7	–
Коэф. смертности	9,3	14,8	13,5	12,4	–
Коэф. ест.прироста	4,5	5,5	0,1	0,7	–

*на 1 января 2020 года.

С 1990 по 2018 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин увеличилась с 62,6 лет до 64,9 года, женщин: с 74,1 до 77,1 года.

Сейчас набирают силу реальные претенденты на восстановление и эксплуатацию Северного морского пути, что заставляет участников ускорить освоение перспективного региона.

Однако, известные варианты фронта – колонизация или завоевание – не подходят ситуации, хотя по содержанию и цели – освоение территории, они близкие.

Итак, для того чтобы признать территорию фронтальной, она должна отвечать некоторым условиям. Предложено остановить выбор на группе демографических показателей, среди которых определяющим будет положительный коэффициент естественного прироста населения, как выражение трудового потенциала. Но следует отметить, что этот показатель зависит от ряда событий минувших лет: война, эпидемия и т. п.

Цель придания северным территориям статуса фронтальной – вывести их из-под юрисдикции централизованного управления, направить средства на решение проблем территории.

Миграционные потоки на север во всем мире малочисленны и состоят в основном из молодых креативных людей. По оценке интереса населения к предпринимательской деятельности выявлено, что среди регионов СФО, жители Красноярского края проявляют самый высокий (расчет произведен авторами по методу ABC-экспресс-анализа) Для привлечения их к этому виду деятельности нужно создать благоприятную среду [5].

Кроме того, территория может обладать такими особенностями, которые накладывают отпечаток на все фазы процесса освоения. Для Туруханского района это длительный зимний период с низкими температурами.

В последнее время о характере продвижения русских на восток, о том, кто выступал инициатором освоения новых земель, сложились различные мнения: например, одни из историков считают, что имело место «присоединение» (противоположное колонизации), другие, «освоение», связанное исключительно с «завоеванием». Существование различных мнений связано с тем, что Сибирь играет все большую и большую роль в жизни Российской Федерации. Уже не первое десятилетие ведется пропаганда американского «Дикого Запада» периода фронта. Одни ученые сравнивают с ним колонизацию Сибири и выделяют общие признаки, другие считают обратное. Поэтому важно выработать непредвзятый взгляд на сибирский фронт, чтобы понять значение фронтального продвижения для России и каковы проблемы на современном этапе освоения Сибири в судьбе нашего государства.

Список литературы и источников

1. Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. Москва, 2009. С. 304.
2. Басалаева И. П., Дубман Э. Л., Мизис Ю. А., Мильчев В. И. Как сегодня изучать фронты? Дискуссия по статье Д. В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 81–105.

3. Самарина В. П., Скуфьина Т. П. Северные регионы России как фронтальные территории: демографические показатели и инновации в управлении // Инновации. 2018. № 11 (241). С. 39–43.
4. Красноярскому краю — 85 лет. Красноярск, 2019. С. 128.
5. Ахмедзянова Ф. К., Галанцева И. В., Ющенко А. Л. Анализ предпринимательской среды регионов России // Вестник Казанского технологического университета. 2013. No 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-predprinimatelskoj-sredy-regionov-rossii-1> (дата обращения: 15.11.2021)

УДК 947:37:63 (571.5)

**ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ
ДЛЯ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1960 –
НАЧАЛО 1970-Х ГГ.)**

Яковлев Александр Леонидович
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени
В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия
yakovlev.423mail.ru

В статье предпринята попытка осветить обеспеченность сельского хозяйства кадрами и проследить их подготовку. Показано укрепление состава руководителей хозяйств и руководителей среднего звена. Приводятся примеры подготовки кадров, как в регионах Восточной Сибири, так и в РСФСР. В соответствии с потребностями развивающегося сельскохозяйственного производства, прослеживается подготовка специалистов новых профессий.

Ключевые слова: сельскохозяйственные кадры, специалисты сельского хозяйства, руководители хозяйств, руководители среднего звена, сельское хозяйство.

**TRAINING OF QUALIFIED PERSONNEL FOR KOLKHOZES
AND SOVKHOZES (SECOND HALF OF THE 1960S – BEGINNING 1970S)**

Yakovlev Alexander Leonidovich
Buryat State Agricultural Academy them. V.R. Filippova, Ulan-Ude, Russia
yakovlev.423mail.ru

The article attempts to highlight the provision of agriculture with personnel and track their training. The strengthening of the composition of farm managers and middle managers is shown. Examples of personnel training are given, both in the regions of Eastern Siberia and in the RSFSR. In accordance with the needs of developing agricultural production, the training of specialists in new professions is being traced.

Key words: agricultural personnel, agricultural specialists, farm managers, middle managers, agriculture.

В советское время успехи и недостатки в развитии сельскохозяйственного производства зависели прежде всего от уровня работы руководителей и специалистов сельского хозяйства, от обеспеченности колхозов и совхозов квалифицированными кадрами массовых профессий.

Значительная работа по улучшению состава руководящих кадров на селе была проведена после мартовского (1965 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС. За эти годы количество директоров, имеющих высшее сельскохозяйственное образование, в РСФСР увеличилось к 1970 г. на 2147 человек, в их составе насчитывалось 94,6 % специалистов; председателей колхозов, имеющих специальное образование, возросло с 62 % до 77 %. Более 4,5 тысяч из них имели высшее образование [1, с. 2].

Укрепление состава руководителей хозяйств за счет выдвижения лучших специалистов с высшим образованием являлось одной из основных задач в работе с кадрами.

Многие местные сельскохозяйственные органы принимали действенные меры к выполнению поставленной задачи. Количество директоров совхозов с высшим образованием увеличивалось. Так, например, в Бурятской АССР в 1965 г. все директора, главные агрономы, зоотехники, инженеры, ветврачи имели высшее и среднее специальное образование [2, с. 203–204]. Схожая ситуация наблюдалась и в других регионах Восточной Сибири так в Иркутской области к 1970 г. директорами совхозов работали только специалисты сельского хозяйства, из них 80,9 % имели высшее сельскохозяйственное образование. В сравнении с другими регионами Сибири и Дальнего Востока эти показатели являлись высокими. Так в Хабаровском крае на должностях директоров совхозов количество специалистов с высшим образованием уменьшилось на 4,5 % председателей колхозов – на 8,3 %, аналогичное положение наблюдалось и в Омской области [1, с. 2].

Одной из важнейших задач являлось укрепление состава руководителей среднего звена колхозов и совхозов. Производственные бригады, животноводческие фермы и отделения значительно укрупнялись и специализировались, переходили на хозрасчет. Эти изменения требовали более грамотных людей на производстве, в совершенстве знающих сельскохозяйственное производство, его экономику. Однако из 200,8 тысяч управляющих отделениями, бригадиров и заведующих фермами колхозов и совхозов РСФСР в 1970 г. специальное образование имели всего лишь 33,8 тысячи, или 16,8 %, а в Читинской области только 5–9 %. В совхозах Иркутской области и Бурятской АССР на должностях управляющих отделениями совхозов в 1970 г. по сравнению с 1965 г. количество специалистов уменьшилось [1, с. 2].

Кадровая проблема, как в предыдущий [3, с. 59-78] так и в рассматриваемый период была не решена. Заменить всех практиков, работающих руководителям среднего звена, специалистами, сочетающими в себе и специальные знания и умение управлять производственными подразделениями, было не простым делом.

Бесспорно во второй половине 1960-х гг. улучшилось обеспечение колхозов и совхозов РСФСР специалистами. Если до мартовского Пленума ЦК КПСС в среднем за год количество специалистов увеличилось на 13,6 тысяч человек, в том числе со средним образованием на 4,8 тысяч, то после Пленума количество специалистов ежегодно увеличивалось более чем на 31 тысячу человек, в том числе со средним образованием – почти на 21 тысячу. Количество специалистов в сельском хозяйстве РСФСР к концу 1970 г. превысило 480 тысяч человек, в том числе с высшим образованием – 170 тысяч [1, с. 3].

Таким образом, потребность сельскохозяйственного производства в специалистах в основном была близка к удовлетворению потребностей в кадрах, однако сложившаяся ситуация была не стабильной. Для ее сохранности необходимо было принимать все меры по сокращению текучести специалистов, которая в ряде мест была очень высокой.

Направление на учебу сельской молодежи по путевкам хозяйств являлось не менее важным для закрепления на производстве специалистов с высшим образованием. Но во многих сельскохозяйственных вузах сельская молодежь составляла недостаточный удельный вес. Особенно много городской молодежи обучалось в Иркутском сельскохозяйственном институте. В числе выпускников этого института в 1969 г. горожане составили до 45 %, а среди специалистов по экономике – 54 % [1, с. 3]. В результате эта молодежь после обучения трудилась не по своей специальности. Так, в Бурятской АССР в 1970 г. на промышленных предприятиях работало 97 агрономов, зоотехников, ветврачей с высшим образованием, в 1973 г. – 126, специалистов со средним образованием соответственно 139 и 219 [2, с. 204].

После учебы многие из горожан не ехали в колхозы и совхозы, а старались устроиться в городе или вообще уйти из сельского хозяйства.

Между тем многие сельскохозяйственные органы в течение ряда лет ничего не делали для отбора и направления на учебу сельской молодежи за счет средств колхозов и совхозов. Об этом говорят такие факты. Из 254 специалистов, направленных в Читинскую область после окончания вузов в 1969 г., стипендиатами хозяйств были только 29 человек.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятом в августе 1969 г., предусматривалось создание при институтах подготовительных отделений со сроком обучения 8 месяцев с отрывом от производства и заочно – 10 месяцев. На эти отделения по направлениям хозяйств зачислялись производственники со стажем работы не менее года. Лица, успешно выдержавшие выпускные экзамены, зачислялись в институты без сдачи вступительных экзаменов и вне конкурса [1, с. 3]. В Восточной Сибири в рассматриваемый период работало три сельскохозяйственных института: Бурятский сельскохозяйственный институт, открытый в 1931 г., Иркутский сельскохозяйственный институт, организованный в 1934 г., Красноярский сельскохозяйственный институт, созданный в 1953 г. [4, с. 70].

В 1970 г. в РСФСР имелось 210 сельскохозяйственных техникумов и 54 совхоза-техникума. В них обучалось на дневных и заочных отделениях около

330 тысяч учащихся. За период с 1966 по 1970 гг. из средних сельскохозяйственных учебных заведений РСФСР выпущено свыше 60 тысяч специалистов средней квалификации, или почти вдвое больше, чем в 1965 г. [1, с. 3].

В хозяйствах Восточной Сибири процент подготовки квалифицированных рабочих для обслуживания механизированных животноводческих ферм был крайне мал. Задание министерства по подготовке этих кадров выполнил только Красноярский край.

В 1960-е гг. колхозы и совхозы стали получать машины на колесном ходу, удобные в управлении и эксплуатации. На таких машинах вполне могли работать и представители женского пола. Профессия механизатора перестала быть чисто мужской [5, с. 220].

Одной из форм подготовки механизаторских и других кадров являлась организация профессионального обучения учащихся старших классов сельских общеобразовательных школ. Вместе с аттестатом зрелости школьники обретали квалификацию рабочих специальностей [6, с. 85]. В 1960 г. учащиеся старших классов получали подготовку по 29 специальностям, а в 1964 г. – по 60, в том числе по 10 сельскохозяйственным [7, с. 119–120]. Такой подход к обучению способствовал закреплению молодежи после окончания школы в сельском хозяйстве. Так, в Бурятской АССР в 1969 г. 1,9 тысяч выпускников было направлено на работу в колхозы и совхозы [1, с. 5].

Вместе с отмеченными формами обучения в 1960-е г. популярностью пользовались профессионально-технические училища. Созданные еще в 1959 г. для подготовки квалифицированных рабочих кадров для промышленности они постепенно становились преобладающими учебными заведениями по обучению молодежи механизаторским профессиям [8, с. 79].

К 1970 г. в Российской Федерации действовало свыше 700 сельских профессионально-технических училищ. Их ежегодный контингент составлял более 250 тысяч учащихся, или почти на 80 тысяч больше, чем обучалось в 1963 г. В этих учебных заведениях насчитывалось 85 различных рабочих профессий [5, с. 221]. Подготовка велась по следующим профессиям: механизаторские кадры для полеводства; механизаторские кадры для мелиорации и водного хозяйства; механизаторские кадры для животноводства; электромонтеры сельской электрификации; ремонтные кадры; животноводы; птицеводы; пчеловоды; плодово-овощеводы; виноградари; садоводы; ветфельдшеры; ветсанитары и прочие профессии. В этом многообразии профессий наибольший удельный вес 78 % занимала подготовка механизаторских кадров для полеводства [5, с. 221]. Без подготовки инженерно-технических работников, механизация и электрификация производственных процессов на селе и достигнутые на этой основе рост культуры земледелия и животноводства, увеличение объема производства сельскохозяйственных продуктов были бы невозможны [9, с. 329].

В 1969 г. министерство сельского хозяйства приняло предложения областей, краев и АССР о создании и строительстве 247 специализированных учебно-курсовых комбинатов по подготовке и повышению квалификации кадров массовых профессий [10, с. 3]. По Восточной Сибири флагманом этого начинания являлась Бурятская АССР, в которой в 1970 г. был построен первый учеб-

ный комбинат. В Читинской и Иркутской областях это строительство затягивалось. Такое положение объясняется тем, что в Бурятской АССР к этому времени был наработан значительный опыт по созданию курсовых баз. Так к 1970 г. на территории школы повышения квалификации сельскохозяйственных кадров был построен новый корпус – трехэтажное здание с 10 учебными классами и лабораториями. [11, с. 91]. Имевшаяся в республике материально-техническая база ускорила строительство новых учебных комбинатов.

В 1960-е гг. произошли кардинальные изменения материально-технической базы сельского хозяйства, в отрасль поступала новейшее оборудование и техника. В силу возросшего объема поставок новой техники и внедрения в производство множества типов машин значительно увеличилась востребованность в механизаторских кадрах, возрастали требования к их знаниям. В рассматриваемый период в силу определенных исторических условий и необходимости быстрого подъема сельского хозяйства проблема укрепления его кадров по своему характеру, объему и сложности выдвигалась в ряд неотложных социально-политических и народнохозяйственных задач.

Таким образом, проведенная работа по укомплектованию колхозов и совхозов высококвалифицированными специалистами в рассматриваемый период имела определенный успех, однако созданная система по подготовке квалифицированных кадров не смогла полностью ликвидировать кадровый голод.

Список литературы и источников

1. Агибалов В.Г. Селу квалифицированные кадры // Земля сибирская, дальневосточная. 1970. №10. С. 2–5.
2. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Издательство Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, 2011. 320 с.
3. Проблемы модернизации АПК и культурно-хозяйственные традиции Байкальского региона: монография / кол. авторов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, 2018. 232 с.
4. Зайцева Л.А., Яковлев А.Л. Становление и развитие высшего сельскохозяйственного образования в Восточной Сибири (1931 – середина 1980-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. №7. С. 70–74.
5. Яковлев А.Л. Подготовка сельскохозяйственных кадров в сельских профтехучилищах в 1960-е – начале 1980-х гг. // Гришаевские чтения: мат-лы III национ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 18–19 ноября 2020 г.) / Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2021. С. 217–227.
6. Яковлев А.Л. Агрозоотехническое обучение массовых колхозных кадров в Бурят-Монгольской АССР // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. №2 (9). С. 82-85.

7. Яковлев А.Л. Агрозоотехническое обучение в колхозах и совхозах Восточной Сибири в 1950-е гг. // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2014. №2 (35). С. 115-120.
8. Карначев А.Е. Экономическое и социально-культурное развитие села Бурятии в 1960-е годы. Улан-Удэ: Издательство Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2010. 133 с.
9. Яковлев А.Л. Подготовка механизаторских кадров в Бурят-Монгольской АССР (1930-1960 гг.) // Тармахановские чтения: российская революция 1917 г. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию Российской революции 1917 года и 95-летию профессора, исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят, гос. ун-та. 2017. С. 324–330.
10. Агибалов В. Г. Заботливо обучать и воспитывать кадры // Сельское хозяйство России. 1970. № 7. С. 2–6.
11. Зайцева Л.А., Карначев А.Е., Яковлев А.Л. Институт дополнительного профессионального образования и инноваций БГСХА им. В. Р. Филиппова (история формирования системы подготовки и повышения квалификации кадров сельского хозяйства Бурятии (20-е годы XX – нач. XXI в.)). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова. 2008. 224 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	3
Секция 1. ФРОНТИР В МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ.....	4
Славина Л.Н. Социально-демографическая история Восточной Сибири 1960–1980-х гг. в ракурсе концепции фронта.....	4
Коновалова О.В. Изучение эсеровской эмиграции в свете концепции фронта.....	16
Царева Л.И. Из истории плановых органов России. По материалам книжной коллекции Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.....	21
Тихоньких В.П. Природно-географические комплексы сибирского фронта как геополитический фактор.....	44
Лопаткина Р.С. Отражение фронта в художественной литературе советского периода.....	59
Романов А.А. Интернет как пространство современного фронта.....	64
Секция 2. ФРОНТИР КАК ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА.....	69
Дацышен В.Г. Советские архивные материалы о начале антияпонского сопротивления в приграничных районах провинции Цзилинь.....	69
Кискидосова Т.А. Китайские и корейские рабочие на Черногорских угольных копях в 1930-е гг.	77
Уметбаев Т.Ш. Группы населения на Филиппинских островах накануне революции 1896 г.	86
Кулебякина Д.Е. Из истории дальневосточной газеты «Рабочий путь» (1922–1938 гг.).....	90
Суржко А.В. Советско-монгольское сотрудничество в сфере высшего образования (1946–1991 гг.): характеристика основных договоров и соглашений.....	94
Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Красноярский край – территория фронтного освоения.....	99
Секция 3. ЖИТЕЛИ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	107
Дроздов Н.И., Андюсев Б.Е. Сибирский характер в динамике фронтиров XVII – XX вв.	107
Дворецкая А.П., Суржко А.В. Формирование кадрового потенциала исторического факультета Красноярского государственного университета на примере жизненного пути Э.Г. Колесника.....	116
Сентябова М.В. Изменение детности семьи в городах Сибири в 1970–1980-х гг.	121
Павлюкевич Р.В. Развитие транспорта и связи в Красноярске во второй половине XX в.	127
Галыга Е.Э. Борьба с туберкулезом в городе Новосибирске с 1955 по 1957 год.....	132

Коростелева В.Г., Славина Л.Н. Демографическое развитие красноярской деревни после Великой Отечественной войны: общее и особенное.....	136
Секция 4. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	150
Зайцева Л.А. Из истории аграрного развития Бурятии в 1950-1960-е годы XX века.....	150
Ангадаева Ю.Ю. Техническое оснащение рыбного промысла в 1956–1980-е гг.	154
Ахтамов Е.А. Особенности подготовки кадров для Красноярской и Восточно-Сибирской железных дорог во второй половине XX века.....	161
Васютин И.А. Особенности работы золотой промышленности Красноярского края на начальном этапе Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.).....	166
Рябов Ю.В. Освоение гидроэнергетических ресурсов Восточной Сибири в советский период в рамках теории фронта.....	170
Сорокун П.В. Значение III краевого съезда Советов Сибири в истории края.....	181
Хорина В.В. К вопросу о продовольственном снабжении г. Красноярска в начале 1930-х гг.: колхозные ярмарки и борьба со спекулянтами и перекупщиками на примере межрайонной ярмарки 20 февраля – 1 марта 1933 года.....	184
Шадрин В.К. Особенности экономического развития фронтальных территорий на примере Красноярского края.....	191
Яковлев А.Л. Подготовка квалифицированных кадров для колхозов и совхозов (вторая половина 1960 – начало 1970-х гг.).....	195

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы IV национальной научной
конференции, посвященной памяти доктора исторических наук,
профессора, заслуженного работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева*

*11-12 ноября 2021 года
г. Красноярск*

Редактор М.М. Ионина

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от 25.09.2003 г.

Подписано в печать 12.04.2022. Формат 60×84/16. Бумага тип. № 1.

Печать – ризограф. Усл. печ. л. 13,0 Тираж 60 экз. Заказ № 33

Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117